

KAZISS

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

3

2020

www.kaziss.kz

Казахстан Спектр

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**Этнокультурные объединения Казахстана
как мосты народной дипломатии и сотрудничества**
Айгуль Садвокасова

Анализ структуры и динамики научных кадров Казахстана
Зайра Сатпаева

**Бюджетный процесс в Казахстане:
тенденции, факторы, альтернативы**
Вячеслав Додонов

**Цифровизация начального этапа государственных
закупок способом открытого конкурса**
Серик Джумабаев,
Айнур Тяжина

**Проблемы развития городских агломераций
в Республике Казахстан**
Зауреш Ахметова,
Лаура Аширбекова,
Гүлмира Ғалымқызы

**Коллективные действия:
кейс земельной реформы**
Слямжар Ахметжаров

**Современное состояние инновационной
деятельности предприятия транспортно-
логистической системы Казахстана**
Лаззат Габдуллина,
Гүльнара Жансеитова,
Жибек Абылкасимова

**Роль Казахстана в возобновлении диалога
между Россией и Турцией**
Акерке Райымбекова,
Жансая Жабина

**Исследования системных трансформаций
в странах Центральной Азии (Часть I)**
Тадеуш Бодио
Анджей Вежбицки

ISSN 1562-6318

9 771562 631162

Содержание

Айгуль Садвокасова	Этнокультурные объединения Казахстана как мосты народной дипломатии и сотрудничества 7
Зайра Сатпаева	Анализ структуры и динамики научных кадров Казахстана 19
Вячеслав Додонов	Бюджетный процесс в Казахстане: тенденции, факторы, альтернативы 29
Серик Джумабаев, Айнур Тяжина	Цифровизация начального этапа государственных закупок способом открытого конкурса 42
Зауреш Ахметова, Лаура Аширбекова, Гүлмира Ғалымқызы	Проблемы развития городских агломераций в Республике Казахстан 54
Слямжар Ахметжаров	Коллективные действия: кейс земельной реформы 65
Лаззат Габдуллина, Гульнара Жансеитова, Жибек Абылкасимова	Современное состояние инновационной деятельности предприятий транспортно-логистической системы Казахстана 73
Акерке Райымбекова, Жансая Жабина	Роль Казахстана в возобновлении диалога между Россией и Турцией 82
Тадеуш Бодио, Анджей Вежбицки	Исследования системных трансформаций в странах Центральной Азии (Часть I) 94

РЕЦЕНЗИЯ

Мурат Лаумулин	Обзор литературы по Центральной Азии: 2019-2020 гг. (Часть II) 108
-----------------------	--

KAZISS
Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Мадина Нургалиева**,
руководитель Отдела социологических
исследований КИСИ при Президенте РК

Ответственный за выпуск: Алмас Арзикулов
Редактор-корректор: Акмарал Бакирова
Верстка: Павел Романенко

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитшилик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644. ISSN 1562-6318

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Отпечатано в ТОО «Надежда 2050». г. Кокшетау, улица Баймуканова, 3. Тираж: 500 экземпляров

Мазмұны

Айгүл Сәдуақасова	Қазақстанның этномәдени бірлестіктері халықтық дипломатия мен ынтымақтастық көпірі 7
Зайра Сатпаева	Қазақстанның ғылыми кадрларының құрылымы мен динамикасын талдау 19
Вячеслав Додонов	Қазақстандағы бюджет процесі: үрдістер, факторлар, баламалар 29
Серік Жұмабаев, Айнұр Тяжина	Ашық конкурс тәсілімен мемлекеттік сатып алудың бастапқы кезеңін цифрландыру 42
Зәуреш Ахметова, Лаура Аширбекова, Гүлмира Ғалымқызы	Қазақстан Республикасындағы қалалық агломерациялар дамуының мәселелері 54
Слямжар Ахметжаров	Ұжымдық іс-әрекеттер: жер реформасының кейсі 65
Ләззат Габдуллина, Гүлнара Жансейітова, Жібек Абылкасимова	Қазақстанның көлік-логистикалық жүйесі кәсіпорындарының инновациялық қызметінің қазіргі жағдайы 73
Ақерке Райымбекова, Жансая Жабина	Қазақстанның Ресей мен Түркия арасындағы диалогтың жаңаруындағы рөлі 82
Тадеуш Бодио, Анжей Вежбицки	Орталық Азия елдеріндегі жүйелік трансформацияларды зерттеу (I бөлігі) 94

РЕЦЕНЗИЯ

Мұрат Лаумулин	Орталық Азия бойынша шетелдік әдебиеттерге шолу: 2019 – 2020 жж. (II бөлігі).....108
-----------------------	--

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Бас редактор **Мадина Нұрғалиева**,
ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ
Әлеуметтанулық зерттеулер бөлімінің басшысы

Шығаруға жауапты: Алмас Арыққұлов
Редактор-корректор: Ақмарал Бөкірова
Беттеу: Павел Романенко

Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ., Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz
Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997 жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318
Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға сілтеме жасалынуы міндетті.

Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі мүмкін. «Надежда 2050» ЖШС баспасынан басылып шығарылды
Көкшетау қ., Баймұқанов, 3. Таралымы: 500 дана.

Contents

Aigul Sadvokassova	Ethnocultural associations of Kazakhstan as bridges of people's diplomacy and cooperation 7
Zayra Satpayeva	Analysis of structure and dynamics of Kazakhstan's scientific personnel 19
Vyacheslav Dodonov	Budgetary process in Kazakhstan: trends, factors, alternatives 29
Serik Jumabayev, Ainur Tyazhina	Digitalization of the initial stage of public purchases by the open method of competition 42
Zauresh Akhmetova, Laura Ashirbekova, Gulmira Galymkyzy	Problems of development of urban agglomerations in the republic of Kazakhstan 54
Slyamzhar Akhmetzharov	Collective action: the land reform case study 65
Lazzat Gabdullina, Gulnara Zhanseitova, Zhibek Abylkassimova	The current state of innovative activity of the enterprise of the transport and logistics system of Kazakhstan 73
Akerke Rayimbekova, Zhansaya Zhabina	The role of Kazakhstan in resuming dialogue between Russia and Turkey 82
Tadeusz Bodio, Andrzej Wierzbicki	Research on systemic transformation in the countries of Central Asia (Part I) 94

BOOK REVIEWS

Murat Laumulin	Review of foreign literature on Central Asia: 2019 – 2020 (Part II) 108
-----------------------	--

KAZISS
Kazakhstan Institute
for Strategic Studies under
the President of the Republic
of Kazakhstan

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Madina Nurgalieva**,
Head of Sociological Studies Department
of the KazISS under the President of Kazakhstan

Responsible for publication: Almas Arzikulov
Editor-corrector: Akmaral Bakirova
Layout: Pavel Romanenko
Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.
Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
The journal was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318
All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed by «Nadegda 2050» LLP, Kokshetau, Baimukanov street, 3.
Copies: 500.

Редакционный совет

- Зарема Шаукенова** — председатель Редакционного совета, директор Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК
- Мадина Нургалиева** — шеф-редактор, руководитель Отдела социологических исследований КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
- Анна Альшанская** — редактор, старший научный сотрудник отдела социально-экономических исследований КИСИ при Президенте РК
- Рахман Алшанов** — президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Гульмира Илеуова** — директор ОФ Центр социально-политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук
- Гульнар Насимова** — заведующий кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета (КазНУ) им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
- Вячеслав Додонов** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор экономических наук
- Андрей Чеботарёв** — директор Центра актуальных исследований «Альтернатива», кандидат политических наук
- Марат Шайхутдинов** — первый заместитель Секретаря Совета Безопасности РК, доктор исторических наук, профессор
- Мартин Брусис** — доктор социологических наук, Высшая школа исследований Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвиг-Максимилиана (Германия)
- Синтия Каплан** — профессор Калифорнийского университета (США)
- Геннадий Чуфрин** — академик РАН, доктор экономических наук, профессор

Редакциялық кеңес

- Зарема Шәукенова** — Редакциялық кеңестің төрағасы, ҚР Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының (ҚСЗИ) директоры, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА мүше-корреспонденті
- Мадина Нұрғалиева** — Бас редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ Әлеуметтанулық зерттеулер бөлімінің басшысы, саяси ғылымдарының кандидаты
- Анна Альшанская** — редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ-дың әлеуметтік-экономикалық зерттеулер бөлімінің аға ғылыми қызметкері
- Рахман Алшанов** — «Тұран» ағарту корпорациясының президенті, ҚР жоғары оқу орындары қауымдастығының президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Гүлмира Илеуова** — «Стратегия» Әлеуметтік-саяси зерттеулер орталығы ҚҚ-ның директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
- Гүлнар Насимова** — Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдар докторы, профессор
- Вячеслав Додонов** — ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ-дың бас ғылыми қызметкері, экономика ғылымдарының докторы
- Андрей Чеботарёв** — «Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
- Марат Шайхутдинов** — ҚР Қауіпсіздік Кеңесі хатшысының бірінші орынбасары, тарих ғылымдарының докторы, профессор
- Мартин Брусис** — әлеуметтану ғылымдарының докторы, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Еуропаны зерттеудің жоғарғы мектебі, Людвиг-Максимилианның Мюнхен Университеті (Германия)
- Синтия Каплан** — Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)
- Геннадий Чуфрин** — РҒА академигі, экономика ғылымдарының докторы, профессор

Editorial Board

- Zarema Shaukenova** — Chairperson of Editorial Board, Director of Institute for Strategic Studies under President of Kazakhstan (KazISS), Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of National Academy of Science of Kazakhstan
- Madina Nurgalieva** — Chief Editor, Head of Sociological Studies Department of the KazISS under the President of Kazakhstan, Candidate of Political Sciences
- Anna Alshanskaya** — Editor, Senior Research fellow of the Department of Social and Economic Research of KazISS under President of Kazakhstan, Master of Economics
- Rakhman Alshanov** — President of “Turan” Educational Corporation, President of Kazakhstan Association of Higher Educational, Doctor of Economics, Professor
- Gulmira Ileuova** — Director of “Strategy” Center for Socio-Political Research, Candidate of Sociology
- Gulnar Nasimova** — Head of Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University (KazNU), Doctor of Political Science, Professor
- Vyacheslav Dodonov** — Chief Research Fellow of KazISS under President of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences
- Andrey Chebotarev** — Director of “Alternativa” Center for Contemporary Studies, Candidate of Political Science
- Marat Shaikhutdinov** — First Deputy Secretary of Security Council of Kazakhstan, Doctor of History, Professor
- Martin Brusis** — Director of Graduate School for East and Southeast European Studies, Ludwig-Maximilian University of Munich (Germany), Doctor of Social Science
- Cynthia Kaplan** — Department of Political Science, University of California Santa Barbara (USA), Professor
- Gennady Chuftrin** — Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА КАК МОСТЫ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Айгуль Садвокасова

Заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований, доктор социологических наук

Аннотация. В статье рассматриваются институциональные возможности взаимодействия этнокультурных объединений Казахстана и зарубежных стран по вопросам гуманитарного сотрудничества. На примере армянского, узбекского и немецкого этнокультурных объединений Казахстана рассматриваются культурные, интеллектуальные, экономические связи между этническими группами и странами этнического происхождения.

Ключевые слова: Этнические группы Казахстана, этнокультурные объединения, страны исторического происхождения этносов Казахстана, диаспора

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЭТНОМӘДЕНИ БІРЛЕСТІКТЕРІ ХАЛЫҚТЫҚ ДИПЛОМАТИЯ МЕН ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ КӨПІРІ

Айгүл Сәдуақасова

Аңдатпа. Мақалада Қазақстанның этномәдени бірлестіктері және шет елдердің гуманитарлық ынтымақтастық саласында өзара қарым-қатынас орнатудың институционалды мүмкіндіктері қарастырылады.

Армян, өзбек және неміс этномәдени бірлестіктердің мысалында этникалық топтардың тарихи елдерімен мәдени, интеллектуалды, экономикалық байланыстарын орнату тәжірибелері зерттеледі.

Түйін сөздер: Қазақстанның этникалық топтары, этномәдени бірлестіктер, Қазақстан этностарының тарихи елдері, диаспора

ETHNOCULTURAL ASSOCIATIONS OF KAZAKHSTAN AS BRIDGES OF PEOPLE'S DIPLOMACY AND COOPERATION

Aigul Sadvokassova

Abstract. The article examines the institutional possibilities of interaction between ethnocultural associations of Kazakhstan and foreign countries on issues of humanitarian cooperation. Cultural, intellectual and economic links between ethnic groups and countries of ethnic origin are considered.

Keywords: *Ethnic groups of Kazakhstan, ethnocultural associations, countries of the historical origin of ethnic groups of Kazakhstan, diaspora*

Введение

Этнокультурные объединения Казахстана являются общественными организациями, в которых граждане объединены для развития родного языка, культуры, традиций этнических сообществ, проживающих на территории Казахстана.

Согласно Закону «Об Ассамблее народа Казахстана» одним из направлений деятельности Ассамблеи является оказание содействия в развитии связей этносов Казахстана с их исторической родиной.

В этом же законе закреплено, что «этнокультурные объединения Ассамблеи – некоммерческие организации, разделяющие цель и задачи Ассамблеи, действующие на основании настоящего Закона и иных нормативных правовых актов Республики Казахстан» [Закон РК от 20 октября 2008 года № 70-IV «Об Ассамблее народа Казахстана» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.04.2018 г.), ст.14-1, п. 1. Дата обращения 25.08.2020 г].

«Целями деятельности этнокультурных объединений Ассамблеи являются развитие активности и самодетельности граждан, удовлетворение их интересов в сфере сохранения и развития традиций, языков и культуры» [Закон РК от 20 октября 2008 года № 70-IV «Об Ассамблее народа Казахстана» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.04.2018 г.), ст.14-1, п. 2. Дата обращения 25.08.2020 г].

Этнокультурные объединения могут действовать как местные, региональные или республиканские этнокультурные объединения Ассамблеи. Такая норма регулирует деятельность неправительственных организаций, которые закреплены также в Законе «Об общественных объединениях» [Закон РК от 31 мая 1996 года № 3-І «Об общественных объединениях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.05.2018 г.). Дата обращения 25.08.2020 г].

В данной работе рассматриваются роль и деятельность армянского, узбекского и немецкого ЭКО в укреплении двусторонних связей между Казахстаном и странами исторического происхождения этносов Казахстана.

Армяне прибыли на территорию Казахстана в результате различных исторических событий на территории Армении, а также бывшего Советского Союза. Казахские армяне являются активными проводниками двухсторонних отношений между Казахстаном и Арменией. Вместе с тем, они являются частью большой мировой армянской диаспоры.

Этнические узбеки являются представителями тюркоязычных народов, имеют близкие культурные и языковые традиции с казахами и проживают в сопредельной территории с Узбекистаном. Узбеки Казахстана демонстрируют высокий демографический рост, а также активную гражданскую и социальную деятельность в рамках Ассамблеи народа Казахстана и двухсторонних дипломатических отношений между Казахстаном и Узбекистаном.

Немцы Казахстана исторически пришли в Казахстан с территории России и называли себя «русскими немцами». Соответственно современная Германия географически находится в другой части света. После распада СССР из Казахстана в ФРГ эмигрировало около 800 000 этнических немцев. Сегодня в Казахстане проживают 180 000 немцев.

В данной работе мы попытаемся показать каким образом армяне, узбеки и немцы Казахстана вносят свой вклад в развитие международных отношений.

Таким образом, общая цель работы - определение медиаторских функций этнических групп Казахстана в отношениях со странами этнического происхождения. Задачи, которые позволяют раскрыть цель мы видим в изучении институциональных возможностей взаимодействия ЭКО и зарубежных стран, а также рассмотрение культурных, интеллектуальных, политических, экономических связей между этническими группами и зарубежными странами.

Объектом исследования выступают этнокультурные объединения Казахстана: немецкое общество «Возрождение», узбекское ЭКО, армянское ЭКО «Наири».

Статья подготовлена в рамках реализации грантового проекта Министерства образования и науки РК, АР 05135879 «Медиаторские функции диаспоры в отношениях между Казахстаном и этнической родиной».

Методы исследования

Исследование построено на качественном методе сбора информации и контент-анализе материалов из открытых источников, анализ научной литературы. Для подготовки статьи были проведены интервью с руководителями этнокультурных объединений. В настоящей статье использованы материалы, предоставленные офисами ЭКО «Наири», ОЮЛ «Дустлик», «Видергебурт» (некоторые из них были опубликованы в сборнике статей «Международный опыт диаспор Казахстана», под общ. редакцией проф. Ким Г.Н., Алматы, 2019) [1].

Терминологический дискурс вокруг понятий «этническая группа» и «диаспора» имеет свою историю и в настоящее время не завершился.

В научной литературе существует несколько подходов в определении диаспоры как особой социальной или этнополитической группы. В казахстанском общественном дискурсе понятие «диаспора» не используется по отношению к гражданам Казахстана, представителям этнических групп. Внутренний дискурс больше использует понятие «этнос», «этнические группы».

Понятие «этническая группа» близко по значению с понятием «этническая общность» (народ, этнос), под которой понимается группа людей, обладающая общим самосознанием этническим, разделяющая общее название и элементы культуры и находящаяся в фундаментальных связях с другими общностями (Словарь этнологических терминов, 2012).

В работах Ким Г.Н., Кондратьевой Т. С., Чичковой Е.Н. и Семенова О.Ю., Черноговцевой С.В. [2] подробно анализируются подходы в классической и современной науке в определении диаспоры. В частности, авторы отмечают, что существует несколько классификаций диаспор.

В рамках данной работы мы основываемся на использовании понятия «этническая группа» и «диаспора» с внутренним и внешним контекстом.

Рассмотрим практику взаимодействия со странами исторического происхождения трех этнокультурных объединений, представляющих немецкую, узбекскую и армянскую этнические группы Казахстана. История формирования на территории Казахстана данных групп имеет свои особенности. С точки зрения развития современных межгосударственных отношений между Казахстаном и другими странами важно понять насколько важна историческая связь этнической группы в установлении дружественных связей сотрудничества.

Этнические группы Казахстана: исторические судьбы

Важной характеристикой диаспоры, по мнению ученых, в частности профессора Корнельского университета (США) Милтон Дж. Эсмана, современная диаспора возникает в результате миграции и сохраняет связь с исторической родиной [2].

В работах В.А. Тишкова, которые анализирует Кондратьева Т.С. для определения диаспоры также важны понимание «историческая родина» и «родина». «Историческую родину» он определяет, как регион или страну, «где сформировался историко-культурный облик диаспорной группы и где продолжает жить основной культурно схожий с ней массив». Диаспора понимается им как люди, которые сами (или их предки) «были рассеяны из особого «изначального центра» в другой или другие периферийные, или зарубежные регионы» [2].

Армяне Казахстана

С точки зрения мировой науки, армянская диаспора относится к так

называемым старым диаспорам. Как отмечает Кондратьева Т.С., в группу старых включены те диаспоры, которые существовали со времен древности или средневековья: это еврейские, греческие, армянские диаспоры в странах Европы и Западной Азии, китайские и индийские в странах Юго-Восточной Азии [2].

В настоящее время армяне проживают в более чем 70 странах мира. По разным оценкам численность армян в мире составляет до 12–14 млн чел., из них в Армении на 2010 год – 3,3 млн чел. [3]. В динамике по состоянию на 1 января 2016 года число постоянного населения Армении составило 2 998 600 человек [4], что свидетельствует о сокращении численности армян в Армении.

Депутат Мажилиса Парламента РК, избранная от Ассамблеи народа Казахстана, Н. Микаэлян делится следующей информацией: «Первые поселения армян в Казахстане, как и во всей Центральной Азии, относятся к древним временам. Но их массовая миграция в эти края началась уже в советское время и имеет два этапа. Первый связан с централизованным направлением специалистов на важнейшие стройки пятилеток. Вторым – с насильственным, репрессивным переселением армян из Армении, Грузии, Азербайджана и других регионов СССР. Отмечено две волны депортации – в конце 30-х и 50-е годы. Наибольшая часть переселения армянских семей в Казахстан пришлось на 1937 год». В 1937 г. в Казахстан были депортированы 1120 армянских и курдских семей. В 1970–89 гг. они составляли 0,1–0,2 % всего населения. В настоящее время в РК проживает более 30 тыс. представителей армянского этноса [5].

В Казахстане, как и в других странах, армянский народ объединен в общину, которая в рамках этнической группы позволяет сохранять национальный облик, быт, традиции и нравы, родной язык, веру, историю и культуру.

Так в начале 90-х годов стали создаваться армянские культурные центры по всему Казахстану. А 30 октября 2004 года в г. Алматы была создана Ассоциация армянских культурных центров Республики Казахстан «НАИРИ», которая объединила 14 армянских культурных центров. Председателем Ассоциации армянских культурных центров РК «Наири» является Карапетян Артуш Месропович - кандидат экономических наук, профессор, академик Международной академии виноградарства и виноделия, заслуженный работник пищевой промышленности Казахской ССР.

Активная деятельность и усилия Ассоциации направлены на сохранение общественной стабильности, укрепление межнационального согласия, воспитание молодого поколения, на развитие и популяризацию армянской культуры и образования.

В 2006 году на территории армянского культурного центра «Луис» г. Алматы была открыта первая в Казахстане армянская апостольская церковь имени Святого Карапета.

Узбеки Казахстана

По мнению исследователей, в частности профессора Ж.О. Артыкбаева [6] узбекские общины, проживающие в южном регионе Казахстана, точно не могут сказать, с каких пор они живут в этом краю. Авторы связывают историю узбеков со сложными миграционными и этносоциальными процессами периода средневековья и нового времени на всей территории Центральной Азии [7]. В начале XX в. после национально-территориального размежевания Средней Азии в 1924 г. в период установления Советской власти большое количество узбеков осталось в пределах нынешних Туркестанской и Жамбылской областей, г. Шымкент. В современный период узбеки в основном проживают в приграничных с Узбекистаном южных районах Казахстана.

«В 90-х годах XX века, когда начался распад Советской империи, казахстанские узбеки в числе первых, желая сохранить свой язык, культуру, обычаи и традиции, создали свое общественное объединение. 28 ноября 1989 года в здании Шымкентской областной филармонии на первом курултае была заложена основа городского узбекского культурного центра. На этом представительном форуме приняли участие председатели областного и городского исполнительных комитетов, видные представители узбекского этноса, гости из соседнего Узбекистана. Прибытие представителей Узбекистана было связано с тем, что в Советское время казахстанские узбеки напрямую были связаны с Ташкентом, особенно в вопросах народного образования».

На курултае были обсуждены вопросы создания общественного объединения, которые были единодушно одобрены, были избраны руководители культурного центра и члены ревизионной комиссии, утверждены устав и планы работы.

29 февраля 1992 года в Шымкентском клубе работников государственной торговли был созван внеочередной Курултай, на котором состоялось официальное открытие Областного узбекского культурного центра, его председателем, как и предполагалось, стал М.Исаков. В работе Курултая приняли участие представители всех районов, где проживают члены узбекского этнического общества [6].

Немцы Казахстана

История немцев Казахстана уникальна тем, что на территорию республики немцы были переселены с России. Казахские немцы являются потомками тех, кто пережил две волны миграции и прошел трудный путь репрессий и преследований.

Истоки создания общества немцев берут свое начало с 1988 года, когда депутаты немецкого населения СССР избрали Координационный Центр в составе почти 200 представителей всех регионов проживания немцев в СССР и встречи с активистами находившегося в Москве Федерального канцлера Г. Колля [8].

Следующим шагом стало проведение в марте 1989 года учредительного собрания Всесоюзного общественно-политического и культурно-просветительского общества «Возрождение».

В Казахстане учредительное собрание республиканского общества «Возрождение» состоялось по инициативе главного редактора газеты «Фройншафт» К. Эрлиха, позже переименованное в Ассоциацию общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение» («Wiedergeburt»).

Сегодня немцы объединены в свою ассоциацию, которая является полноправным членом АНК. Совет немцев и его бюро представляют собой сильную и очень опытную команду, способную решать на межправительственном уровне проблемы немецкого меньшинства в Казахстане.

В Ассоциацию входят 20 областных обществ немцев, которые действуют на правовой основе. Немецкий этнос всегда находится в фарватере, это стало возможным благодаря поддержке и помощи государства, Ассамблеи народа Казахстана.

В октябре 1992 года был избран Совет немцев Казахстана, который являлся членом Европейского союза нацменьшинств. 21 октября 1993 года Кабинет министров Республики Казахстан утвердил «Комплексную программу возрождения немцев, проживающих в Республике Казахстан». Продолжением этой программы является Постановление Правительства Республики Казахстан от 23 апреля 1997 г. «О дополнительных мероприятиях по этническому возрождению немцев, проживающих в Республике Казахстан».

С 1995 г. Ассоциация немцев Казахстана входит в состав Ассамблеи народа Казахстана.

В 2017 году было проведено преобразование руководящих органов «Возрождения». Учредителями вновь зарегистрированного общественно-го фонда «Общественное объединение казахстанских немцев «Возрождение» стали 12 открытых объединений. 17 октября 2017 года была проведена общенациональная конференция немцев Казахстана, на которой был избран Попечительский совет ОФ «Возрождение». Председателем Попечительского Совета был избран депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан А. Рау [8].

На сегодняшний день ОФ «Возрождение» работает по разным сферам для улучшения самоорганизации немцев с учетом экономических, социальных, политических и эмоциональных аспектов.

Институциональные формы сотрудничества

***Казахстан – Армения*¹**

27 августа 1992 года были установлены дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Республикой Армения. С октября 1992 года в Республике Казахстан функционирует Посольство Республики Армения. Посольство Армении с первых дней активно сотрудничает с армян-

---

¹ Статья подготовлена на основе материалов, представленных депутатом Мажилиса Парламента РК Н. Микаэлян

скими этнокультурными объединениями в Республике. Зачастую граждане Армении, проживающие в Республике Казахстан за неимением возможности добраться до Посольства, обращаются за помощью через этнокультурные объединения.

С 1 октября 2008 г. в целях полноценной и эффективной реализации государственной политики по развитию партнёрства Армения-Дiaspora, в составе Правительства Республики Армения начало функционировать Министерство Диаспоры РА. Министерство призвано разрабатывать и осуществлять целевые программы по развитию партнёрства Армения-Дiaspora, способствовать реализации образовательных программ, и однодневных армянских школ Диаспоры, деятельности по сохранению и распространению культурного наследия нации.

Министерство Диаспоры Армении со дня создания сотрудничает со всеми армянскими диаспорами за рубежом, в том числе и с Казахстаном.

В основном развиваются двусторонние отношения в области культуры и образования, говорит Наринэ Микаэлян, которая долгие годы возглавляла молодежное крыло «Наири». Подписанный меморандум о сотрудничестве между Евразийским национальным университетом имени Л.Н.Гумилева и Ереванским государственным университетом дает возможность абитуриентам участвовать в образовательных проектах. В Ереване, при кафедре тюркологии, работает центр казахского языка. Преподаватели армянского языка воскресных школ Казахстана имеют возможность поехать в Армению на повышение квалификации и приобретение учебной литературы. Сами ученики воскресных школ ежегодно приглашаются в Армению на изучение языка и истории.

Хореографические ансамбли этнокультурных объединений принимают участие в различных танцевальных конкурсах Армении. Юный домбрист армянского происхождения выступил на конкурсе в Армении и стал победителем. Казахские молодые пианисты в 2015 году приняли участие в Международном фестивале в г.Ереване. Также с помощью армянской общины в период празднования 20-летия подписания дружеских отношений между Казахстаном и Арменией, в г.Алматы были проведены дни армянского кинематографа.

Казахстан – Германия²

Во время визита в Казахстан канцлера ФРГ Гельмута Коля в мае 1997 г. Первый Президент РК Нурсултан Абишевич Назарбаев отметил большое значение немецкой этнической группы, проживающей в Казахстане, для сотрудничества между двумя странами. Одновременно он призвал казахстанских немцев не покидать «свою родину, Казахстан», а строить вместе с другими народами этой страны лучшее будущее.

С 1994 г. в Республике Казахстан работает ежегодная казахстанско-гер-

---

² *Статья подготовлена по материалам, представленным офисом Общественного фонда «Казахстанское объединение немцев «Возрождение»*

манская межправительственная комиссия по вопросам немцев, проживающих в Казахстане. 21 октября 1993 г. Кабинет министров РК утвердил «Комплексную программу возрождения немцев, проживающих в Республике Казахстан». В развитие этой программы было принято Постановление Правительства Республики Казахстан от 23 апреля 1997 г. «О дополнительных мероприятиях по этническому возрождению немцев, проживающих в Республике Казахстан». 31 мая 1996 г. правительства Казахстана и Германии заключили Соглашение о сотрудничестве по поддержке граждан Республики Казахстан немецкой национальности, которое и сегодня является основой трехстороннего сотрудничества правительств и неправительственной организации.

На первых этапах осуществления мер помощи немцам СНГ в роли исполнителя заказа Правительства Германии выступал «Союз немцев за границей» (VDA), оказывавший материальную помощь, и поддержку образовательной деятельности.

В последующие годы сотрудничество осуществлялось посредством Германского общества по техническому сотрудничеству (GTZ), предоставлявшим гранты в культурной, образовательной, социальной областях совместно с обществами немцев Казахстана.

Помощь Германии немецким общинам Казахстана оказывалась в рамках принятой германским Правительством 23 января 1993 года концепции «Помощь российским немцам в государствах-правопреемниках Советского Союза» [9].

Концепция предоставления помощи подразделялась на несколько направлений:

- содействие в создании культурных центров, поддержка школ и детских садов (в которых воспитание и преподавание ведется на немецком языке);
- содействие в развитии национальных средств массовой информации (на немецком языке);
- стартовое финансирование и техническое оснащение частных предприятий.

Предпочтение отдавалось проектам в области культуры и возрождения языка. При этом Правительство ФРГ при оказании помощи придерживалось нескольких принципов:

- только по договоренности с Правительством страны;
- только для стимулирования так называемой самопомощи (т.е. для развития местной инициативы);
- с условием, что помощь не будет ставить немцев в привилегированное положение по сравнению с представителями других национальностей.

В период с 2005 года по 2014 годы ФРГ инвестировала в экономику Казахстана около 3,3 млрд. долл. США. Объем двусторонней торговли в 2014 году составил 2,761 млрд. долл. США. В том числе германский экспорт в РК – 444,7 млн. долл. США, импорт из РК – 2,317 млрд. долл. США.

Стабильно растет количество малых и средних предприятий Германии на рынке Казахстана, зарегистрировано 1 500 экономических структур с участием германского капитала [10].

При поддержке правительства Германии 25 августа 1994 г. в Алма-Ате был открыт Немецкий дом – культурный и общественный центр немецкого населения республики, центр по организации и осуществлению мер помощи этническим немцам при финансовой поддержке ФРГ. В Немецком доме разместился офис Исполнительного бюро АООНК «Возрождение». Александр Дедерер пишет: «Когда в 1994 году при моем участии был открыт Немецкий дом в Алматы, он стал местом, где впервые встречались предприниматели из Германии. Именно там зародилась идея, которая переросла в структуру представительств немецкой экономики» [9].

При финансовой помощи МВД Германии «Возрождение» уже 30 лет реализует такие проекты, как: сеть центров встреч, курсы немецкого языка, школы факультативного и дошкольного образования, воскресные школы и школы третьего возраста, образовательно-информационные центры (BiZ), сеть социальных станций, санаторно-курортное лечение, клубы немецкой молодежи, лингвистические лагеря и многое другое.

Выступая на международной конференции «Немцы Казахстана: мост между Астаной и Берлином» (октябрь 2015 г.) депутат Немецкого Бундестага, Уполномоченный Федерального правительства по делам переселенцев и национальных меньшинств Хартмут Кошик отметил, что «немецкие граждане казахстанского происхождения и оставшиеся в Казахстане немцы являются прирожденными строителями мостов между двумя странами. Кто может возвести мост между нашими культурами компетентнее и убедительнее, чем они? Эти сограждане, по большей части, выросли в двух культурах, и в их груди бьются, так сказать, два сердца. Мост – это связь между нашими государствами сквозь все границы. [11].

Альберт Рау, Председатель Попечительского Совета Общественного фонда «Казахстанское объединение немцев «Возрождение» вспоминает: «Я семь лет отвечал в Правительстве за отношения с Германией. Это было прямое поручение Первого Президента, Нурсултана Абишевича. За это время я провел шесть заседаний межправкомиссии по экономическому сотрудничеству... Мы позиционируем ОФ «Возрождение» как бизнес-платформу между Казахстаном и Германией, для нас это направление приоритетное, потому что родственных связей наших земляков мало, надо поддерживать и развивать деловые отношения. Для нас очень значимо, когда наши возвращаются из ФРГ и ведут успешно бизнес [9].

На сегодняшний день в Казахстане действует свыше 900 компаний с участием капитала из Германии. За последние 14 лет германские компании инвестировали в нашу страну порядка \$5 млрд. По данным немецких статистических ведомств, товарооборот по итогам 2018 г. достиг исторического максимума в 5,1 млрд евро [12].

*Казахстан – Узбекистан*³

Этнокультурные объединения узбеков Казахстана ведут активную работу по сотрудничеству с Узбекистаном в культурном, гуманитарном направлении. Ближайшее соседство позволяет организовать совместные мероприятия на приграничной территории. Углублению и развитию казахстанско-узбекских отношений способствовали проведение Года Узбекистана в Казахстане и Казахстана в Узбекистане (2018-2019 гг.). В этот период был подписан Меморандум о сотрудничестве между Ассамблеей народа Казахстана и Государственным комитетом по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами Узбекистана. Это расширило границы сотрудничества. Налажено сотрудничество с целым рядом организаций Узбекистана: Республиканским Казахским культурным центром Узбекистана (председатель Серик Усенов), Фондом Улугбека Республики Узбекистан, с театральными коллективами Республики Узбекистан (города Ташкент и Самарканд).

В Нур-Султане с 2017 года по инициативе председателя столичного этнокультурного объединения Ш. Пулатова на ежегодной основе проводится международный литературно-культурный вечер, посвященный творчеству узбекского мыслителя Алишера Навои при поддержке Ассамблеи народа Казахстана под названием «Шығыс жұлдызы Науаи» (Звезда Востока Навои). В Год Узбекистана в Казахстане, общественное объединение Узбекский этнокультурный центр совместно с Посольством РУз в РК и ЕНУ им.Л.Н. Гумилева начало активную работу по реализации проекта по созданию на базе Евразийского Национального Университета (ЕНУ) им.Л.Н. Гумилева - Центра узбекского языка, литературы и культуры имени Алишера Навои.

В республике с 1998 года функционирует Туркестанский (Южно-Казахстанский) филиал Международного благотворительного фонда Амира Темура. Первый председатель и основатель филиала Махаммат Арипов и его заместитель ученый-историк Мирахмад Мирхалдаров внесли большой вклад в изучение исторических фактов, связанных с Тамерланом и нашей республикой. С 2013 г. филиалом руководит Икрам Хашимжанов. Были открыты представительства филиала во всех районах Туркестанской и Жамбылской областей, в городах Нур-Султан и Алматы. Ежегодно большая делегация из Казахстана участвует на торжествах, посвященных Амиру Темуру в городе Ташкент. В Государственный музей Темуридов были подарены сувениры-макеты «Тайказана» и Мавзолея Ахмеда Яссауи, «Золотая монета» с изображениями мавзолея Ахмеда Яссауи и печати Амира Темура, изготовленные известным туркестанским узбекским ремесленником-дизайнером Насиром Хамракуловым.

В ходе визита казахстанской делегации в октябре 2019 года в Ташкент

---

³ *Статья подготовлена на основе материалов, представленных заместителем Председателя АНК, руководителем узбекского этнокультурного объединения г. Нур-Султан Ш.А. Пулатовым.*

были подписаны меморандумы о взаимном сотрудничестве и обмене опытом между Национальным центром рукописей и редких книг при МКС РК и Институтом востоковедения Абу Райхан Беруни и Международной исламской Академией РуЗ [13]. Институт востоковедения им. Абу Райхан Беруни и Международная Академия Узбекистана передали казахстанской стороне каталоги, имеющихся у них рукописей и выразили готовность передать копии книг, имеющих отношение к Казахстану. Одним из важнейших результатов поездки стало заключенное соглашение и передача из личной коллекции 400 электронных копий редких книг и рукописей (на узбекском, арабском, староузбекском и других языках) коллекционером Давронбеком Тожиалиевым.

Необходимо отметить, что он и раньше передавал казахстанской стороне электронные книги, однако в этот раз он передал такие материалы, которые до сих пор не опубликованы на его портале и Казахстану ранее не передавались.

Список литературы

1. Международный опыт диаспор Казахстана / Сборник статей под общ. редакцией проф. Ким Г.Н., Алматы, 2019
2. Ким Г.Н. Введение в диаспорологию. Учебное пособие. Алматы, 2016; Этнические диаспоры в США. С.В. Черноговцева (Опубликовано в журнале «США-Канада. Экономика - политика - культура», 2008, №2, с. 119-127) // № 329 – 330, 14 - 27 апреля 2008 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0329/analit03.php>; Влияние диаспор на разработку и осуществление германской иммиграционной политики, 2010 г./ Е.Н. Чичкова, О.Ю. Семенов. Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского // Международные отношения. Политология. Регионоведение Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010, No 6, с. 294–300 // http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2010_6/45.pdf; Кондратьева Т.С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // http://www.perspektivy.info/book/diaspory_v_sovremennom_mire_evolyucija_javlenija_i_ponatiya_2010-02-27.htm// Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы;
3. Армяне / отв. Ред. Л.М.Варданян, Г.Г. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт истории АН РУ. – М.: - Наука, 2012. – 648 с. – (Народы и культуры).
4. Армения // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%80%D0%B>
5. Этнос Казахстана // <https://assembly.kz/ethnos/kk/armyane/>
6. Артыкбаев Ж.О. Узбеки Казахстана. Астана, 2018.
7. Узбеки / отв. ред. З.Х. Арифханова, С.Н. Абашин, Д.А. Алимova; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт истории АН РУ. – М.: - Наука, 2011. – 688 с. – (Народы и культуры).
8. Бауэр В.А., Иларионова Т.С. Российские немцы: право на надежду... - С.89-90.
9. Ваффеншмидт Х. Помощь российским немцам в государствах-правопреемниках Советского Союза // DAZ. -1993. – №.4 (23 Januar) – С.9-10.
10. Состоялось 9-е заседание Казахстанско-германской МРГ по торгово-экономическому сотрудничеству // http://www.nomad.su/?a=201506100012_/09/06/2015/
11. Материалы Международной научно-практической конференции «Немцы Казахстана: мост между Астаной и Берлином», 5-7 октября 2015 г., Астана.
12. DAZ, Октябрь 2019. <http://daz.asia/ru/ukreplenie-torgovo-ekonomicheskogo-dialoga-kazahstana-i-germanii/>
13. Казахстан и Узбекистан договорились совместно работать с редкими книгами и архивными документами // <https://assembly.kz/ru/news/kazakhstan-i-uzbekistan>

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ И ДИНАМИКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ КАЗАХСТАНА

Зайра Сатпаева

Старший научный сотрудник
Института экономики КН МОН РК (г. Алматы, Казахстан)

Аннотация. Статья посвящена анализу структуры и динамики научных кадров Казахстана. Основным методом исследования является экономико-статистический анализ. Информационной базой послужили статистические данные Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан за период с 2016 по 2018 гг. В ходе анализа было показано, что сложилась критическая ситуация с воспроизводством научных кадров, особенно кадров высшей квалификации. В связи с чем необходим комплекс мер, направленный на преодоление низкой обеспеченности научными кадрами, как в разрезе отраслей знаний, так и в территориальном распределении по стране. Выводы могут быть учтены и использованы при реализации, разработке и совершенствовании стратегий, программ, концепций и планов развития Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Ключевые слова: научные кадры, Казахстан, работники, осуществляющие НИОКР

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҒЫЛЫМИ КАДРЛАРЫНЫҢ ҚҰРЫЛЫМЫ МЕН ДИНАМИКАСЫН ТАЛДАУ

Зайра Сатпаева

Аңдатпа. Мақала Қазақстанның ғылыми кадрларының құрылымы мен динамикасын талдауға арналған. Зерттеудің негізгі әдісі экономикалық-статистикалық талдау болып табылады. Ақпараттық база ретінде Қазақстан Республикасы Ұлттық экономика министрлігі Статистика комитетінің 2016-2018 жылдар аралығындағы статистикалық деректері алынды. Талдау барысында ғылыми кадрларды, әсіресе жоғары білікті кадрлардың ұдайы өсуінде қиын жағдай қалыптасқаны көрсетілді. Осыған байланысты білім салалары бөлінісінде де, ел бойынша аймақтық бөліністе де ғылыми кадрлармен төмен қамтамасыз етілуін жеңуге бағытталған шаралар кешені қажет. Зерттеу қорытындылары Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігінің стратегияларын, бағдарламаларын, тұжырымдамалары мен даму жоспарларын іске асыру, әзірлеу және жетілдіру кезінде ескерілуі және пайдаланылуы мүмкін.

Түйінді сөздер: ғылыми кадрлар, Қазақстан, ҒЗТҚЖ жүзеге асыратын қызметкерлер.

ANALYSIS OF STRUCTURE AND DYNAMICS OF KAZAKHSTAN'S SCIENTIFIC PERSONNEL

Zayra Satpayeva

Abstract. The article is devoted to the analysis of structure and dynamics of Kazakhstan's scientific personnel. The main research method is economic and statistical analysis. The information base was the statistics of the Committee on statistics of the Ministry of national economy of the Republic of Kazakhstan for the period from 2016 to 2018. During the analysis, it was shown that there is critical situation with the reproduction of scientific personnel, especially highly qualified personnel. In connection with what, there are needed a set of measures aimed at overcoming the low availability of scientific personnel, both in the context of the branches of knowledge and in the territorial distribution of the country. Conclusions can be taken into account and used in the implementation, development and improvement of strategies, programs, concepts and development plans of the Ministry of education and science of the Republic of Kazakhstan.

Key words: *scientific personnel, Kazakhstan, R&D workers.*

Введение

В условиях наукоемкой экономики ключевое значение для экономического роста, развития и благосостояния страны приобретают генерация, использование и диффузия знаний. В связи с этим важное значение приобретает наличие в сфере науки ресурсной базы, включающей в себя высококвалифицированный кадровый потенциал, современную материально-техническую базу и достаточный объем финансирования научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР).

В Государственной программе развития образования и науки Республики Казахстан на 2016 - 2019 годы задачи развития науки были отражены в двух целевых индикаторах: доля затрат на опытно-конструкторские разработки в общем объеме финансирования НИОКР, доля коммерциализированных проектов в общем количестве прикладных научно-исследовательских работ. Однако, не были оценены основные проблемы, негативные тенденции и риски в развитии научного потенциала. В результате чего, в научной политике страны не был учтен научный потенциал, который на сегодняшний день находится в критической ситуации. В то время как утрата научного потенциала может привести к несопоставимым потерям, в частности к низкой результативности НИОКР, снижению вклада науки в социально-экономическое развитие страны, неконтролируемому и нерацио-

нальному использованию природных ресурсов, усилению технологической отсталости, росту неравенства и ухудшению качества человеческого капитала.

Объективное исследование структуры и динамики научных кадров Казахстана позволит верно обосновать ключевые направления повышения научного потенциала страны в целях становления наукоемкой экономики.

Методы исследования

Исследование проводилось на основе системно-структурного подхода с использованием метода экономико-статистического анализа. Информационной базой исследования послужили статистические данные Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан, в частности данные по работникам, осуществляющим НИОКР, за период с 2016 по 2018 гг. (Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в Республике Казахстан. 2016 год [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT210229>; Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в Республике Казахстан. 2017 год [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT255671>; Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в Республике Казахстан. 2018 год [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT300073>; Основные показатели состояния и развития науки [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT100458> (дата обращения: 12.02.2020)). Для обработки статистических данных использовалась программа Microsoft Excel.

Статья подготовлена в рамках проекта грантового финансирования Министерства образования и науки Республики Казахстан «Влияние науки на социально-экономическое развитие Казахстана: методология, модели оценки и сценарии развития» (ИРН AP08052745).

Результаты исследования

В Казахстане в 2018 году научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы осуществлялись 384 предприятиями, большая часть (58%) которых сосредоточена в г. Алматы, г. Нур-Султан и Карагандинской области. Число работников, занимающихся НИОКР, составило 22 378 человек, из них специалисты-исследователи - 17454 человек. Свыше 70% исследователей осуществляли свою деятельность в г. Алматы, г. Нур-Султан, Восточно-Казахстанской и Карагандинской областях (рисунок 1).

Рисунок 1. Региональное распределение исследователей и предприятий в сфере НИОКР, 2018 г.

По сравнению с 2016 годом количество предприятий увеличилось на 1 единицу, а численность работников сократилась на 607 человек, т.е. на 2,6%. В 2018 году численность работников в сфере НИОКР составила 22 378 человек. При этом число исследователей увеличилось с 17421 человека в 2016 году до 17454 человек в 2018 году.

Количество исследователей с казахстанским гражданством увеличилось с 17144 человек до 17201 человека. Число иностранных исследователей сократилось с 277 до 253 человек, в основном из-за уменьшения числа исследователей из стран СНГ – с 240 до 199 человек. Большая часть иностранных исследователей в Казахстане – это граждане из стран СНГ. Иностранные исследователи, гражданство которых вне стран СНГ, имеют ученую и академическую степень, в основном это доктора философии. Только 67,3% исследователей из стран СНГ имеют ученую и академическую степень, в основном это кандидаты и доктора наук. Свыше 800 исследователей в РК – это исследователи, страной рождения которых не является Казахстан.

В 2018 году в среднем на предприятии в сфере НИОКР работало 58 человек, в том числе в государственном секторе – 54, предпринимательском секторе – 20, некоммерческом секторе – 36, секторе высшего профессионального образования – 80. Наибольшее число предприятий, занимающихся НИОКР, в предпринимательском секторе, наименьшее – в некоммерческом секторе. За период с 2016 по 2018 гг. количество предприятий, осуществляющих НИОКР, увеличилось в государственном и некоммерческом секторах, уменьшилось в секторе высшего профессионального образования (рисунок 2).

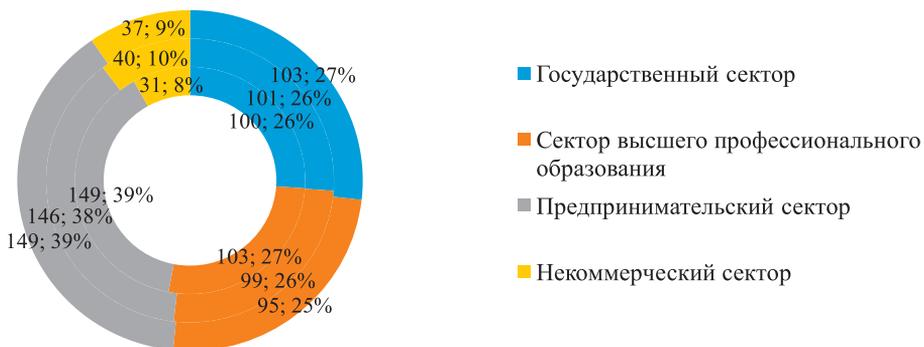

Рисунок 2. Количество организаций, осуществлявших НИОКР, по секторам деятельности, единиц, 2016-2018 гг.

В то время как наибольшее число исследователей работает в секторе высшего профессионального образования, наименьшее так же в некоммерческом секторе. За период с 2016 по 2018 годы наблюдается уменьшение числа исследователей в секторе высшего профессионального образования на 9,4%, а также их рост в государственном, предпринимательском и некоммерческом секторах на 8,2%, 3,2% и 29,5% соответственно (рисунок 3).

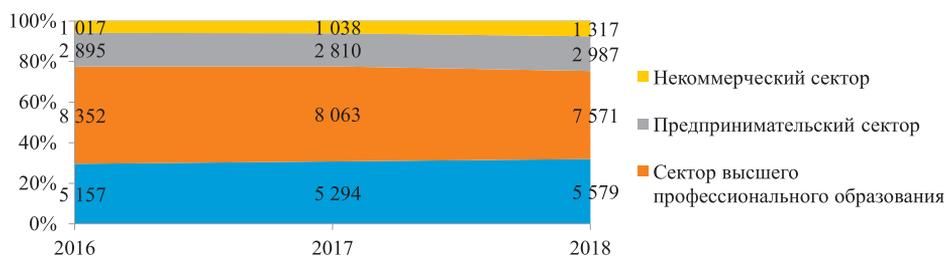

Рисунок 3. Численность исследователей по секторам деятельности, человек, 2016-2018 гг.

За рассматриваемый период количество научно-исследовательских и проектно-конструкторских подразделений сократилось с 1783 до 1523 единиц во всех секторах деятельности. При этом наибольшее число подразделений в секторе высшего профессионального образования, наименьшее – в некоммерческом секторе. Две трети подразделений функционируют в г. Алматы, г. Нур-Султан, Карагандинской и Восточно-Казахстанской областях. С сокращением числа данных подразделений сократилась численность их работников, с 21269 до 18539 человек. В секторе высшего профессионального образования и государственном секторе задействовано 80% работников.

Среди работников, выполняющих научные исследования и разработки, наблюдается гендерный баланс: в 2018 году 52,8% исследователей – женщины, что, однако, на 0,5 процентных пункта (п.п.) меньше, чем в

2016 году. Остепененность (без включения степени магистра) исследователей среди женщин (39,5%) ниже, чем среди мужчин (45,7%). При этом остепененность в целом сократилась. В период с 2016 по 2018 гг. среди работников, осуществляющих НИОКР, наблюдается сокращение числа специалистов с высшим профессиональным и со средним профессиональным образованием на 1% и 28,9% соответственно. В то время как среди исследователей их число растет. Так, в 2018 году по сравнению с 2016 годом число специалистов с высшим образованием увеличилось на 25 человек, а число специалистов со средним профессиональным образованием выросло в 5 раз до 10 человек. Количество докторов по профилю, докторов и кандидатов наук уменьшилось на фоне увеличения количества докторов философии и магистров. Это связано с тем, что с 2010 года в Казахстане прекращена подготовка кандидатов и докторов наук.

В 2018 году кадры высшей научной квалификации были представлены докторами наук - 1740 человек, докторами по профилю – 336 человек, докторами философии PhD – 869 человек, кандидатами наук – 4360 человек. Численность магистров составила 4472 человека. Наибольшее число специалистов с высшим образованием в г. Алматы, г. Астана, Восточно-Казахстанской, Карагандинской и Туркестанской областях, наименьшее – в Северо-Казахстанской и Кызылординской областях. За рассматриваемый период число исследователей до 25 лет сократилось на 23,2%. Число молодых ученых (до 35 лет) уменьшилось с 6998 человек в 2017 году до 6670 человек в 2018 году, т.е. на 4,7%. В то время как число работников после пенсионного возраста (63 лет и старше) за тот же период увеличилось с 3348 человек до 3414 человек, т.е. на 2%. Основную массу научных кадров Казахстана составляют исследователи в возрасте от 25 до 44 лет, а также исследователи пред- и после- пенсионного возраста, число которых за рассматриваемый период выросло (рисунок 4).

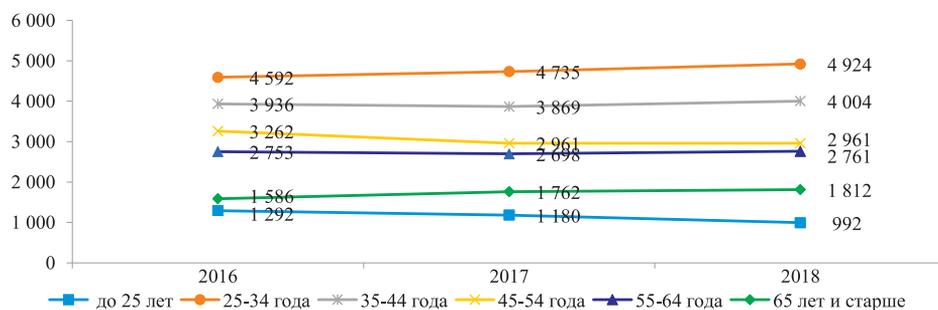

Рисунок 4. Численность исследователей по возрасту, человек, 2016-2018 гг.

Женщин среди докторов по профилю и докторов наук меньше, чем мужчин, в то время как среди кандидатов наук и магистров их доля до-

ходит до 60%. Гендерный баланс соблюдается среди исследователей в возрасте до 25 лет и в промежутке 55-64 лет, в возрастной группе 65 лет и старше число мужчин превышает число женщин в 2 раза, в остальных возрастных категориях женщин больше мужчин. Среди молодых ученых количество женщин магистров и докторов философии превышает количество мужчин в 2 раза. Среди исследователей после 35 лет наблюдается приближение к гендерному балансу. Гендерный дисбаланс наблюдается на позициях докторов по профилю, начиная с возрастной группы старше 55 лет, кандидатов наук в возрастной группе 65 лет и старше, а также среди докторов наук 35-44 лет и старше 55 лет, где число мужчин превышает число женщин.

За рассматриваемый период наблюдается незначительное снижение остепененности среди работников науки. В группе молодых исследователей наблюдается низкий уровень остепененности. В 2018 году в возрастной группе «до 25 лет» - 0%, «25-34 лет» - 6,5%. Самый высокий уровень остепененности у исследователей в возрасте 65 лет и старше – 66,7%.

На естественные науки и инженерные разработки и технологии (ИРТ) в 2018 году приходилось 57% всех казахстанских специалистов-исследователей, а их численность возросла с 2016 года с 9868 до 1066 человек. За рассматриваемый период на 25,7% выросла численность исследователей в социальных науках и на сегодняшний день составляет 1891 человек, это 11% казахстанских исследователей. В медицинских и сельскохозяйственных науках по сравнению с 2016 годом численность специалистов-исследователей сократилась на 22,3% и 11,6% соответственно. В гуманитарных науках также наблюдается незначительное сокращение кадров.

При этом мужчин больше среди исследователей в области сельскохозяйственных наук и ИРТ, в том числе среди остепененных, в то время как в медицинских, социальных и гуманитарных науках количество женщин-исследователей превышает количество мужчин-исследователей в 2 раза. В 2018 году наблюдается средний уровень остепененности (без учета магистерской степени) в социальных и естественных науках - 52% и 42% соответственно, низкий - в гуманитарных и инженерных разработках и технологиях – 33% [1] и 28% соответственно. За 2016-2018 гг. в рассматриваемых отраслях науки, за исключением гуманитарных наук, число исследователей, имеющих ученую степень, уменьшилось. Число докторов философии во всех отраслях науки увеличивается, докторов по профилю - уменьшается. Среди мужчин и женщин, имеющих степень доктора наук, в медицинских, социальных и гуманитарных науках наблюдается гендерное равенство. В других же отраслях количество мужчин превышает количество женщин в 2-6 раз. Гендерный дисбаланс также наблюдается среди исследователей, обладающих степенью магистра, где женщин больше, чем мужчин.

За рассматриваемый период в среднем было принято 3758 специалистов-исследователей, в основном из других научных организаций и прочих мест. По окончании вуза были приняты в основном магистры и специалисты с высшим профессиональным образованием. В 2018 году докторов философии было принято 25 человек, что выше показателя 2016 года в 3 раза. Наблюдается снижение числа специалистов, принятых на работу, после окончания вуза на фоне роста принятых из прочих мест. Увеличилось количество принятых исследователей среди женщин. Основной причиной выбытия научных кадров является уход по собственному желанию, которых за рассматриваемый период стало меньше. Однако выбытие по причине сокращения кадров значительно увеличилось, в 8,3 раза по сравнению с 2016 годом (рисунок 5).

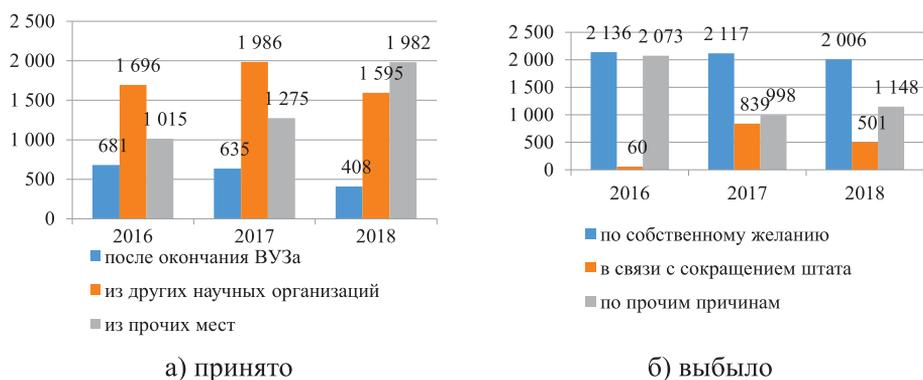

Рисунок 5. Движение численности специалистов-исследователей, человек, 2016-2018 гг.

Одной из причин выбытия работников, осуществляющих НИОКР, по собственному желанию может быть низкий доход, учитывая, что зачастую грантовое и программно-целевое финансирование являются единственным источником оплаты труда ученого в научно-исследовательском институте. Так, среднемесячная номинальная заработная плата занятых в сфере «Научные исследования и разработки» выросла с 208752 тенге в 2016 году до 228385 тенге в 2017 году, в сфере «Высшее образование» с 136403 тенге до 142413 тенге соответственно. При этом существует гендерный разрыв в заработной плате мужчин и женщин [2].

Еще одним способом измерения персонала НИОКР является расчет эквивалента полной занятости, который позволяет учесть разную степень непосредственного участия сотрудников в осуществлении НИОКР [3, с. 71]. По Казахстану значение этого показателя в рассматриваемом периоде составило 0,7, что говорит о высокой степени участия работников, осуществляющих НИОКР. В 2018 году высокое значение эквивалента полной занятости с тенденцией его повышения было отмечено в Мангыстауской

(0,98), Жамбылской (0,92) и Атырауской областях (0,91), низкое с тенденцией понижения – в г. Шымкент (0,36) и Туркестанской области (0,46).

Обсуждение результатов и выводы

Полученные данные свидетельствуют об убывании человеческого капитала в науке. В настоящее время сложилась критическая ситуация с воспроизводством научных кадров, особенно кадров высшей квалификации. Проведенный анализ динамики и структуры численности работников, осуществляющих НИОКР, за 2016-2018 гг. показал следующее:

1) г. Алматы, г. Нур-Султан, Восточно-Казахстанская и Карагандинская область являются движущими научными регионами страны;

2) численность специалистов-исследователей выросла незначительно;

3) кадры высшей научной квалификации представлены докторами наук, докторами по профилю, докторами философии PhD и кандидатами наук;

4) до 1,5% исследователей – это иностранные граждане, в основном из стран СНГ;

5) кадровый потенциал с высшей научной квалификацией растет, в частности растет количество докторов философии (PhD) и докторов по профилю;

6) свыше половины казахстанских исследователей задействовано в естественных науках и инженерных разработках и технологиях, что говорит о том, что разработки в этой области являются наиболее востребованными в Казахстане;

7) численность специалистов-исследователей в медицинских и сельскохозяйственных науках сократилась;

8) число молодых ученых (до 35 лет) уменьшилось, в то время как в ближайшие годы предстоит заместить более 2000 специалистов высшей квалификации, достигших пенсионного возраста к 2018 году;

9) в целом среди работников, выполняющих научные исследования и разработки, наблюдается гендерный баланс, однако, гендерное распределение по отраслям наук, ученой степени и возрасту не сбалансировано;

10) существует разрыв между поколениями исследователей, мало исследователей в возрасте от 44 до 55 лет, плавного замещения выбывающих по естественным причинам специалистов высшей научной квалификации не происходит;

11) остепененность (без включения степени магистра) исследователей незначительно снизилась; уровень остепененности средний в социальных и естественных науках, низкий - в гуманитарных и инженерных разработках и технологиях; среди женщин ниже, чем среди мужчин; низкий - в группе молодых исследователей, высокий - у исследователей в возрасте 65 лет и старше;

12) число специалистов, принятых на работу, после окончания вуза снижается на фоне роста принятых из прочих мест, при этом количество принятых исследователей среди женщин увеличилось;

13) основной причиной выбытия научных кадров является уход по собственному желанию, значительно увеличилось число выбывших по причине сокращения кадров;

14) высокое значение эквивалента полной занятости с тенденцией его повышения в Мангыстауской, Жамбылской и Атырауской областях, низкое с тенденцией понижения – в г. Шымкент и Туркестанской области.

Назрела необходимость разработки специальных мер по развитию науки, способствующих преодолению низкой обеспеченности научными кадрами, как в разрезе отраслей знаний, так и в территориальном распределении по стране. Следует отметить, что роль науки определяется принципами науки (универсализм, рациональность, достоверность, сотрудничество) и функциями науки (познавательная, культурно-мировоззренческая, образовательная), которые формируют социальную память, социальную силу, критическое мышление, способствуют укоренению норм познавательного, креативного отношения к действительности. Эти составляющие трудно поддаются формализации и количественному измерению и присутствуют как социокультурные компоненты в обществе. Ослабление влияния науки на общество рано или поздно приводит к укреплению альтернативных социальных институтов. Поэтому необходимо поддерживать усилия по интеллектуализации общества, в первую очередь через развитие научных кадров, повышение престижа научно-технической деятельности и статуса ученого.

Список литературы

1. Альжанова Ф.Г., Сатпаева З.Т. Развитие социальных и гуманитарных наук в Казахстане // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Наука и образование в современном мире: вызовы XXI века» (V том) / Сост. Е. Ешим, Е. Абиев и др. Нур-Султан, 2019. С. 171-174.
2. Kireyeva A.A., Satpayeva Z.T., Kenzhegulova G.K. Women across Social Groups in Kazakhstan Labor Market // KODISA International Conference: 2019 International Conference on Business and Economics (ICBE 2019). Seoul, 2019. P. 157-159.
3. Осипов Г., Климовицкий С., Садовничий В. Наукометрия. Индикаторы науки и технологии: уч. пособие для вузов / 2-е изд., пер. и доп. М.: Litres, 2018. 173 с.

БЮДЖЕТНЫЙ ПРОЦЕСС В КАЗАХСТАНЕ: ТЕНДЕНЦИИ, ФАКТОРЫ, АЛЬТЕРНАТИВЫ

Вячеслав Додонов

Главный научный сотрудник
КИСИ при Президенте РК, доктор экономических наук

Аннотация. В течение последнего десятилетия в бюджетном процессе Казахстана возникла проблема быстрого роста расходов на обслуживание государственного долга, темпы которого значительно опережают рост доходов бюджета. Расходы на обслуживание долга постоянно увеличиваются в объеме, их размер приближается к триллиону тенге, и опережает большинство других статей затрат республиканского бюджета. Из-за этого на финансирование других статей затрат остается меньше средств, увеличивается размер дефицита, требуются привлечение дополнительных средств в бюджет из Национального фонда. Увеличение расходов на обслуживание долга обусловлено ростом его размера, в связи с чем назрели перемены в политике как государственных заимствований, так и управления ими. Также встает вопрос о целесообразности наращивания госдолга при наличии у государства значительных ресурсов в лице Национального фонда, доходность которых зачастую ниже процентных ставок по правительственным долговым обязательствам.

Ключевые слова: республиканский бюджет, обслуживание государственного долга, курс тенге, Национальный фонд.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БЮДЖЕТ ПРОЦЕСІ: ҮРДІСТЕР, ФАКТОРЛАР, БАЛАМАЛАР

Вячеслав Додонов

Аңдатпа. Соңғы он жыл ішінде Қазақстанның бюджет процесінде мемлекеттік қарызға қызмет көрсетуге арналған шығыстардың тез өсу мәселесі туындады, оның қарқыны бюджет кірістерінің өсуінен едәуір озып тұр. Қарызға қызмет көрсету шығындары үнемі ұлғаюда, олардың мөлшері триллион тенгеге жақындады және республикалық бюджет шығыстарының көп бөлігінен озып кетті. Осыған байланысты шығындардың басқа баптарын қаржыландыруға қаражат аз қалады, тапшылық мөлшері ұлғаяды, Ұлттық қордан бюджетке қосымша қаражат

тарту талап етіледі. Қарызға қызмет көрсету құнының өсуі оның мөлшерінің ұлғаюына байланысты, соған байланысты мемлекеттік қарыз алу саясатында да, оны басқару саясатында да өзгерістер болады. Сондай-ақ, кірістілігі көбінесе үкіметтік қарыз міндеттемелер бойынша пайыздық мөлшерлемелерден төмен Ұлттық қор тұлғасында мемлекеттің елеулі ресурстары болған кезде мемлекеттік қарызды ұлғайтудың орындылығы туралы мәселе туындайды.

Түйінді сөздер: *республикалық бюджет, мемлекеттік қарызға қызмет көрсету, теңге бағамы, Ұлттық қор.*

BUDGETARY PROCESS IN KAZAKHSTAN: TRENDS, FACTORS, ALTERNATIVES

Vyacheslav Dodonov

Abstract. Over the past decade, the budget process of Kazakhstan has faced the problem of a rapid increase in the cost of public debt servicing, the pace of which is much faster than the growth of budget revenue. Debt servicing costs are constantly increasing in volume, their size is approaching a trillion tenge, and is ahead of most other cost items of the republican budget. Because of this, less funds are left to finance other cost items, the size of the deficit is increasing, and additional funds transfers are required from the National Fund to the budget. The increase in debt servicing costs is due to the increase in its size, and therefore changes in the policy of both government borrowing and its management are ripe. The question also arises of the advisability of increasing public debt if the state has significant resources represented by the National Fund, whose returns are often lower than interest rates on government debt obligations.

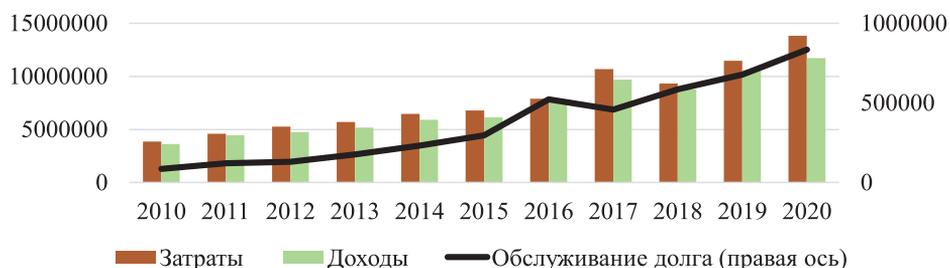
Keywords: *republican budget, public debt servicing, exchange rate of tenge, National fund.*

Ситуация в области бюджетного процесса в Казахстане в последние годы в целом характеризовалась как стабильная, о чем свидетельствует, прежде всего, сбалансированность доходов и затрат, которую удавалось поддерживать, несмотря на участвовавшие в течение последнего десятилетия внешние шоки. Дефицит республиканского бюджета в относительном выражении (в % к ВВП) имеет тенденцию к поступательному сокращению, снизившись с 3% в 2009 году до 1,9% в 2019 году. Абсолютный размер этого показателя в последние годы отличается достаточно большим разбросом значений – от 718 млрд. тенге в 2013 году до 1357 млрд. тенге в 2017 году, но средний уровень в период 2012-2019 годов достаточно стабилен, составляя 970 млрд., а отклонения от него умеренны, несмотря на многочисленные факторы негативного характера (снижение цен на нефть, девальвация тенге и пр.).

В то же время, более детальное рассмотрение процессов формирования и использования республиканского бюджета выявляет ряд проблем. В

первую очередь, можно отметить, что стабильность бюджетного процесса достигается за счет постоянно возрастающего объема трансфертов из Национального фонда, которые с 2014 года играют очень значительную роль в формировании доходной части республиканского бюджета. Если десять лет назад, в 2011 году, трансферты из Национального фонда в размере 1200 млрд. тенге формировали 22,3% общего объема доходов республиканского бюджета, то с 2014 года этот показатель не опускался ниже 32,7%, а в 2017 году достиг почти половины доходной части (48,3%). В среднем, в период 2014-2019 годов трансферты из Национального фонда составляли 39% доходов республиканского бюджета.

Проблемы существуют также и в расходной части бюджета. Одной из наиболее значимых из них является быстрый рост объема расходов на обслуживание государственного долга, который происходит гораздо интенсивнее по сравнению с изменением доходов и затрат республиканского бюджета (рис.1).

Рисунок 1. Сравнительная динамика объемов доходов, затрат и расходов на обслуживание долга республиканского бюджета, млн. тенге.

Источник: Статистический бюллетень Министерства финансов РК за 2012-2020 годы. Официальный интернет-ресурс Министерства финансов РК. URL: http://www.minfin.gov.kz/itj/portal/anonymous?NavigationTarget=ROLES://portal_content/mf/kz.ecc.roles/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonym_budgeting/budgeting/reports_fldr

Опережающий рост расходов на обслуживание долга обусловил и увеличение удельного веса этой статьи в затратах республиканского бюджета. С 2,2% в 2010 году он увеличился до 6 % в текущем году. В отношении бюджета текущего года также можно отметить, что корректировки, внесенные в него в апреле в связи со сложившейся из-за пандемии ситуацией, не стали фактором увеличения удельного веса расходов на обслуживание долга, напротив, обусловили снижение этого показателя из-за более значительного увеличения затрат в целом. До апрельских уточнений параметров бюджета доля расходов на обслуживание долга составляла 6,2%, то есть, была выше.

В контексте роста удельного веса расходов на обслуживание долга в затратах бюджета, следует отметить, что этот показатель стабилизировался на уровне около 6% с 2018 года. Однако его стабильность в данном случае не свидетельствует о снятии остроты проблемы. Эта стабильность объ-

ясняется не столько прекращением роста расходов на обслуживание долга, сколько еще более быстрым ростом затрат бюджета в целом, которые, как отмечено выше, финансируются за счет трансфертов из Национального фонда. Если же сопоставить расходы на обслуживание долга с доходами республиканского бюджета или с основной (помимо трансфертов) статьей этих доходов – налоговыми поступлениями – то становится видно, что проблема обслуживания долга постоянно обостряется (рис. 2).

Рисунок 2. Сопоставление расходов на обслуживание долга с основными параметрами республиканского бюджета, %.

Источник: Статистический бюллетень Министерства финансов РК за 2012-2020 годы. Официальный интернет-ресурс Министерства финансов РК. URL: http://www.minfin.gov.kz/irj/portal/anonymous?NavigationTarget=ROLES:/portal_content/mf/kz.ecc.roles/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonym_budgeting/budgeting/reports_fldr

Соотношение расходов на обслуживание долга с объемом доходов бюджета не прекращает расти, и по итогам 2019 года достигло очередного максимума в 7,1%, тогда как в 2010 году этот показатель составлял 2,4%. Еще более выраженным является рост соотношения расходов на обслуживание долга и объема налоговых поступлений – с 4,1% в 2010 году этот показатель увеличился до 13,3% в 2019 году (в 3,2 раза). Это значит, что в 2019 году почти каждый седьмой тенге налогов, полученных республиканским бюджетом, уходил на обслуживание государственного долга.

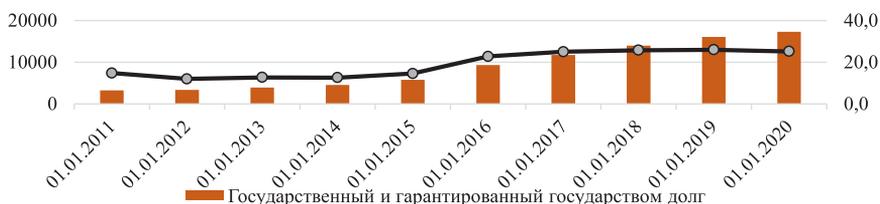
Расходы по этой статье были самыми быстрорастущими из основных тринадцати функциональных направлений затрат республиканского бюджета (за исключением статей «Прочие» и «Трансферты», которые отличаются высоким разбросом объемов из-за их ситуационного характера) и значительно опережали рост бюджетных расходов в целом. Если объем затрат республиканского бюджета в 2010-2020 годах увеличился в 3,6 раза, то объем расходов на обслуживание долга – почти в девять раз. По этому показателю данная статья является безусловным лидером, в разы опережая другие категории затрат, включая ведущие социальные статьи (рис. 3).

Рисунок 3. Изменение объемов затрат основных статей республиканского бюджета в 2010-2020 годах, разы.

Источник: Статистический бюллетень Министерства финансов РК за 2012-2020 годы. Официальный интернет-ресурс Министерства финансов РК. URL: http://www.minfin.gov.kz/irj/portal/anonymous?NavigationTarget=ROLES://portal_content/mf/kz.ecc.roles/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonym_budgeting/budgeting/reports_fldr

Такой быстрый рост расходов по линии обслуживания государственного долга является отражением увеличения их абсолютного размера, который в течение последнего десятилетия поступательно превосходил другие категории затрат. В действующей версии республиканского бюджета на 2020 год объем расходов на обслуживание долга составляет 834 млрд. тенге и эта сумма больше, чем расходы на общественный порядок, на оборону, государственные услуги общего характера, и шесть других категорий затрат. Эти расходы по объему занимают четвертое место из 13 основных статей затрат и это самая высокая позиция данной статьи за последние годы при том, что в 2010 году она была только одиннадцатой.

Рисунок 4. Динамика абсолютного и относительного размера государственного долга Казахстана, млрд. тенге, если не указано иное.

Источник: Государственный и гарантированный государством долг, долг по поручительствам государства. Официальный интернет-ресурс Министерства финансов РК. URL: <http://www.minfin.gov.kz/> http://www.minfin.gov.kz/irj/portal/anonymous?NavigationTarget=ROLES://portal_content/mf/kz.ecc.roles/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonym_budgeting/budgeting/state_debt_fldr/statistics_fldr

Основным фактором роста расходов бюджета на обслуживание долга стало увеличение объема самого долга. За последние десять лет этот показатель вырос в 5,4 раза – с 3230 до 17286 млрд. тенге. Рост абсолютного объема государственного долга не прекращался ни разу в те-

чение десятилетнего периода и происходил средними темпами, превышающими 21%. В то же время относительный размер долга (в % к ВВП) с 2017 года стабилизировался на уровне около 26% (рис. 4), и эта стабилизация выдвигается Министерством финансов в качестве аргумента в пользу продолжения и увеличения заимствований.

Государственный и гарантированный государством долг Казахстана состоит из нескольких основных компонентов, имеющих разный вес, динамику и влияние на состояние агрегированного показателя (рис. 5).

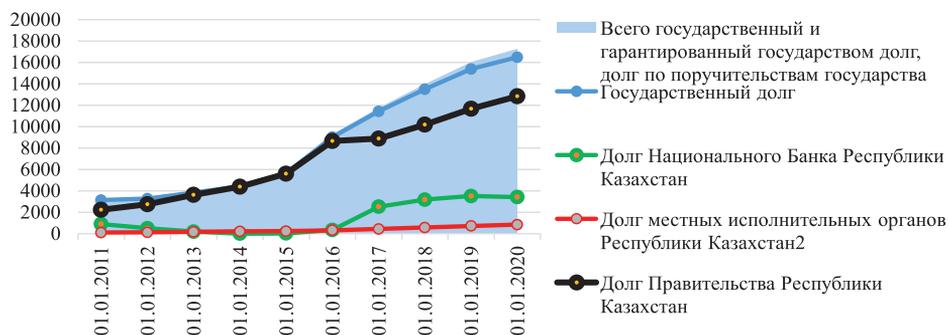

Рисунок 5. Динамика основных компонентов государственного долга Казахстана за последние десять лет, млрд. тенге.

Источник: Государственный и гарантированный государством долг, долг по поручительствам государства. Официальный интернет-ресурс Министерства финансов РК. URL: http://www.minfin.gov.kz/irj/portal/anonymous?NavigationTarget=ROLES://portal_content/mf/kz.ecc.roles/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonym_budgeting/budgeting/state_debt_fldr/statistics_fldr

Крупнейшим и важнейшим из них является долг Правительства, расходы на оплату которого и формируют рассмотренную выше статью республиканского бюджета. На этот компонент госдолга приходится три четверти его общего объема, вторым по размеру компонентом является долг Национального банка (около 20%), но обслуживание этой части не является обязательством государственного бюджета. Таким образом, в контексте бюджетного процесса основное внимание должно быть уделено правительственному долгу как основной части государственного долга, обслуживание которой требует постоянно возрастающих бюджетных затрат.

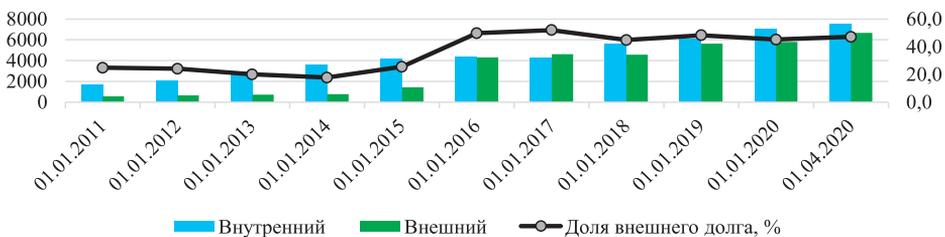
Правительственный долг не только является крупнейшим компонентом государственного долга, но также и растет опережающими темпами. Темпы его роста за последние десять лет превышали аналогичные показатели и государственного долга в целом, и долга Национального банка, уступая лишь динамике долга местных органов и гарантированному государством долгу (рис.6), которые имеют незначительный объем и слабо влияют на общие параметры государственной задолженности.

Рисунок 6. Рост основных компонентов государственного долга Казахстана за последние десять лет, разы.

Источник: Государственный и гарантированный государством долг, долг по поручительствам государства. Официальный интернет-ресурс Министерства финансов РК. URL: http://www.minfin.gov.kz/irj/portal/anonymous?NavigationTarget=ROLES://portal_content/mf/kz.ecc.roles/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonym_budgeting/budgeting/state_debt_fldr/statistics_fldr

Опережающий рост правительственного долга относительно государственного долга в целом во многом обусловлен высоким удельным весом в нем внешней части, которая существенно выросла в 2015 году и после этого составляет немногим менее половины общего объема (рис. 7). Напротив, у второго по размеру компонента казахстанского государственного долга - долга Национального банка – внешняя часть отсутствует, и этим объясняются меньшие темпы роста госдолга в целом по сравнению с правительственным долгом.

Рисунок 7. Динамика внешнего и внутреннего правительственного долга, млрд. тенге.

Источник: Рассчитано по данным Министерства финансов РК: Государственный и гарантированный государством долг, долг по поручительствам государства. Официальный интернет-ресурс Министерства финансов РК. URL: http://www.minfin.gov.kz/irj/portal/anonymous?NavigationTarget=ROLES://portal_content/mf/kz.ecc.roles/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonym_budgeting/budgeting/state_debt_fldr/statistics_fldr

Взаимосвязь между темпами роста того или иного компонента государственного долга и удельным весом в ней внешней части (которая также подтверждается и примером гарантированного государством долга, где внешний долг преобладает) объясняется влиянием курсового фактора. На приведенном выше графике рисунка 7 внешнего правительственного долга хорошо заметен резкий скачок его тенгового объема, произошедший в 2015 году. Этот скачок был вызван, в первую очередь, девальвацией тен-

ге и двукратным ростом курса доллара в течение года, хотя также имело место и собственно увеличение внешнего долга с 7,9 до 12,7 млрд. долл. за счет эмиссии еврооблигаций. Рост внешнего долга в тенговом выражении происходил и в другие годы, отмеченные ростом курса доллара (2014, 2018). Последним по времени стало заметное увеличение внешнего долга в первом квартале текущего года (с 5,8 до 6,7 млрд. тенге) после очередного снижения курса тенге в этот период.

Опережающий рост внешней части правительственного долга в тенге происходил, несмотря на то, что ее динамика в валютном выражении была умеренней по сравнению с внутренним долгом. В период с 1.01.2011 по 1.01.2020 внутренний правительственный долг вырос в 4,2 раза (с 1699 до 7045 млрд. тенге), а внешний в долларовом исчислении – в 4,1 раза (с 3,8 до 15,2 млрд. долл.). При этом внешний долг в тенге рос значительно интенсивнее - за этот же период он увеличился в 10,5 раз, из-за снижения курса тенге, которое ускорилось с 2015 года. В результате, с 2015 по 2019 годы прирост тенгового объема внешнего долга составил 83% от общего увеличения этого показателя за последнее десятилетие. Это иллюстрирует важность курсового фактора в процессе увеличения государственного долга и его влияние, в том числе, на расходы по обслуживанию долга.

Снижение курса тенге обуславливает ряд негативных последствий для системы государственных финансов. Во-первых, происходит увеличение абсолютного объема внешнего долга, выраженного в национальной валюте – в период 2015-2019 годов из-за снижения курса тенге к доллару США тенговый объем внешнего правительственного долга увеличился на 3 млрд. тенге (около четверти общего объема правительственного долга на начало 2020 года). Во-вторых, увеличивается и объем расходов на обслуживание внешней части долга, так как рост курса доллара означает соответствующее увеличение тенговых расходов на выплату процентов в валюте, что во многом обуславливает и рост бюджетных расходов на обслуживание долга. В-третьих, увеличивается удельный вес внешнего долга в общем объеме правительственного долга, что повышает уязвимость системы государственных финансов к внешним шокам и вызванному ими снижению курса тенге.

Аргументом в пользу продолжения заимствований на внешних рынках выступает то, что их доходность (как в форме выпуска еврооблигаций, так и в форме займов от международных или региональных финансовых институтов) значительно ниже, чем доходность облигаций для внутреннего рынка. Действительно, ставки по казахстанским еврооблигациям, которые были размещены в последние годы и в настоящее время находятся в обращении, составляют от 0,6% в евро до 6,5% в долларах, и это существенно ниже доходности внутренних казначейских обязательств, которая составляет порядка 8-11% в тенге. Но курсовой фактор перекрывает сложившуюся

ся в настоящее время разницу в доходности в 5-7 процентных пунктов и делает эмиссию облигаций, деноминированных в иностранной валюте, значительно более дорогостоящей.

При этом следует учитывать, что многие еврооблигации Казахстана выпускаются на длительные сроки - так, последние по времени два транша, выпущенные в сентябре прошлого года, имеют сроки обращения в семь и пятнадцать лет (Минфин выпустил еврооблигации на 1 150 млн евро. *Zakon.kz*, 28 сентября 2019. URL: <https://www.zakon.kz/4987894-minfin-vypustil-evroobligatsii-na-1-150.html> (дата обращения: 25.05.2020)). На таких длительных временных промежутках снижение курса тенге особенно велико – так, за последние пятнадцать лет курс доллара к тенге вырос в 3,3 раза. (Официальный интернет-ресурс. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=763&switch=russian>). Соответственно, накопительный эффект от курсового фактора кратно перекрывает разницу в процентных ставках, что можно проиллюстрировать на примере одного из выпусков еврооблигаций. В октябре 2014 года была осуществлена эмиссия таких ценных бумаг на сумму 1,5 млрд. долл. США под со сроком обращения 10 лет и купонной доходностью 3,875%. На момент выпуска курс доллара составлял около 182 тенге и, таким образом, тенговый объем выпуска измерялся величиной в 273 млрд. тенге. В мае 2020 года при курсе доллара порядка 425 тенге этот же объем эмиссии в тенговом исчислении составлял уже 638 млрд. тенге. Аналогичные изменения произошли и с объемом выплачиваемых по этим облигациям процентов. Годовой платеж процентов в размере 58 млн. долл. по курсу октября 2014 года составлял порядка 10,5 млрд. тенге, а в 2020 году, при заложенном в бюджет курсе 440 тенге за доллар, он будет измеряться уже 25,5 млрд. тенге. Если бы в октябре 2014 года этот же объем средств был получен посредством эмиссии тенговых облигаций на ту же сумму в 273 млрд. тенге под более высокий процент (около 6,5% - 7,5% годовых, которые выплачиваются по казначейским обязательствам того же года), то тенговый объем долга остался бы прежним, а размер выплачиваемых за год процентов составил бы в текущем году менее 20 млрд. тенге.

До наступления срока погашения этих бумаг в октябре 2024 года курс доллара относительно тенге с высокой степенью вероятности продолжит рост и может достигнуть (по умеренно-оптимистическим оценкам) уровня около 600 тенге. Это значит, что тенговый объем этой эмиссии еврооблигаций составит 900 млрд. тенге и увеличится в 3,3 раза, а годовая купонная выплата будет измеряться величиной порядка 35 млрд. тенге, то есть, в 1,7 раза больше, чем платеж по тенговым облигациям того же года для внутреннего рынка с двукратно большей на момент эмиссии процентной ставкой. Этот пример демонстрирует, что основным фактором не только увеличения государственного долга, но и бюджетных расходов на его обслуживание является внешний правительственный долг, рост которого зна-

чительно и, зачастую, неконтролируемо ускоряется из-за снижения курса тенге. На наш взгляд, именно внешняя, валютная часть государственного долга стала в последние годы, ознаменовавшиеся снижением курса тенге, основным фактором разбалансированности и дестабилизации бюджетного процесса. Курс тенге в условиях низких цен на экспортируемые из Казахстана товарные позиции и ряда других внешних факторов будет оставаться под давлением в течение среднесрочного периода (3-5 лет), что создает высокие риски увеличения госдолга из-за роста его валютной части.

В этой связи, ключевым направлением нормализации бюджетного процесса и предотвращения дальнейшего роста расходов на обслуживание долга должно стать сокращение внешних заимствований. По возможности, их следует или полностью прекратить, или хотя бы минимизировать на период достижения курсом тенге объективно обусловленного равновесия, после которого вероятность девальвации будет снижена. В долгосрочной перспективе внешние заимствования также представляются экономически неэффективными из-за курсового фактора и целесообразно их постепенное замещение займами в национальной валюте, что сделает процесс управления государственным долгом более стабильным и предсказуемым.

Также необходимо рассмотреть вопрос и о целесообразности наращивания правительственного долга в целом, включая его внутреннюю часть. В условиях нестабильности на внешних рынках растет доходность государственных облигаций и на казахстанском рынке. Так, доходность размещенных Министерством финансов в апреле 2020 года казначейских обязательств (МЕОКАМ) превысила 11% годовых что является достаточно высокой ставкой, обслуживание которой обременительно для республиканского бюджета. Высокая ставка доходности по государственным ценным бумагам обусловлена общей ситуацией на финансовом рынке Казахстана и, в том числе, базовой ставкой Национального банка. В свою очередь, ставка Национального банка повышается в периоды усиления внешних шоков и давления на курс тенге – в том числе, для предотвращения снижения этого курса. Поэтому возникает следующая последовательность событий: внешние шоки (прежде всего, падение нефтяных цен) – давление на курс тенге – повышение ставки Национальным банком – рост ставок денежного рынка, включая ставки по государственным долговым обязательствам.

Эта причинно-следственная связь обуславливает и рост расходов бюджета по обслуживанию государственного долга, особенно в сложные для экономики Казахстана периоды, когда государство вынуждено занимать больше средств, чем обычно, для реализации антикризисных мер, причем по более высоким ставкам. В этой связи встает вопрос о выборе более целесообразного способа финансирования растущих расходов государства – за счет увеличения дефицита бюджета и его финансирования путем эмиссии долговых обязательств прогрессирующими темпами по чрезмер-

ным ставкам, или за счет большего расходования средств Национального фонда. Оба варианта имеют недостатки и предполагают либо ускоренное расходование средств Национального фонда, либо быстрое увеличение абсолютных и относительных размеров государственного долга, но складывающаяся ситуация такова, что они должны быть рассмотрены.

Выбор оптимального варианта должен базироваться на том, насколько доходными являются активы Национального фонда в сравнении с расходами по обслуживанию государственного долга. В таблице 1 приведены данные по объемам годовых инвестиционных доходов Национального фонда и годовых расходов республиканского бюджета на обслуживание госдолга. Эти данные демонстрируют, что объемы инвестиционного дохода, который приносят активы Национального фонда, значительно больше объемов расходов на обслуживание долга. На первый взгляд, это свидетельствует об эффективности существующей модели управления государственными активами, так как доходы от вложений средств Национального фонда позволяют обслуживать госдолг с избытком.

Таблица 1. Сравнительная динамика объемов инвестиционного дохода Национального фонда и расходов республиканского бюджета на обслуживание долга, млрд. тенге.

	Инвестиционный доход Национального фонда	Расходы республиканского бюджета на обслуживание долга
2010	134	85
2011	113	121
2012	384	130
2013	559	177
2014	1862	232
2015	10163	297
2016	-155	523
2017	1429	458
2018	2522	586
2019	1179*	678

Источник: Отчеты о поступлениях и использовании Нацфонда РК. Официальный интернет-ресурс Министерства финансов РК. URL: http://www.minfin.gov.kz/irj/portal/anonymouse?NavigationTarget=ROLES://portal_content/mf/kz.ecc.roles/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonym_budgeting/budgeting/national_fund_fldr; Статистический бюллетень Министерства финансов РК за 2012-2020 годы. Официальный интернет-ресурс Министерства финансов РК. URL: http://www.minfin.gov.kz/irj/portal/anonymouse?NavigationTarget=ROLES://portal_content/mf/kz.ecc.roles/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonym_budgeting/budgeting/reports_fldr

Примечание: * За девять месяцев 2019 года.

Однако такой вывод не совсем корректен по нескольким причинам. Во-первых, большой объем доходов Национального фонда обусловлен тем, что его активы значительно больше объема правительственного долга (в 2-3 раза в различные годы). Во-вторых, значительные объемы доходов

Национального фонда в национальной валюте, приведенные в таблице 2, в некоторые годы обусловлены девальвациями тенге (например, в 2015 году), которые приводили к росту тенговых показателей фонда за счет переоценки его валютных активов. В годы стабильности национальной валюты инвестиционная доходность Национального фонда в тенге была, как правило, ниже, чем проценты по долговым ценным бумагам, выпускаемым Министерством финансов (рис. 8).

Рисунок 8. Сравнительная доходность Национального фонда* и государственных ценных бумаг** за последние пять лет, % годовых.

Источник: Отчеты о поступлениях и использовании Нацфонда РК. Официальный интернет-ресурс Министерства финансов РК. URL: http://www.minfin.gov.kz/irj/portal/anonymous?NavigationTarget=ROLES://portal_content/mf/kz.ecc.roles/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonym_budgiting/budgiting/national_fund_fldr; Статистический бюллетень Национального банка РК за 2015-2020 годы. Национальный банк Республики Казахстан. Официальный интернет-ресурс. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=310&switch=russian>

Примечание:

*Рассчитана как сумма инвестиционного дохода за год по отношению к объему активов Национального фонда на начало года.

** Доходность на первичном рынке 15-летних казначейских обязательств МЕНКАМ-180, за исключением 2016 года, когда данные финансовые инструменты не выпускались.

Это значит, что проценты, выплачиваемые государством по своим обязательствам, были выше доходности вложения средств Национального фонда. То есть, эмиссия долга была менее эффективной, чем ее прекращение и восполнение потребностей бюджета за счет трансфертов Национального фонда.

Таким образом, сравнительная доходность активов Национального фонда и государственных долговых обязательств очень сильно зависит от курсового фактора. В условиях стабильности национальной валюты тенговая доходность Национального фонда снижается и становится, как правило, ниже доходности государственных облигаций в тенге. В периоды же девальвации тенге ситуация обратная. Это значит, что решения о выборе источника финансирования бюджетных расходов должны приниматься на основе прогнозов курса тенге. Если ситуация ухудшается (как в периоды снижения цен на нефть) и давление на тенге возрастает, следует сохранять валютные активы Национального фонда и финансировать расходы бюджета за счет внутренних заимствований, даже по более высоким ставкам, так как рост курса доллара обеспечит повышенную доходность валютных

активов фонда. Если же ситуация на внутреннем валютном рынке стабильна и девальвации не ожидается, целесообразно сокращать заимствования в пользу трансфертов из Национального фонда. Следует отметить, что реализация такой политики потребует повышения гибкости и оперативности в принятии решений, а также адекватной курсовой политики на внутреннем валютном рынке с повышением объективности курсообразования.

Такая политика позволит существенно повысить эффективность управления государственными финансами и снизить расходы на обслуживание долга как за счет сокращения его объемов, так и размера выплачиваемых процентов. В долгосрочной перспективе это будет также способствовать и сохранности Национального фонда, поскольку высокие бюджетные расходы на обслуживание долга ведут к необходимости увеличения трансфертов из фонда в бюджет, а сокращение затрат по этой статье снижает как общий объем расходов, так и объем трансфертов. В то же время, реализация политики отказа от внешних заимствований и минимизации эмиссии внутренних займов означает необходимость их замещения средствами Национального фонда, что в первое время ускорит сокращение его объема.

Список литературы

1. Статистический бюллетень Министерства финансов РК за 2012-2020 годы. Официальный интернет-ресурс Министерства финансов РК.
2. Указ Президента Республики Казахстан от 8 апреля 2020 года № 299 «Об уточненном республиканском бюджете на 2020 год».
3. Закон Республики Казахстан «О республиканском бюджете на 2020 - 2022 годы» от 4 декабря 2019 года № 276 - VI ЗРК.
4. Государственный и гарантированный государством долг, долг по поручительствам государства. Официальный интернет-ресурс Министерства финансов РК.
5. Официальные курсы иностранных валют в среднем за период. Национальный банк Республики Казахстан. Официальный интернет-ресурс. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=763&switch=russian>
6. Министерство финансов Республики Казахстан (MFRK)/ Листинг/ Список компаний /Министерство финансов Республики Казахстан (MFRK). Казахстанская фондовая биржа. URL: <https://kase.kz/ru/issuers/MFRK/> (дата обращения: 25.05.2020).
7. Министерство финансов Казахстана привлекло на KASE 22 апреля 6,0 млрд тенге, разместив МЕОКАМ-60 выпуска 51 (KZK200000638) с доходностью к погашению 11,0000 % годовых. Казахстанская фондовая биржа, 22.04.20. URL: <https://kase.kz/ru/news/show/1429565/> (дата обращения: 15.05.2020).
8. Отчеты о поступлениях и использовании Нацфонда РК. Официальный интернет-ресурс Министерства финансов РК. URL: http://www.minfin.gov.kz/irj/portal/anonymous?NavigationTarget=ROLES://portal_content/mf/kz.ecc.roles/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonymous/kz.ecc.anonym_budgeting/budgeting/national_fund_fldr.
9. Статистический бюллетень Национального банка РК за 2015-2020 годы. Национальный банк Республики Казахстан. Официальный интернет-ресурс. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=310&switch=russian>

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК СПОСОБОМ ОТКРЫТОГО КОНКУРСА

Серик Джумабаев¹, Айнур Тяжина²

---

¹ Профессор Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан

² Магистрант Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан.

Аннотация. Выявлено, что организация и проведение всех видов государственных закупок содержит бизнес-процесс «Публикация заказа, утверждение состава конкурсной комиссии и ее секретаря», который выполняется в традиционном бумажном формате. Он является частично «теневым» для портала государственных закупок, основная часть процесса происходит вне портала, на портал загружаются только конечные результаты. В данной статье авторами предлагается детальная цифровизация бизнес-процесса в нотации BPMN. Предложения обосновываются с использованием методов структуризации и оптимизации бизнес-процессов, структурированного интервью и экономического моделирования. Реализация проекта цифровизации бизнес-процесса является одним из факторов увеличения экономической активности в целом по стране, что особенно актуально в условиях резкого ухудшения экономической ситуации, при этом на его внедрение не требуется значительных временных и финансовых затрат.

Ключевые слова: бизнес-процессы, оптимизация, электронные государственные закупки, электронные приказы, структурированное интервью

АШЫҚ КОНКУРС ТӘСІЛІМЕН МЕМЛЕКЕТТІК САТЫП АЛУДЫҢ БАСТАПҚЫ КЕЗЕҢІН ЦИФРЛАНДЫРУ

Серік Жұмабаев, Айнұр Тяжина

Аңдатпа. Мемлекеттік сатып алудың барлық түрлерін ұйымдастыру және өткізу «Бұйрықты жариялау, конкурстық комиссияның құрамын және оның хатшысын бекіту» бизнес-процесі дәстүрлі қағаз түрінде жүзеге асырылатыны анықталды. Бұл мемлекеттік сатып алу порталы үшін ішінара «көлеңкелі» болып келеді, себебі процестің негізгі бөлігі порталдан тыс жүргізіліп порталға тек соңғы нәтижелері ғана жүктеледі. Бұл мақалада авторлар бизнес-процесті BPMN бағдарламасы арқылы толық цифрландыруды ұсынады. Ұсыныстар бизнес-

процестерді құрылымдау және оңтайландыру, құрылымдалған сұхбат және экономикалық модельдеу әдістерін қолдана отырып негізделген. Бизнес-процесті цифрландыру жобасын іске асыру бүкіл елдегі экономикалық белсенділіктің өсу факторларының бірі болып табылады, бұл экономикалық жағдайдың күрт нашарлауы жағдайында маңызды, ал осы жобаны іске асыру айтарлықтай уақыт пен қаржылық шығындарды қажет етпейді.

***Түйін сөздер:** бизнес-процестер, оңтайландыру, электрондық мемлекеттік сатып алулар, электрондық бұйрықтар, құрылымдық сұхбат.*

DIGITALIZATION OF THE INITIAL STAGE OF PUBLIC PURCHASES BY THE OPEN METHOD OF COMPETITION

Serik Jumabayev, Ainur Tyazhina

Abstract. It was revealed that the organization and conduct of all types of public procurement contains the business process “Publication of the order, approval of the composition of the tender committee and its secretary” which is carried out in the traditional paper format. It is partially “shadow” for the government procurement portal, the main part of the process takes place outside the portal, only the final results are downloaded to the portal. In this article, the authors propose a detailed digitalization of the business process in BPMN notation. The proposals are justified using methods of structuring and optimizing business processes, structured interviews and economic modeling. The implementation of the digitalization project of the business process is one of the factors for increasing economic activity throughout the country, which is especially important in the conditions of a sharp deterioration in the economic situation, while its implementation does not require significant time and financial costs.

Key words: *business processes, optimization, electronic public procurement, electronic orders, structured interviews.*

Введение

Систему электронных государственных закупок в Казахстане в целом можно считать децентрализованной. Все государственные органы и организации сами несут ответственность за осуществление необходимых закупок [1]. Начиная с 2020 года в целях обеспечения прозрачности процедур государственных закупок, государственные органы осуществляют централизованный закуп для определенного перечня товаров, работ и услуг.

Основными руководящими органами в сфере государственных закупок являются Комитет казначейства Министерства финансов РК (Комитет государственных закупок МФ РК в роли Единого организатора), департамент законодательства государственных закупок МФ РК, Комитет внутреннего государственного аудита Министерства финансов, АО «Центр электронных финансов» и другие единые организаторы регионального уровня (см. Рисунок 1).

Электронные государственные закупки РК – это проект, созданный в рамках развития электронной коммерции (e-commerce). Владельцем Си-

стемы является Министерство финансов РК. Единим оператором определена компания – разработчик АО «Центр электронных финансов». Как и во многих зрелых системах электронных закупок, отечественная система электронных закупок результат длинной серии эволюций [2]

Согласно Закону «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РК по вопросам государственных закупок и закупок субъектов квазигосударственного сектора» с 1 января 2019 года государственные услуги по использованию веб-портала государственных закупок оказываются потенциальным поставщикам на платной основе по определенным тарифам¹[3].

Рисунок 1. Институциональные структуры системы государственных закупок Республики Казахстан, Источник: Составлен авторами на основе [1]

За последнее десятилетие Казахстан добился реального прогресса в формировании системы государственных закупок. Все закупки, осуществляемые государственными органами и организациями РК, проводятся в электронном формате на единой платформе Автоматизированной интегрированной информационной системы «Электронные государственные закупки» (далее – веб-портал ГЗ), за исключение закупок, отнесенных к госсекретам. Система предоставляет единую точку доступа к электронным услугам в сфере государственных закупок и позволяет осуществлять участие в государственных закупках в качестве заказчика, организатора и поставщика с любого компьютера подключенного к сети Интернет, позволяет проводить закупочные процедуры, определять поставщика, заключать

¹ С 2016 года по 2019 годы веб-портал госзакупок функционировал без ограничений

электронные договоры, публиковать сведения о заключенных договорах и результатах их исполнения.

В работе представлена попытка оптимизации бизнес-процессов согласования, утверждения заказа, определения состава конкурсной комиссии и ее секретаря единым организатором государственных закупок- ЕОГЗ (далее – бизнес-процесс «Публикация заказа, утверждение состава конкурсной комиссии и ее секретаря»). Данный бизнес-процесс является одним из начальных этапов осуществления государственных закупок способом открытого конкурса единым организатором, в настоящее время большая часть процесса реализуется в традиционном «бумажном» виде, что замедляет последующие процессы. В работе использованы методы структуризации экспертного интервью и описания бизнес-процессов в нотации BPMN [4], а также анализ экспертного интервью.

Полная цифровизация системы госзакупок, позволяет сделать их прозрачными, эффективными, недискриминационными и подотчетными [5]. Эффективная система электронных государственных закупок повышает возможности государства в регулировании бизнеса, создавая формы воздействия системы государственных заказов на экономику, стимулирующие ее развитие.

Рассмотрим поэтапные процессы осуществления государственных закупок способом открытого конкурса на веб-портале государственных закупок.

Этапы осуществления государственных закупок способом открытого конкурса организатором, единым организатором

Каждый «Заказчик» до организации и проведения государственных закупок утверждает в начале года «Годовой план государственных закупок» на основании соответствующего бюджета (плана развития, индивидуального плана финансирования) и размещает его на веб-портале ГЗ [6]. «Заказчик» определяет организатора, за исключением случаев, когда заказчик и организатор выступают в одном лице и уполномоченного представителя заказчика, представляющего интересы последнего в предстоящем конкурсе.

Затем «Заказчик» для организации и проведения государственных закупок способом открытого конкурса предоставляет организатору посредством веб-портала пакет документов: заявка, план закупок, техническая спецификация, проект договора, экспертное заключения заказчика [6].

Если у организатора не имеются замечания к заданию он подтверждает задание, утверждает «Приказ об утверждении состава конкурсной комиссии и определении ее Секретаря» и размещает заказ и список конкурсной комиссии и ее секретаря на веб-портале ГЗ. Всякий бизнес-процесс обладает «фрактальностью», почти любая его часть может рассматриваться как самостоятельный бизнес-процесс, у которого есть вход и выход.

Рассмотрим пункт 3, как самостоятельный бизнес-процесс (далее Б-П) 1 - «Приказ об утверждении состава конкурсной комиссии и определении ее Секретаря». Единый организатор, организатор государственных закупок при организации и проведении государственных закупок, согласно штата данного учреждения распределяет внутренние функции по своим структурным подразделениям: «Управление по работе с заказчиками» (далее -УРЗ), Канцелярия, «Управление проведения процедур государственных закупок» (далее - УППГЗ), Управление правового обеспечения (далее-УПО), «Управление обеспечения деятельности Комитета» (далее - УОДК).

Для выполнения процедур организации и проведения государственных закупок способом открытого конкурса единый организатор, организатор на каждый конкурс отдельно утверждает состав конкурсной комиссии и определяет секретаря конкурсной комиссии. Руководитель УППГЗ далее определяет секретаря конкурсной комиссии, который будет проводить данный конкурс. В задании со стороны Заказчика закрепляется состав конкурсной комиссии и секретарь до утверждения этого состава дополнительно добавляет членов конкурсной комиссии со стороны Организатора. Согласно ниже приведенного бизнес-процесса можно четко увидеть дальнейшие действия секретаря конкурсной комиссии (далее - СКК).

Таблица 1. Действия СКК по Б-П1.

№	Описание процесса
1	СКК, чтобы начать данный этап государственных закупок, физически должен прийти в УОДК. Сотрудник УОДК выдает «Бланк приказ строгой отчетности» и регистрирует в «Журнале регистрации бланков строгой отчетности» о количестве выданных бланков данному сотруднику
2	СКК на своем рабочем месте оформляет на государственном и официальном языке «Приказ о проведении государственных закупок способом открытого конкурса/аукциона и определении состава конкурсной комиссии». На оборотной части приказа в обязательном порядке формируется «Лист согласования». В список согласующих входят Руководители структурных подразделений, члены конкурсной комиссии
3	После завершения оформления СКК идет к Руководителю УППГЗ на «Согласование №1». Если Руководитель отправит на доработку данный приказ, работа СКК согласно подпункта 1) и 2) повторится. При отсутствии замечаний и корректировок, данный «Приказ» перейдет к следующему этапу согласования.
4	«Согласующий №2» (УПО), проверяет соответствие документов с правилами осуществления государственных закупок.
5	«Согласование №3» - курирующий Заместитель Председателя УППГЗ;
6	«Подписание» - Утверждение конкурсной комиссии и определение СКК Руководителем Единого организатора государственных закупок
7	Сотрудником УОДК ведется регистрация и присвоение номера «Приказа» в Журнале регистрации «Приказов по основной деятельности».
8	СКК, завершив регистрацию приказа, размещает на веб портале государственных закупок, сам заказ, «Номер Приказа», дополняя его составом конкурсной комиссии и Секретарем.

На рисунке 2, в нотации BPMN [4] описан бизнес-процесс «Публикация заказа, утверждение состава конкурсной комиссии и ее секретаря. Как есть». Все цифровые потоки осуществляются в бумажном виде.

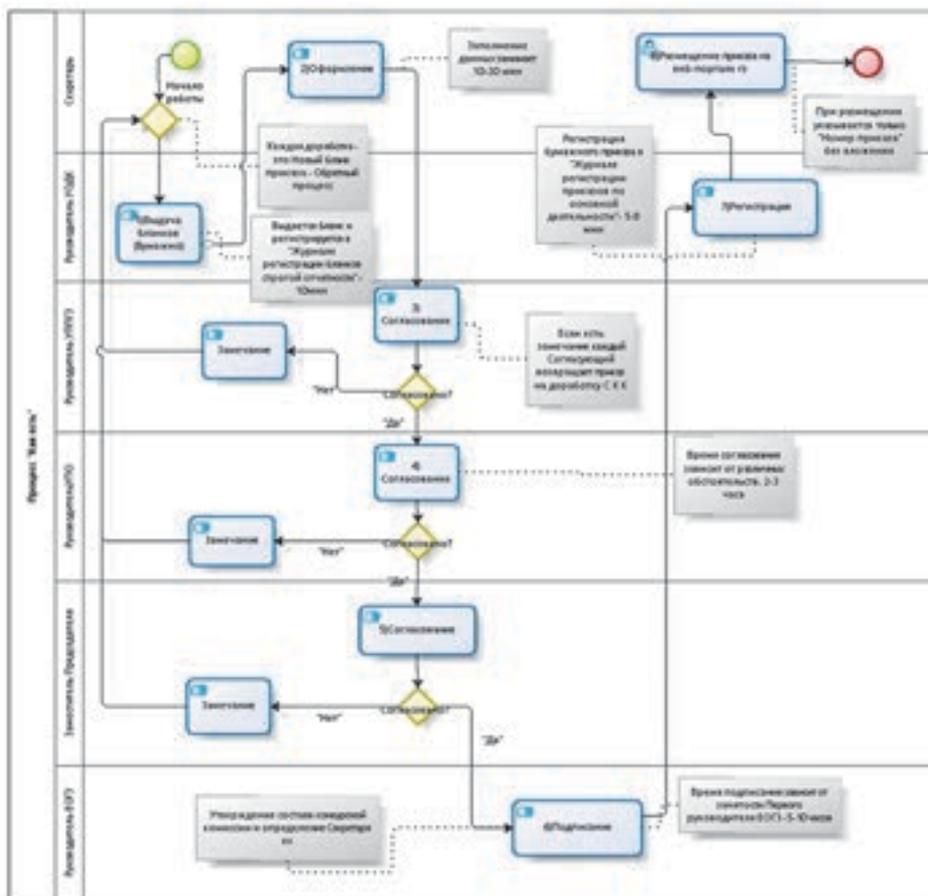

Рисунок 2. Б-П1- «Публикация заказа, утверждение состава конкурсной комиссии и ее секретаря». Как есть

Методы исследования

В работе используются методы моделирования бизнес-процессов, реализованные в специальной компьютерной платформе Bizagi Modeler позволяющей создавать, оптимизировать и визуализировать диаграммы рабочих процессов [7]. Для уточнения действующих в настоящее время алгоритмов Б-П1 было проведено структурированное интервью с экспертом Единого организатора государственных закупок – секретарем конкурсной комиссии (15.02.2020, стаж работы 4 лет) согласно подготовленным вопросам. Проведено моделирование экономического эффекта от внедрения оптимизированного бизнес-процесса.

**Таблица 2. Структурированное интервью с экспертом
Единого организатора государственных закупок по Б-П1.**

Характеристики (вопросы)	Комментарии (ответы) эксперта
Приказ оформляется на фирменном бланке?	Да. Секретарь по каждому конкурсу в обязательном порядке обращается в другое структурное подразделение для выдачи бланков приказа строгой отчетности, порождая зависимость от наличия бланков.
Сколько приказов в день ведет один Секретарь ?	На исполнение 8-10 приказов ежедневно на одного Секретаря
Время оформления и заполнения данных по конкурсу?	оформление и заполнение данных по конкурсу занимает у Секретаря ежедневно от 10-20 минут
Время согласования приказа руководителями структурных подразделений и зам. Председателя.	от 1 до 2 дней в зависимости от загруженности и их планов работы, согласование письменное на оборотной стороне
Время подписания приказа Руководством Единого организатора государственных закупок	ожидание занимает от 1 до 2 дней в зависимости от загруженности и планов работ Руководителя ЕОГЗ.
Время ожидания регистрации приказа в «Журнале приказов по основной деятельности»	занимает от 5-8 минут в зависимости от загруженности Сотрудника УОДК
Какая информация загружается на веб-портал государственных закупок?	заказ, список конкурсной комиссии и ее секретаря, при этом размещается только номер приказа, без размещения полного пакета документов, порождая коррупционные риски
Что происходит при изменении членов конкурсной комиссии и смены Руководителя Организатора?	вся процедура составления и утверждения приказа заново повторяется
Этот бизнес-процесс различается в зависимости от уровней государственных закупок?	Нет, процедура ежедневно повторяется всеми организаторами во всех уровнях (республиканского, областного, районного) государственных закупок
Существуют ли нормативные временные рамки для выполнения бизнес- процесса 1 и ответственность за нарушения сроков ?	Нет, так как этот бизнес-процесс выполняется отдельно, вне веб-портала ГЗ

Результаты исследования

Таким образом, проблемой этого этапа является бумажный документооборот. Один такой бизнес-процесс занимает в среднем от 1 до 2 рабочих дней (большие временные затраты) с учетом загруженности СКК, материальные затраты (бланки строгой отчетности, бумага, картридж, принтер и т.д.). Такая же процедура ежедневно повторяется всеми организаторами на всех уровнях (республиканский, областной, районной) государственных закупок.

На сегодняшний день информационной системой государственного органа, предоставляющей единую точку доступа к электронным услугам государственных закупок является *веб-портал государственных закупок* [6]. С 2016 года внедрена электронная система государственных закупок на основе электронного документа, в котором информация должна быть

представлена в электронно-цифровой форме и удостоверена посредством электронной цифровой подписи [8].

Выявлено, что этап 3 в настоящее время проводится в традиционном бумажном виде. При этом все действия проходят вне портала государственных закупок, кроме публикации конечного результата. Последующие этапы 4-14, проводятся на основе электронных документов: утверждение проекта конкурсной документации Организатором; размещение на веб-портале объявления об осуществлении государственных закупок способом конкурса, а также текста конкурсной документации; предварительное обсуждение посредством веб-портала проекта конкурсной документации и размещение на веб-портале протокола предварительного обсуждения проекта конкурсной документации, а также текста конкурсной документации; представление потенциальными поставщиками заявок на участие в конкурсе в форме электронного документа и их автоматическая регистрация на веб-портале; автоматическое вскрытие заявок и размещение на веб-портале соответствующего протокола вскрытия; рассмотрение конкурсной комиссией посредством веб-портала заявок на участие в конкурсе потенциальных поставщиков на предмет их соответствия квалификационным требованиям и требованиям конкурсной документации, а также отсутствия ограничений, предусмотренных статьей 6 Закона; приведение потенциальными поставщиками своих заявок на участие в конкурсе в соответствие с квалификационными требованиями и требованиями конкурсной документации; повторное рассмотрение заявок на участие в конкурсе потенциальных поставщиков, приведенных в соответствие с квалификационными требованиями и требованиями конкурсной документации; определение потенциальных поставщиков, которые соответствуют квалификационным требованиям и требованиям конкурсной документации, и признание их участниками конкурса, а также применение относительных значений критериев к конкурсным ценовым предложениям участников конкурса; автоматическое сопоставление веб-порталом условных цен участников конкурса, определение победителя конкурса на основе наименьшей условной цены, а также потенциального поставщика, занявшего второе место, и размещение на веб-портале протокола об итогах государственных закупок способом конкурса; заключение заказчиком договора с победителем на основании протокола об итогах государственных закупок способом конкурса.

Обсуждение результатов

При внедрении электронных приказов работа и рабочее время секретаря конкурсной комиссии затрачиваемое на администрирование процесса существенно уменьшится. Оптимизированный бизнес-процесс «Публикация заказа, утверждение состава конкурсной комиссии и ее секретаря при внедрении цифрового приказа» представлен на рисунке 3.

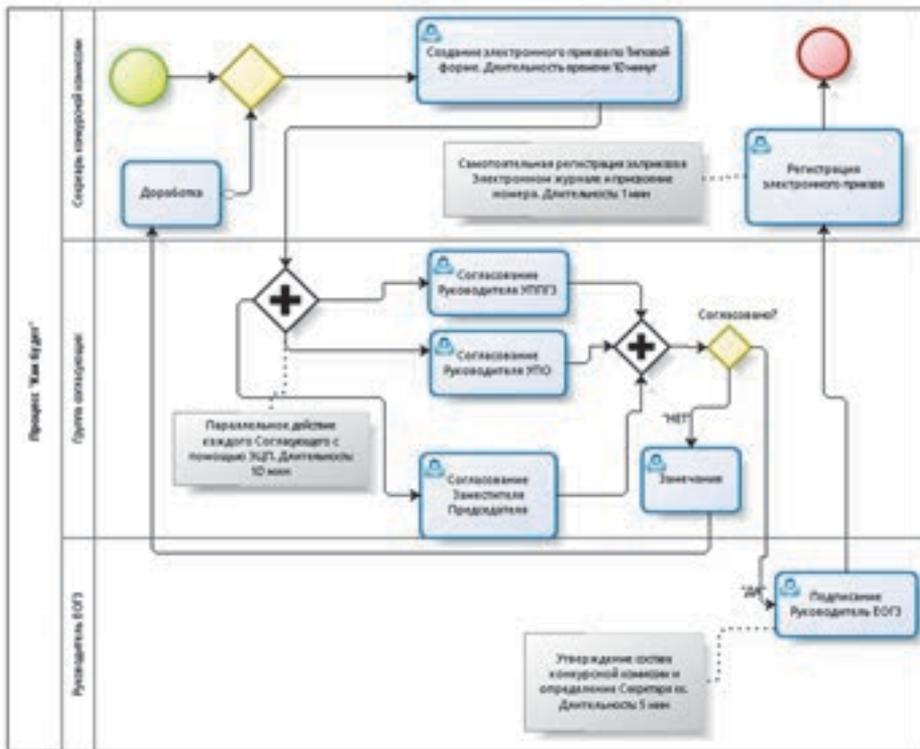

Рисунок 3. Б-П1 «Публикация заказа, утверждение состава конкурсной комиссии и ее секретаря». Как будет при внедрении цифрового приказа

На сегодняшний день пользователи и субъекты государственных закупок имеют электронно-цифровые ключи для входа и выполнения различных действий на веб-портале государственных закупок, при цифровизации бизнес-процесса 1, это облегчает его интеграцию на портал.

Анализ характеристик Б-П 1 приведен в таблице 3, приводятся характеристики процесса как есть в настоящее время и как будет после его цифровизации.

Таблица 3. Сравнительные характеристики Б-П 1 до и после оптимизации

Как есть в настоящее время	Будет после цифровизации бизнес-процесса 1 и интеграции на портал государственных закупок
Согласования электронного приказа руководителями структурных подразделений происходит поочередно, подтверждение ставится на оборотной стороне отпечатанного приказа.	Пакет документов высылается одновременно всем руководителям для согласования и утверждения. Используются типовые приказы, позволяющие уменьшить количество ошибок и правонарушений в процессе государственных закупок, так как веб-портал будет иметь связь с конкурсом.

Как есть в настоящее время	Будет после цифровизации бизнес-процесса 1 и интеграции на портал государственных закупок
Секретарь теряет рабочее время на хождение за бланком и в конце за регистрацией приказа в управлении УОДК и переносит пакет документов из кабинета в кабинет.	Все эти процедуры будут выполняться самостоятельно, через портал упрощение согласования и подписания соответствующего приказа для секретаря конкурсной комиссии и для всех членов конкурсной комиссии. Исключение вспомогательных структурных подразделений в организации процедур государственных закупок
Согласования электронного приказа юристами (УПО) (не выделяются типовые приказы)	При использовании типовых приказов, уменьшается количество ошибок и возможности правонарушений в процессе государственных закупок. Исключение согласования электронного типового приказа юристами, так как система не допустит ошибку в законодательной части
Использует бумагу, бланки строгой отчетности и картриджи для принтеров, электроэнергия, физическое хранение оперативных документов на рабочем месте.	Исключение бумажного документооборота. Экономия расходных материалов (бумаги, бланков строгой отчетности и картриджи для принтеров), улучшает эргономику рабочего места.
Физическое ведение «Журнала регистрации приказов»	Введение «Электронного журнала регистрации приказов»
Очень большая физическая нагрузка на Секретаря, привязан к наличию бланков и к работе согласующих руководителей.	Эффективная организации работы Секретаря работает на одном месте без лишних движений, видит всю картину онлайн.

Государственные закупки в электронном виде осуществляют взаимодействие 25 000 государственных организаторов, заказчиков и более 200 000 потенциальных поставщиков при закупках товаров, работ и услуг в режиме онлайн. Статистика по опубликованным объявлениям за два месяца 2020 года показывает количество завершённых закупок по их видам: открытый конкурс – 28495, закупка жилища – 113, запрос ценовых предложений – 91588, конкурс с предварительным квалификационным отбором – 7874, закупка по государственному социальному заказу – 916, из одного источника – 39111, аукцион – 2595 [9].

Организация и проведение всех видов государственных закупок содержит бизнес-процесс «Публикация заказа, утверждение состава конкурсной комиссии и ее секретаря», который выполняется в традиционном виде «Как есть» (рис.2) в бумажном формате, при этом он является частично «теневым» для портала государственных закупок, основная часть процесса происходит вне портала, в нем загружаются только результаты процесса.

Промоделируем на данных двух месяцев 2020 года эффект при внедрении бизнес-процесса «как будет», оценим экономию ресурсов: по времени, количеству фирменных бланков и бумаги из уменьшение времени одного бизнес-процесса на 4 часа, экономию 2 фирменных бланков и 4 листов бумаги формата А4. На основе фактических данных за два месяца 2020 года, рассчитаем экономию в денежном эквиваленте из расчета: стоимость из-

готовления одного фирменного бланка 20 тенге, бумага Svetocopy, формат А4, 80 гр/м² пачка 500 листов -1 376 тенге. Экономия затрат за два месяца составит: по фирменным бланкам- 6820 тыс. тг.; по бумаге -1879 тыс. тг., по ценам на 14.03.2020.

Выводы

Выявлено, что организация и проведение всех видов государственных закупок содержит бизнес-процесс «Публикация заказа, утверждение состава комиссии и ее секретаря», который выполняется в традиционном виде «Как есть» (рис.2) в бумажном формате, при этом он является частично «теневым» для портала государственных закупок. Основная часть процесса происходит вне портала, на портал загружаются только результаты. При внедрении цифровых приказов для оптимизации БП1 (рис.3) весь процесс будет проходить на портале государственных закупок, что сделает его более прозрачным, позволит исключить все физические контакты участников процесса, что важно при новых вызовах внешней среды, например COVID-19. При моделировании на основе фактических данных за два месяца 2020 года экономия составит: по фирменным бланкам – 6820 тыс. тг.; по бумаге – 1879 тыс. тенге, по ценам на 14.03.2020

Сокращение времени на проведения всех видов закупок увеличивает скорость совершения закупа, соответственно скорость денежного оборота, уменьшает время ожидания услуги или товара заказчиком, увеличивает активность поставщиков, поэтому является одним из ключевых показателей эффективности системы, с учетом больших расходов бюджетных средств осуществляемые путем организации и проведения государственных закупок этот показатель является очень важным.

Для апробации данного процесса предлагается его реализовать в виде пилотного проекта, при успешной реализации распространить на все госзакупки. Реализация проекта приведет к экономии административных расходов на организацию закупок и времени, затрачиваемого на закупочный процесс и усиление его прозрачности, упростит анализ и мониторинг системы госзакупок, усилит доверие населения и бизнеса к государству. Стратегический стекхолдер пилотного проекта по представленным полномочиям - Единый оператор в сфере государственных закупок АО «Центр электронных финансов» [10].

Реализация проекта является одним из факторов увеличения экономической активности, что особенно актуально в условиях резкого ухудшения экономической ситуации, при этом на его внедрение не требуется значительных временных и финансовых затрат.

Список литературы:

1. Государственные закупки в Казахстане. Реформирование системы в целях повышения эффективности. OECD, Dec 2019, 210 pages <https://doi.org/10.1787/8c22ccf8-ru>, (дата обращения 03.01.2020).
2. Issabayeva S., Yesseniyazova B., Grega M. Electronic Public Procurement: Process and Cybersecurity Issues //NISPАcee Journal of Public Administration and Policy. – 2019. – Т. 12. – №. 2. – С. 61-79, (дата обращения 03.01.2020).
3. Веб-портал государственных закупок, Тарифы [Электронный ресурс]: <https://www.goszakup.gov.kz/ru/welcome/pay>, (дата обращения 10.03.2020 г.).
4. Умнова Е.Г., Моделирование бизнес-процессов с применением нотации BPMN [Электронный ресурс]: учебно-методическое пособие Е.Г. Умнова.- Электрон. дан. И прогр. (6 Мб). – Саратов: Вузовское образование, 2017. – 48с. – (Высшее образование). <http://www.iprbookshop.ru/67840.html>, (дата обращения 05.03.2020 г.).
5. T.S. Liao, M.T. Wang, H.P. Tserng. A framework of electronic tendering for government procurement: a lesson learned in Taiwan. 2002, <https://sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0926580502000134> (дата обращения 03.01.2020).
6. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет», Правила осуществления государственных закупок от 29 декабря 2018 года [Электронный ресурс]. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012590>, (дата обращения 03.01.2020 г.).
7. Официальный сайт компании BIZAGI. Управление бизнес-процессами в BPMS. <https://www.bizagi.com/en/platform/modeler>, (дата обращения 10.03.2020 г.).
8. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет», Закон «О государственных закупках Республики Казахстан» от 4 декабря 2015 года № 434-V ЗРК [Электронный ресурс]. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000434>, (дата обращения 03.01.2020 г.).
9. Веб-портал государственных закупок, Статистика по опубликованным объявлениям за 2020 год [Электронный ресурс]: <https://www.goszakup.gov.kz/ru/search/announce>, (дата обращения 10.03.2020 г.).
10. Б.Б. Аубакирова, Л.А. Горковенко, О.В. Протасова. Проблемы и перспективы развития системы электронных государственных закупок в РК. 2018, [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-razvitiya-sistemy-elektronnyh-gosudarstvennyh-zakupok-v-rk/viewer> (дата обращения 03.01.2020).

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Зауреш Ахметова¹, Лаура Аширбекова²,
Гүлмира Ғалымқызы³

¹ Доцент кафедры «Бизнес-технологий», Казахский национальный университет им. аль-Фараби, к.э.н.

² Старший преподаватель кафедры «Менеджмент», Казахский национальный университет им. аль-Фараби, к.э.н.

³ Докторант специальности «Государственное и местное управление», Казахский национальный университет им. аль-Фараби

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме создания эффективной системы развития агломераций в Республике Казахстан. Анализируются основные направления по решению проблем развития городских агломераций в рамках системы государственного регулирования агломерационных процессов. Авторами выявлены проблемы регулирования городских агломераций в стране на основе анализа слабых сторон развития агломераций. Результаты исследования показывают важность государственного регулирования развития городских агломераций и охватывают выводы для решения основных проблем крупных городов.

Ключевые слова: городская агломерация, государственное регулирование, проблемы городских агломерации.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ҚАЛАЛЫҚ АГЛОМЕРАЦИЯЛАР ДАМУЫНЫҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Зауреш Ахметова, Лаура Аширбекова, Гүлмира Ғалымқызы

Аңдатпа. Мақала Қазақстан Республикасында агломерацияларды дамытудың тиімді жүйесін құрудың өзекті тақырыбына арналған. Агломерациялық процестерді мемлекеттік реттеу жүйесі шеңберінде қалалық агломерацияларды дамыту проблемаларын шешу жөніндегі негізгі бағыттар талданады. Авторлармен агломерациялар дамуының әлсіз жақтарын талдау негізінде елдегі қалалық агломерацияларды реттеу проблемалары анықталды. Зерттеу нәтижелері қалалық агломерацияларды дамытуды мемлекеттік реттеудің маңыздылығын көрсетеді және ірі қалалардың негізгі проблемаларын шешу үшін қорытындыларды қамтиды.

Түйін сөздер: қалалық агломерация, мемлекеттік реттеу, қалалық агломерация мәселелері.

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF URBAN AGGLOMERATIONS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Zauresh Akhmetova, Laura Ashirbekova, Gulmira Galymkyzy

Abstract. The article is devoted to the actual topic of creating an effective system for the development of agglomerations in the Republic of Kazakhstan. The main directions for solving the problems of urban agglomerations development within the system of state regulation of agglomeration processes are analyzed. The authors identified problems of regulating urban agglomerations in the country based on the analysis of weaknesses in the development of agglomerations. The results of the study show the importance of state regulation of the development of urban agglomerations and cover the conclusions for solving the main problems of large cities.

Keywords: *urban agglomeration, state regulation, problems of urban agglomeration.*

Введение

Агломерации - это компактно сгруппированные городские населенные пункты, сформированные вокруг города-ядра, которые местами соединяются в динамическую структуру с общими транспортными, культурными, производственными, трудовыми связями. Агломерация способствует улучшению условий для бизнеса, жизни населения, инновационной деятельности, развитию научной и творческой деятельности, созданию единого пространства для инвестиций [1].

Города тесно интегрированы в городскую агломерацию, что делает агломерацию одним из важнейших носителей глобального экономического развития. Исследования городских агломераций увеличились в последние десятилетия. Но в исследовательском сообществе не достигнут консенсус относительно того, что такое городская агломерация, как определяется городская агломерация в географическом пространстве, какие существуют эффективные модели управления и регулирования городской агломерацией и т.д. Также отсутствует опыт управления крупными городами и развитие крупных городских агломераций в рыночных условиях. В условиях глобальной конкуренции ресурсов очень важно изучение этого вопроса для накопления опыта региональным регулирующим и административным органам для обеспечения структурного баланса экономики.

Методы исследования

За методологическую основу был принят подход системного анализа. В процессе исследования применялись абстрактно-логический, монографический, экономико-статистический методы, а также общенаучные методы: синтез, анализ, сравнение, обобщение. На основе SWOT-анализа выделены перспективы развития агломераций.

Результаты исследования

Сложившиеся в регионах мира системы государственного и местного управления включают различные в количественном и качественном отношении элементы регулирования и стимулирования агломерационных процессов. В развивающихся странах главной задачей региональной политики является стимулирование неравенства и создание «точек роста» крупных агломераций для ускорения развития стран в целом. В то же время региональные органы власти развитых стран для развития потенциала своих территорий используют различные механизмы, как выравнивание межрегиональных диспропорций и активизация внутренних ресурсов.

Органы местного самоуправления крупнейших городов также поддерживают процессы агломерирования. Сегодня развитие городских агломераций становится одним из элементов основных стратегических документов крупнейших городов [2].

Процесс урбанизации в Казахстане был связан с быстрой концентрацией промышленности в крупных городах, созданием новых крупных городов в регионах новых застроек и, соответственно, с перемещением больших масс населения из села в город и его высокой концентрацией в крупных и крупнейших городских поселениях [3, с. 5].

В Послании Президента страны народу Казахстана «Стратегия «Казахстан - 2050» ставится задача обеспечения динамичного развития инфраструктурной триады – агломераций, транспорта, энергетики. Городские агломерации позиционируются как точки роста, локомотивы регионального развития [4].

Программа развития регионов Республики Казахстан направлена на развитие макрорегионов, перспективных районов и центров экономического роста. Особая роль отводится городам и районам, которые всегда являлись «локомотивами» в развитии различных отраслей экономики: промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры, туризма и других:

- макрорегионы – Северный (Акмолинская, Костанайская, Северо-Казахстанская области), Центрально-Восточный (Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Павлодарская области), Южный (Алматинская, Жамбылская, Кызылординская, Южно-Казахстанская области) и Западный (Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Мангистауская области);
- города «первого уровня» (агломерации с центрами в городах Астане, Алматы, Шымкенте и Актобе);
- города «второго уровня» (областные центры, города Семей и Туркестан);
- города «третьего уровня» (малые и моногорода);
- сельские территории, включая опорные сельские населенные пункты;
- приграничные территории.

Данные регионы определены как качественно новые урбанизированные образования, основной задачей которых является формирование и развитие их как долгосрочных центров роста, интегрированных с мировыми и региональными рынками, при этом определены приоритетные экономические специализации каждой агломерации [5].

Последние годы наблюдается интенсивная внутренняя миграция сельских жителей в крупные города. В результате треть населения страны проживает только в четырёх агломерациях с центрами в городах: Нур-Султан, Алматы, Шымкент и Актобе. Показатели урбанизации в других городах в Казахстане не меняются.

На долю двух крупных городов в 2019 г. приходилось более трети, или 29%, от общего объема валового регионального продукта Республики Казахстан; 16,4% населения всей страны проживают в этих городах.

Данные свидетельствуют о продолжающейся концентрации доли ВРП и населения в двух (Нур-Султан, Алматы) агломерациях. В 2015-2019 гг. в город Алматы приходится 20% ВРП в Республике Казахстан и доля населения Алматы в общей численности населения Республики Казахстан составляет 10% [6] [7].

Алматы - крупнейший мегаполис страны, активно формирующийся как агломерационный центр. В зону притяжения города Алматы входят города Талгар, Есик, Каскелен, Капшагай и прилегающие к ним поселки и села с тесными экономическими, трудовыми и социальными связями. Город Алматы отличается высокой концентрацией человеческих, финансовых ресурсов, образовательного и научного потенциала, развитой инфраструктурой, обеспечивающей связь с национальным и мировым рынками.

В настоящее время развитие пригородной зоны города Алматы осуществляется в рамках принятой комплексной схемы градостроительного планирования территорий пригородной зоны города Алматы.

Алматинская городская агломерация развивается как торгово-логистический и финансовый центр, инновационный кластер на базе парка инновационных технологий «Алатау» и крупнейших университетов, как туристический центр Центральной Азии. Агломерацию планируется развивать с учетом строительства городов-спутников в рамках проекта G4 City, который включает в себя 4 города-спутника, которые станут одной из составляющих, обеспечивающих развитие Алматинской области и неотъемлемую часть развития региона Центральной Азии в целом, а также строительства Международного центра приграничного сотрудничества «Хоргос».

Главный город Нур-Султан, столица государства инициирует напряженный приток населения, который повысит коэффициент урбанизации и обеспечит соотношение аспекту становления городских агломераций. На основе Назарбаев-университета и иных отраслевых научных центров Нур-Султан в будущем должен получить масштабные конкурентоспособ-

ные проекты инноваторской деятельности. Все это повысит потенциал главного города.

Шымкент - социально-экономический, научный, образовательный и культурный центр Южно-Казахстанской области. При этом город с его экономическим потенциалом может стать агломерационным центром юга страны. Вместе с тем необходимо регулирование данного процесса с целью недопущения его развития в формате «ложной урбанизации».

Город Актобе является административным центром Актюбинской области. Территория города Актобе, включая административно подчиненные пять сельских округов (Благодарный, Каргалинский, Курайлинский, Новый, Саздинский), равна 2,3 тыс. кв. км. Доля промышленного производства в областном объеме составляет около 20 процентов, основной удельный вес приходится на обрабатывающую промышленность - 77 процентов.

В настоящее время финансирование регионов в республике происходит в рамках сложившейся системы межбюджетных отношений, которая основана на перераспределении бюджетных средств из регионов-доноров в регионы-реципиенты (предоставление бюджетных субвенций отстающим в экономическом плане областям).

Такая система межбюджетных отношений в республике в недостаточной мере стимулирует местные исполнительные органы (как регионов-доноров, так и регионов-реципиентов) к увеличению темпов роста социально-экономического развития своих территорий.

Проведенный в рамках исследования SWOT-анализ показал следующие *слабые стороны* развития агломераций в Казахстане на современном этапе: низкая плотность расселения, отсутствие городов-ядер с населением более 2 млн. чел; отсутствие общей системной инфраструктуры городов-центров и прилегающих территорий (систем населенных мест); неэффективная транспортная инфраструктура внутри городов-центров (транспортные пробки); негативная экологическая ситуация в крупных городах (загазованность, неприменение смарт-технологий «зеленой экономики», неразвитость общественного транспорта, наличие неэкологичных и энергоемких производств внутри городов); недостаточная развитость зон рекреации и зеленых зон в городах; отсутствие у крупных городов страны привлекательных брендов (узнаваемого международного имиджа); низкая конкурентоспособность крупных городов страны на глобальном и региональном рынках; отсутствие единой современной градостроительной документации города-центра и пригородных населенных пунктов.

К *сильным сторонам* следует отнести: высокий (в сравнении с другими регионами страны) уровень предоставления услуг в сферах образования, здравоохранения, культуры и досуга; положительные показатели естественного и миграционного прироста населения; благоприятные условия

для развития малого и среднего бизнеса; наличие профессиональной кадровой базы.

В качестве *угроз* выделяют такие аспекты как «ложная урбанизация» вследствие неконтролируемого массового наплыва низкоквалифицированных трудовых ресурсов; дефицит жилья; высокая безработица; чрезмерная нагрузка на городскую социальную и инженерную инфраструктуру; хаотичная застройка окраин города; маргинализация и асоциализация прибывающего населения (увеличение преступности); ухудшение экологической ситуации.

К *возможностям* развития агломераций в Казахстане на данный момент относятся полная реструктуризация экономики (постиндустриальное развитие); формирование многочисленного и диверсифицированного рынка труда; повышение привлекательности и создание имиджа региона как емкого рынка сбыта товаров и услуг; создание «инфраструктурного эффекта» (мощные транспортные комплексы, мультимодальные узлы, информационные коммуникации); эффекты соседства с крупным центром, то есть предоставление жителям всей агломерации доступа к трудовым, торговым и другим возможностям разных зон агломерации в полном масштабе.

Также стоит отметить, что социально-экономическое положение города и его место в иерархии городских поселений все более зависит не от численности населения, а от того набора и качества товаров и услуг, которые он может предложить на рынках различного уровня – от локального до глобального. Сервисные и инфраструктурные возможности определяют лицо города все в большей степени, чем его производственная специализация.

В последнее время наблюдается изменение подходов к городам как центрам административно-управленческой деятельности национальных и транснациональных компаний. В силу развития информационных технологий и логистики упор делается, прежде всего, на наличие комфортной среды для ведения бизнеса. Именно это, например, стало конкурентным преимуществом новых американских центров корпоративного управления – Остина, Далласа, Денвера. Эти же процессы активно развиваются и в крупнейших агломерациях Китая и Индии.

В структуре землепользования крупных агломераций устойчиво доминируют земли под жилую застройку и развитие транспортной инфраструктуры. Тенденциями последних лет являются:

а) расширение свободы действий хозяйствующих субъектов в сфере земельных отношений;

б) увеличение разнообразия управленческих технологий, включающего повсеместное распространение краудсорсинга и предполагающего широкое вовлечение жителей города и экспертного сообщества в процесс разработки, обсуждения и принятия ключевых управленческих решений;

в) появление в области государственного управления специализации «менеджмент культурного наследия», связанной с формированием компетенций по созданию конкурентоспособных девелоперских и туристических продуктов, разработки и реализации проектов сохранения подлинных памятников культуры и истории, воспроизводству окружающей природной среды, традиций, уникальных историко-ландшафтных комплексов с учетом интересов населения и бизнеса;

г) децентрализация различных функций в пределах агломераций, которые ранее всецело ориентировались на традиционный центр города. По сути, в городах-спутниках и периферийных городах формируются научно-образовательные, культурные, спортивные, инновационные кластеры, гармонично связанные с историческим центром города, но разгружающие его от чрезмерной концентрации различных учреждений [8].

С научной точки зрения важной является разработка методики оценки уровня развития агломераций и их типологизации, учитывающей не только численность населения и характер системы расселения в агломерации, но и экономический потенциал составных частей агломерации, тесноту сложившихся между ними разного рода связей [9].

Необходимо отметить, что городские агломерации не смогут развиваться при подавлении местного самоуправления, поэтому его укрепление – насущная необходимость сегодняшнего дня. Органы местного самоуправления совместно с региональными органами государственной власти способны определить оптимальную модель управления городскими агломерациями и реализовать агломерационные проекты [10].

При развитии агломерации происходит развитие экономики и решаются следующие важные территориальные проблемы: интеграция ресурсов, что способствует развитию новых предприятий и строительству новых домов; повышение имиджа агломераций; выход агломерации на мировую арену в статусе значимого субъекта в области финансовых, культурных, товарных и прочих обменов; рост благосостояния населения; наиболее полное и интенсивное использование территории; приток ресурсов для развития и повышения конкурентоспособности; рост возможности профессиональной самореализации и образования; высокая степень использования трудовых ресурсов.

За счет большого количества населения на одной территории, происходит увеличение концентрации денежных средств, следовательно, идет развитие банковской и финансовой сферы, которые необходимы стране. Сконцентрированные ресурсы на данной территории способствуют притоку капитала и росту инвестиций в инновационные отрасли экономики. При этом агломерации проявляют свойства синергии и неаддитивности, и таким образом интенсивней развивают территорию страны. Сегодня инвестирование в агломерации очень привлекательно и выгодно, потому что

результат виден сразу: снижается уровень экономических издержек. Тем самым проявляется эффект масштаба, происходит расширение рынков сбыта продукции и рынка труда, возрастает концентрация производства, что приводит к максимальному эффекту и развитию положительных экстерналий и созданию точек роста [11].

У агломерации, помимо вышеперечисленных достоинств, есть несколько существенных недостатков: внутри агломераций сильная нагрузка приходится на транспортные каналы связи; появляются экологические проблемы, такие как повышенный уровень шума и загрязненный воздух; в связи с активным строительством внутри агломерации происходит сокращение зеленых зон и разрушение естественного ландшафта; концентрация социально-экономических факторов внутри агломерации приводит к «атрофированию» периферии и делает ее маленькие города экономически неконкурентоспособными [12].

Полноценно функционировать и развиваться агломерации мешают такие проблемы, как отсутствие в законе четкого описания сущности и содержания агломерации, отсутствие поддержки государства в вопросе развития агломерации, рассмотрение любого финансирования, произведенного за территорией города-ядра, как нецелевое использование средств со всеми неблагоприятными последствиями.

В связи с этим важно, чтобы перед государством были поставлены следующие задачи для развития агломерации.

Во-первых, необходимо прописать на законодательном уровне четкое определение данного термина и ликвидировать вышеуказанные барьеры в развитии агломерационных процессов.

Во-вторых, следует разработать четкую систему правил рационального сочетания административного и целеполагающего управления социально-экономическими системами.

Решая проблемы становления высокоэффективной агломерации, государству необходимо более внимательно подойти к данному вопросу и оценить все варианты развития агломерационных процессов, чтобы данная система приносила экономически положительный результат.

Выводы

1. Система государственного регулирования агломерационных процессов включает в себя ряд направлений: правовое, экономическое, административное, градостроительное.

Экономические механизмы регулирования включают систему стимулов для привлечения предприятий либо вывода их из перегруженного ядра агломерации, налоговые платежи, штрафные санкции. В зарубежной практике такие меры широко применяются для улучшения экологической ситуации в зонах интенсивного использования территорий.

Административные меры включают в себя запрет, разрешение и принуждение.

Важным направлением развития агломераций является градостроительное регулирование, которое связано с решением вопросов по разработке нормативно-правовой базы для агломераций, определение границ агломераций, разработка согласованной градостроительной и социально-экономической концепции развития агломераций, формирование механизмов реализации градостроительных решений, создание организационных структур и т.д.

К ключевым направлениям поиска новых градостроительных и технологических решений относятся:

Необходимость увеличения доли арендного жилья в общем объеме жилого фонда. В настоящее время тенденция увеличения доли жилья в частной собственности, характерная для второй половины XX века, в большинстве развитых стран сменилась на противоположную. Об этом свидетельствует динамичный рост доли арендного жилья во многих мегаполисах (так, в Нью-Йорке эта доля уже превышает 70% жилищного фонда);

Передача управления муниципальным (или государственным) фондом социального жилья частным операторам, введение социального жилья в коммерческий оборот (возможность выкупа арендатором или продажа части социального жилищного фонда частным инвесторам);

Отказ от застройки социального жилья вновь осваиваемых пригородных территорий. Сегодня в развитых странах предпочитают использовать небольшие участки в сложившейся городской среде, в том числе и в центральных районах, чтобы социальное жилье соседствовало с коммерческим;

Повышение энергоэффективности зданий и инженерных коммуникаций. Среди наиболее актуальных инструментов, помогающих при создании энергоэффективного города, можно выделить: передовые методы генерации, в том числе тригенерацию – комбинированное производство электричества, тепла и холода. Одновременное применение этих механизмов постепенно будет приводить к созданию автономных, энергонезависимых городов. В частности, немецкий город Фрайбург должен полностью обеспечивать себя энергией к 2045 году.

2. Возможно, самые революционные изменения происходят в сфере развития транспортной инфраструктуры городских агломераций, ориентированные на то, чтобы в перспективе горожанин тратил на дорогу не более 30 минут в день. Основная тенденция в этой сфере – ее функционирование в качестве прообраза социального контракта на предоставление транспортных услуг, а не рассмотрение ее как совокупности материальных и технических средств, обеспечивающих перевозки неопределенного круга лиц.

Наиболее эффективным подходом к транспортному планированию города сегодня признается концепция скоординированной мультимодальной транспортной системы: пешеходной и велосипедной (внутри жилых районов), личной автомобильной (при передвижениях в пригородах и между городами), общественной (при передвижениях в центр города).

Одной из важнейших тенденций последних 15–20 лет стало приоритетное развитие общественного транспорта, позволяющее снизить почти «наркотическую» зависимость мегаполисов от переизбытка личных автомобилей, сократить непроизводительные потери времени от стояния в бесконечных пробках и уменьшить вредные выбросы в атмосферу. Характерные акценты связаны с возрождением рельсового общественного транспорта (скоростных трамваев) и появлением системы муниципальной аренды автотранспорта, что, по сути, является прообразом модели функционирования так называемого «индивидуального общественного транспорта», уже получающей своё распространение не только в промышленно развитых странах, но и в странах ШОС [8].

3. Все большую актуальность приобретает и решение экологических проблем городских агломераций. Не будет преувеличением констатировать, что логика, описываемая известной формулой «после нас хоть потоп» и опирающаяся на весьма распространенное заблуждение о практически безграничном ассимиляционном потенциале окружающей природной среды, постепенно уходит в прошлое. На смену ей приходят концепции экополиса, «зеленого города», «города, не загрязняющего окружающую среду» и др. По сути, это единственный путь предотвращения глобального экологического кризиса, проявляющегося, например, в том, что более половины населения планеты вынуждено пить некачественную воду, а количество смертей, обусловленных загрязнением воздуха, составляет примерно семь миллионов человек в год.

Таким образом, создание агломераций делает возможным решения проблем крупного города за счет его разгрузки и повышения уровня развития окружающих поселений к городу. Агломерации являются дополнением крупных городов и параллельно приобретают новые возможности для решения своих проблем, таких как размещение производства, расселение людей, создание мест массового отдыха, устройство сложных транспортных сооружений и объектов коммунального хозяйства. При этом в процессе агломерирования формируется развитое городское пространство, которое приводит к закреплению полноценного городского уровня жизни на территории агломерации, растет число поселений, обладающих наиболее привлекательной средой в социальном отношении, создается более комфортная среда для развития бизнеса, обеспечивается повышение качества жизни.

Список литературы:

1. А.С. Волков. Приволжский научный вестник. № 7 (47) – 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-gosudarstvennogo-regulirovaniya-aglomeratsionnyh-protessov-v-rossii> (дата обращения:21.01.2020).
2. Власова Н.Ю., Антипин И.А., 2010 Городские агломерации: история, современность, стратегические ориентиры Региональная и муниципальная экономика Известия УрГЭУ 3(29) 2010
3. Abzhaliyeva, A. T. Urbanization and Its Social Consequences (on the Basis of Materials of Republic of Kazakhstan). October 15, 2013. Auto-abstract, candidate of social science specialty: 22.00.04. Social Structure, Social Institutes and Processes. Almaty, 2000, p. 23.
4. Послание Президента Казахстана Н. А. Назарбаева народу Казахстана «Казахстан-2050» является новым политическим курсом сложившегося государства. от 14 января 2012 г. с.2.
5. А. И. Дошанова. Развитие агломераций в Казахстане. Вестник КазЭУ. Алматы, 2017 г. [Электронный ресурс] URL: <https://articlekz.com/article/20147>. (дата обращения:21.01.2020).
6. Министерство национальной экономики Республики Казахстан Статистический комитет Журнал «Социально-экономическое развитие города Алматы» 2015-2019 // [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.gov.kz/>, P.5.
7. Министерство национальной экономики Республики Казахстан Статистический комитет Журнал «Социально-экономическое развитие города Нур-Султан» 2015-2019 // [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.gov.kz/>, P.5
8. Андрей Марголин. Развитие городских агломераций как фактор повышения глобальной конкурентоспособности государств // ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА, 2015, №6 (98)
9. Ворошилов Н.В. Особенности и проблемы функционирования института местного самоуправления в муниципальных образованиях городской агломерации Вопросы территориального развития вып. 4 (44) 2018 С.15
10. Павлов Ю. В. Совершенствование правового регулирования развития городских агломераций // Ars Administrandi (Искусство управления). 2018. Том 10, № 3. С. 466–488.
11. Шевилева Е.Е. Система регулирования агломерационных процессов: Россия и Западная Европа // Проблемы современной экономики. 2012. №2 (42).
12. Л.Я.Герцберг. Агломерации как объект экономической политики, государственного регулирования и территориального планирования. Градостроительство. №4, 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aglomeratsii-kak-obekt-ekonomicheskoy-politiki-gosudarstvennogo-regulirovaniya-i-territorialnogo-planirovaniya>.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ: КЕЙС ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Слямжар Ахметжаров

Докторант Высшей Школы Государственной Политики
Назарбаев Университета

Аннотация. В данной статье исследуется динамика общественных движений весной 2016 года в Казахстане, связанных с внесением изменений в земельное законодательство. При этом автор определяет основные причины коллективных действий граждан, основные категории населения, ответственные за выдвижение требований к власти, а также реакцию государственных органов на ключевые запросы граждан. В статье описывается влияние земельной комиссии на разрешение коллективных действий, а также на улучшение отношений между государством и обществом. Кроме того, представлены последствия этих событий на реализацию дальнейшей государственной политики.

Ключевые слова: коллективные действия, земельная реформа, земельная комиссия, демонстрации, переговоры.

ҰЖЫМДЫҚ ІС-ӘРЕКЕТТЕР: ЖЕР РЕФОРМАСЫНЫҢ КЕЙСІ

Слямжар Ахметжаров

Аңдатпа. Бұл мақалада жер заңнамасына өзгерістер енгізумен байланысты Қазақстанда 2016 жылдың көктемінде қоғамдық қозғалыстардың ауқымы мен динамикасы зерттеледі. Бұл мақалада автор халықтың ұжымдық іс-қимылының негізгі себептерін, халықтың билікке талаптарын ұсынуға жауапты негізгі субъектілерді, сондай-ақ басты наразылықтағы мүдделі тараптардың сұраныстарын жеңілдетуге мемлекеттің реакциясын анықтайды. Жер комиссиясының ұжымдық әрекеттерді шешуге, сондай-ақ мемлекет пен қоғам арасындағы қатынастарды жақсартуға әсері сипатталады. Бұдан басқа, бұл оқиғалардың одан әрі мемлекеттік саясат үшін салдары көрсетілген.

Түйін сөздер: ұжымдық іс-әрекеттер, Жер реформасы, жер комиссиясы, демонстрациялар, келіссөздер.

COLLECTIVE ACTION: THE LAND REFORM CASE STUDY

Slyamzhar Akhmetzharov

Abstract. This paper investigates the scope and dynamics of social movements in the spring of 2016 in Kazakhstan associated with the introduction of the amendments to the Land Law. In doing so, author determines the core reasons for the collective actions

of the people, main actors responsible for driving demands of people to the authorities as well as the state's responses for mitigation of the requests of the key protesting stakeholders. The impact of Land commission on the resolution of the collective action as well as improving the state-society relationships is described. Also, the implications of the events on further government policies are presented.

Key words: *collective action, land reform, land commission, demonstrations, negotiations.*

Introduction

The spring of 2016 has been marked by the widespread social movements in Kazakhstan. The social unrest and subsequent demonstrations of citizens have occurred across the different regions. In terms of scale and magnitude these demonstrations were the largest in the history of independent Kazakhstan. It worth considering in detail the development of collective action of citizens and subsequent response of government.

1. The roots of the problem

In September 2015 the Ministry of National Economy introduced the bill into the parliament about the amendments to the Land Law of the Republic of Kazakhstan. According to the reports of Ministry throughout the Kazakhstani independence period the land has failed to become the effective market tool and asset for the agriculture. The vast majority of agricultural lands 98,7% was on a long-term lease, while only 1,3% of agricultural land was privately owned. The low renting fees of the land resulted in negative externalities, as the state's agricultural lands were not involved into the market activities; also, tenants were not motivated to introduce new technologies for the cultivation of lands [1].

In order to address these issues Ministry of National Economy suggested to change the legislature to transfer the lands of agricultural purposes from government property into the private property through the mechanism of auctions. In general, it was assumed that the transfer of agricultural lands from government into private ownership would create conditions for development of the land market, improve the system of registration of land rights and transactions with it. However, there were two controversial issues in the new amendments that captured the public attention. Firstly, the amendments provided opportunities for the joint Kazakh and foreign enterprises to purchase agricultural lands on the condition that foreign share in the enterprise is less than 50%. Secondly, the foreign individuals and enterprises could lease the agricultural lands for the term of 25 years.

It should be acknowledged that in Kazakhstani context the land represents the sensitive issue for ordinary citizens. This is mainly due to historical narrative that land is considered as the primary asset of the nation – “*land is the legacy of ancestors*”, “*the land that has been protected by spears and brute force from invaders*”, etc. [2]. That is why, provision of opportunities for foreigners to lease

the agricultural lands resulted in the social outcry. In the peoples' understanding there was no guarantee that foreign individuals and companies would return back the agricultural lands after the expiration of rent contracts. Also, there was a fear that foreign individuals and companies can bribe local authorities and transfer the lands into private ownership.

2. Chronology of protests

On 30 March, 2016 the Ministry of National economy officially announced the start of sales of 1.7 million hectares of agricultural land from 1 July, 2016. This message has triggered the huge wave of discontent and anxiety in a society, which were expressed through the posts and publications in social networks, mainly via Facebook. Subsequently, frustration of public has transformed into the appeals to go out to protest rallies. As a result, the number of demonstrations has passed through the regions of the Kazakhstan (Table 1).

Table 1. **The timeline of main demonstrations against the land reform in the regions of Kazakhstan in 2016.**

Date	Event
2 April	About 300 residents of Kazygurt district in South-Kazakhstan region protested in front of the local akimat against the sale of agricultural lands [3]
24 April	Around 300 inhabitants of Kulsary district in Atyrau region gathered together to demonstrate their concern with land reform policy [4]
24 April	Between 700 and 4000 people in the city of Atyrau made a protest against the private ownership of Kazakhstani lands by foreigners [5]
27 April	Up to 100 people participated in the demonstrations in the city of Semey [6]
27 April	Between 200 and 400 people took part in the protests in the city of Aktobe [7]
28 April	Around 200 individuals in Aktau city went to a rally against amendments to the Land Law of the Republic of Kazakhstan [8]
1 May	About 500 people in Kyzylorda city participated in the demonstrations [9]
1 May	Up to 100 people protested in the city of Zhanaozen [10]
4 May	About 200 people in Uralsk city protested against the land reform [11]

3. Protests in action: stakeholders, motivations and demands.

The application of advocacy coalition framework on the collective action against the land reform in Kazakhstan provides an opportunity for determining the key stakeholders and their motivations. Generally speaking, **protesters could be divided into the three main categories.**

First and the most extensive category were the right-wing patriots. For this group, shared culture, language and land were associated with the national identity and sovereignty. Their motivations to participate in demonstrations were pushed forward by their desire to protect the land from any kind of foreign ownership. This category of Kazakhstani society mainly perceived the foreign companies that operated in the country as the threat for local economy and local producers.

The next category of protesters included those groups of population that have been financially disadvantaged due to ongoing economic crisis. On macro level the decrease of oil prices in the global market as well as the economic sanctions against Russian Federation have negatively affected the Kazakhstani economy. Thus, many Kazakhstani companies both in quasi-government and private sectors in order to stay in the market were pushed to initiate cost optimization procedures. One of the widespread methods included the transfer of workers from full-time to part-time employment. As a result, many workers have been forced to handle with lower salaries [13]. At the same time, the devaluation of tenge by National bank of Kazakhstan has adverse effect on those citizens who took out mortgages in US dollars. They faced difficulties in ensuring their regular payments to the Kazakhstani banks [14]. So, financially disadvantaged category of people used the land reform protests as an opportunity to express their own concerns regarding the economic policies.

The last category of protesters consisted from Kazakhstani farmers who already rented agricultural lands from government. For these farmers, the introduction of amendments to the Land law implied the obligation to buy out the leased lands after the rent agreements expire. From economic perspective it is more rational to rent agricultural lands for 49 years, rather than to buy lands into the private ownership, especially when the size of farms are in hundreds and thousands of hectares. At the same, time Kazakhstani farmers were against leasing land to foreigners and companies with foreign participation due to the possibility of subsequent competition in the domestic agricultural products' market [15]. So, the farmers' primary motivations to participate in protests were directly related with the proposed amendments in the land law.

- Geography and Slogans of the protests

In terms of geographical representation, the protests have occurred in western, southern and eastern regions of Kazakhstan. This can be partly explained by the enthusiasm and dedication of civic and political activists as well as their supporters in these regions. In the aftermath of the events, the Deputy General Prosecutor Andrey Kravchenko reported that about 40 people have been brought to the responsibility for organization of land reform related protest actions.

The activists in the cities and regions of Kazakhstan targeted main stakeholders such as right-wing patriots, financially disadvantaged category of people, farmers by special statements and slogans [16]. The main message to audience was that the land will be sold to the Chinese. It was intensified by slogan "Zher Satylmasyn!" [Don't let the land be sold!].

- Methods of internal communication and accumulation of supporters

The information campaign of activists and their supporters was carried out mainly through the modern methods of communications: sending messages via Whatsapp service and posting publications on Facebook social network. The less frequent methods included: posting and handing out flyers and leaflets on

the streets and in transport, as well as oral appeals of individuals toward crowd [17]. Apart from stimulating the motivations of main stakeholders, the use of communication techniques was supposed to inform potential participants about the date, place and time of forthcoming protest actions.

Methods of self-expression

For participants of the land reform movement in Kazakhstan the main method of expression the disagreement with the government policy was the peaceful demonstrations. Most of the time protests occurred at central squares of cities in front of local akimats. In terms of gender and age characteristics protesters were predominantly constituted from male individuals aged between 30-50 years [18]. As news reports indicate the number of participants in protest actions in the regions of Kazakhstan varied from 100 up to 4000 people in each city. While the total number of protesters, who went to central squares during April-May, 2016 estimated to be around 8000 people [19].

- Demands of protesters

The protesters appeal to the authorities included the number of declarations that have been collectively signed by participants in the open letters. The most popular demands of protesters toward political administration included the next aspects:

- Until the end of May 2016, make a change to the Land Law of Kazakhstan with the introduction of an article prohibiting the sale and rent of agricultural lands to foreign companies and companies with foreign participation;
- Issue an official warning for foreign companies operating in Kazakhstan that violated the laws of the Republic and contractual obligations;
- Suspension of Kazakhstani national companies' privatization process;
- Adoption of a program for the return of state-owned oil refineries, trunk pipelines and other strategic facilities;
- Creation of an independent international commission to return illegally withdrawn capital from offshore zones into Kazakhstan.

4. Government reaction: actors, strategies and initiatives.

It worth considering which of the state bodies were involved in mitigation of the demands of protesters.

- Firstly, the President's office as the central decision-making authority has actively participated in the resolution of land crisis. This is because the agenda of land reforms was partly mentioned in the "100 concrete steps" policy. Thus, the revision of the statements proposed by protesters was in the scope of President's office.

- Secondly, the competence of adopting the Land law lies within the boundaries of the Parliament. Both deputies of Majilis and Senate underestimated the importance of the land issue when they approved the reform back in September, 2015. Thus, this time they needed to carefully reconsider the amend-

ments to the Land law according to the adjustments made by responsible Ministries.

- Thirdly, the Ministries of National Economy and Agriculture were responsible for the elaboration of the amendments to the Land Law of the Republic. So, they needed to reformulate the articles in order to meet the expectations of population;

- Fourth, the responsibility upon the implementation of government land related policies as well as communication of this information to citizens belonged to regional Akimats. As demonstrations have showed, the Akimats to the larger degree had failed to explicitly explain to local population about the purposes of introducing the Land Law. Therefore, they needed to make adjustments in these aspects.

- The response of local authorities

Akims and their deputies tried to establish direct contact and dialogue with the leaders of protesters in order to explain the purposes of land reform and indicate the misunderstanding of protesters regarding the key aspects of amendments. At the same time the local authorities were accompanied by prosecutors, who informed protesters about the illegality of current demonstrations and the need to negotiate protest actions in advance with local authorities.

- The President's response

First President Nazarbayev held an emergency meeting, where he indicated the key faults made by ministries and akimats in elaboration and implementation of land reform policies. Particularly the Ministry of National Economy and Ministry of Agriculture were blamed for the breakdown of land reform in Kazakhstan. Consequently, the heads of these Ministries resigned from their positions.

In order to mitigate the tensions in the state First President Nazarbayev proposed two resolutions. Firstly, he imposed the five years moratorium (i.e. up until the December 2021) on the amendments to the Land Law of Kazakhstan. Secondly, he ordered the creation of special land commission with the inclusion of civil society representatives in order to develop a platform for reasonable discussions of land issues and elaboration of necessary recommendations for government [20].

- The work of land commission

The President's office participated in the formation of land commission, which consisted from 75 people and included the civil society activists, heads of NGOs, scientists, heads of large farms, deputies of Parliament and representatives of Ministries. The land commission has held overall 9 meetings during the May-August, 2016. It did partially address the concerns of protesters regarding the land. As a result of public discussions, it was suggested by commission to save the opportunity of leasing of farmland by individuals and legal entities of the Republic of Kazakhstan for up to 49 years [21]. However, the land com-

mission has left the question open regarding the land renting possibilities for foreign individuals and firms.

Conclusion

Overall, the collective action of Kazakhstani citizens on land reform has demonstrated the process of mobilization of people expressed through the peaceful demonstrations. The protesters have partially achieved their objectives. The introduction of amendments to the Land Law regarding the foreign participation in the land market of Kazakhstan has been postponed until the December of 2021.

More broadly, land reform demonstrations motivated Kazakhstani authorities to make a shift toward the introduction of socially oriented policies like provision of additional 20 000 university scholarships for graduating pupils, the abolition of income tax for low paid employees, the provision of housing program “7-20-25”, etc. This is because land reform demonstrations showed the political administration the existence of social benefit requests within the Kazakhstani community. Also, land reform demonstrations stimulated political authorities toward the provision of greater opportunities for citizens to participate in the government decision-making process. As Parliament and Ministries started to include more regularly the independent experts, NGOs and civil society representatives into the working groups.

References:

1. Ashimbayev D. The protests in Kazakhstan: much time has been spend ineffectively // Regnum Informational Agency [Electronic resource]. URL: <https://regnum.ru/news/2126446.html> (access date: 19.06.2020).
2. Beisembayev S. The protests against the sale of lands in Atyrau is the example of the Kazakh nationalism // Regnum Informational Agency [Electronic resource]. URL: <https://regnum.ru/news/2125194.html> (access date: 19.06.2020).
3. Zakon News Agency // In South Kazakhstan peasants went to rally [Electronic resource]. URL: <https://www.zakon.kz/4624064-v-juzhnom-kazakhstane-krestjane-vyshli.html> (access date: 19.06.2020).
4. New Times News Agency. // In Kulsary about 300 individuals went to protests against the land reform. [Electronic resource]. URL: <https://newtimes.kz/eshche/regiony/30681-v-kulsary-na-miting-protiv-popravok-v-zemelnyj-kodeks-vyshli-300-chelovek> (access date: 19.06.2020).
5. Dixi News. // Protests against the sale of lands in Kazakhstan: the chronology of events. [Electronic resource]. URL: <https://dixinews.kz/articles/zhizn/21774/> (access date: 19.06.2020).
6. Radio Azattyq. // The protests against the land reform in Aktobe and Semey. [Electronic resource]. URL: <https://rus.azattyq.org/a/semey-aktobe-mitingi-zemelnyj-vopros/27701331.html> (access date: 19.06.2020).
7. Dizapazon News agency. // The protest against the sale of lands to foreigners is ongoing in Aktobe. [Electronic resource]. URL: <http://www.diapazon.kz/kazakhstan/kaz-politics/82526-miting-protiv-arendy-zemli-inostrancam-prohodit-v-aktobe.html> (access date: 19.06.2020).
8. Zonakz the Internet Newspaper. // The land issue – Who is guilty and what to do? [Electronic resource]. URL: <https://zonakz.net/2016/05/05/zemelnyj-vopros-i-mitingi-cto-vinovat-i-cto-delat/> (access date: 19.06.2020).

9. Fergana News Agency. // Kazakhstan: the protests against the sale of lands for foreigners around the whole country. [Electronic resource]. URL: <http://www.fergananews.com/news/24725> (access date: 19.06.2020).
10. Radio Azattyq. // The land protest in Zhanaozen. [Electronic resource]. URL: https://rus.azattyq.org/a/zhanaozen_zemelnyi_miting/27709809.html (access date: 19.06.2020).
11. Regnum News Agency. // One more demonstration has occurred in Kazakhstan. [Electronic resource]. URL: <https://regnum.ru/news/2128147.html> (access date: 19.06.2020).
12. Radio Azattyq. // The land protests have reached the Parliament. [Electronic resource]. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-prodazha-zemli-slushania-v-parlamente/27706472.html> (access date: 19.06.2020).
13. Dialogkz News Agency. // The land reform has not been the main reason for protests in Kazakhstan. [Electronic resource]. URL: <http://www.dialog.kz/articles/konspirologiya/2016-11-29/zemelnyy-vopros-ne-byl-istinnoy-prichinoy-protestov> (access date: 19.06.2020).
14. Forbes Kazakhstan. // The optimization of employment processes at KazMunaiGaz. [Electronic resource]. URL: https://forbes.kz/news/2016/07/01/newsid_115293 (access date: 19.06.2020).
15. Caravan. // The Kazakhstani farmers are against the provision of renting opportunities for foreigners. [Electronic resource]. URL: <https://www.caravan.kz/news/kazakhstanskije-fermery-vystupayut-protiv-sdachi-v-arendu-zemelinostrancam-380152/> (access date: 19.06.2020).
16. Political Russia. // The promotion of land protests in Kazakhstan. [Electronic resource]. URL: <http://politrussia.com/world/maydan-v-kazastane-398/> (access date: 19.06.2020).
17. Open Democracy. // The evolvement of Kazakhstan: How land is becoming an issue. [Electronic resource]. URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/mariayanovskaya/kazakhstan-kamen-pretknoveniya> (access date: 19.06.2020).
18. Infroburow. // Have there been a protest? [Electronic resource]. URL: <https://infroburow.kz/stati/miting21-kak-vsyo-bylo.html> (access date: 19.06.2020).
19. Radio Azattyq // How and why people protested [Electronic resource]. URL: <https://rus.azattyq.org/a/protest-spal/29182993.html> (access date: 19.06.2020).
20. Tengrinews. // Nazarbayev has imposed the moratorium on Land Law. [Electronic resource]. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-nalajil-moratoriy-na-popravki-v-zemelnyy-kodeks-293904/ (access date: 19.06.2020).
21. Capital. 2016. // The land commission has ended its work. [Electronic resource]. URL: <https://kapital.kz/gosudarstvo/52768/komissiya-po-zemelnoj-reforme-zavershila-svoju-rabotu.html> (access date: 19.06.2020).

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА

Лаззат Габдуллина¹, Гүльнара Жансейітова²,
Жібек Абылкасімова³

¹ Докторант Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева

² Доцент кафедры «Менеджмент» Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева

³ Заведующая кафедры «Экономика и менеджмент» Государственного университета имени Шакарима г. Семей (г. Семей, Казахстан)

Аннотация. Одним из важных секторов для реализации стратегических целей инновационного развития экономики Казахстана является транспортно-логистическая система, которая служит фундаментом обеспечения конкурентоспособности экономики и повышения благосостояния населения страны. В данной статье рассматривается современное состояние и проблемы инновационного развития транспортно-логистической системы Республики Казахстан. Приводится анализ данных уровня развития инновационной активности транспортно-логистической системы страны. На основе проведенного анализа сформулированы основные направления решения проблем повышения инновационной активности отечественной транспортно-логистической системы.

Ключевые слова: экономический рост, транспорт, логистика, инновации, инновационная деятельность, инновационная активность, инновационный потенциал.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ КӨЛІК-ЛОГИСТИКАЛЫҚ ЖҮЙЕСІ
КӘСІПОРЫНДАРЫНЫҢ ИННОВАЦИЯЛЫҚ ҚЫЗМЕТІНІҢ ҚАЗІРГІ
ЖАҒДАЙЫ

Лаззат Габдуллина, Гүльнара Жансейітова, Жібек Абылкасімова

Аңдатпа. Еліміздің көлік-логистикалық жүйесі Қазақстан экономикасының инновациялық дамуының стратегиялық мақсаттарын жүзеге асырудың маңызды бағыттарының бірі болып табылады. Ол экономиканың бәсекеқабілеттілігін арттырудың және ел тұрғындарының әл-ауқатын жоғарлатудың негізін құрайды.

Бұл мақалада Қазақстан Республикасының экономикасының даму қарқыны мен факторлары, көліктік-логистикалық жүйесінің инновациялық дамуының қазіргі жағдайы мен негізгі мәселелері қарастырылады. Қазіргі заманда көліктік-логистикалық жүйенің бәсекеге қабілеттілігін арттыру үшін инновациялық әлеуетті дамыту мен қолдаудың өзектілігі мен қажеттілігі қарастырылған. Жалпы еліміздегі инновациялық қызметтің даму деңгейі, сондай-ақ елдің көліктік-логистикалық жүйесінің инновациялық белсенділік дәрежесі туралы мәліметтерге талдау беріледі. Талдау негізінде отандық көліктік-логистикалық жүйенің инновациялық белсенділігін тежейтін негізгі себептері анықталып және осы мәселелерді шешудің негізгі бағыттары ұсынылады.

***Түйін сөздер:** экономикалық өсу, көлік, қоймалау, логистика, инновациялар, инновациялық қызмет, инновациялық белсенділік, инновациялық әлеует.*

THE CURRENT STATE OF INNOVATIVE ACTIVITY OF THE ENTERPRISE OF THE TRANSPORT AND LOGISTICS SYSTEM OF KAZAKHSTAN

Lazzat Gabdullina, Gulnara Zhansaitova, Zhibek Abylkassimova

Abstract. One of the important sectors for implementing the strategic goals of innovative development of the economy of Kazakhstan is the transport and logistics system, which serves as the foundation for ensuring the competitiveness of the economy and improving the welfare of the population. This article examines the current state and problems of innovative development of the transport and logistics system of the Republic of Kazakhstan. The article considers the relevance and need for the development and support of innovative potential to improve the competitiveness of the transport and logistics system in modern conditions. The analysis of data on the level of development of innovative activity, as well as the degree of innovative activity of the country's transport and logistics system, is given. Based on the analysis, the main directions for solving the problems of increasing the innovative activity of the domestic transport and logistics system are formulated.

Keywords: transport, warehousing, logistics, innovation, innovation development, innovative activity, innovation potential.

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что на современном этапе развития казахстанской экономики внедрение и развитие инноваций является не только важным фактором повышения эффективности деятельности субъектов транспортно-логистической системы, но и приоритетным направлением национальной государственной экономической политики. Инновационное развитие является важным фактором диверсификации экономики, который в свою очередь ведет к формированию конкурентоспособной экономики инновационного типа. Транспортно-логистическая система является одной из ключевых составляющих инфраструктуры Казахстана и оказывает существенное влияние на уровень развития экономики страны.

Целью исследования является проведение анализа инновационного развития транспортно-логистической системы Республики Казахстан, выявление факторов, сдерживающие инновационную активность и разработка рекомендации по развитию инновационного потенциала транспортно-логистической системы.

Результаты исследования

За последние 10 лет в Казахстане наблюдается уже вторая волна спада темпов прироста валового внутреннего продукта (ВВП) страны. В посткризисный период (начиная с 2010 года) темпы прироста, хотя и были достаточно высокими, все же не достигли докризисного уровня и имели тенденцию к снижению. В 2012-2016 гг. спад (с 7,4% до 1%) был вызван воздействием мирового финансового кризиса.

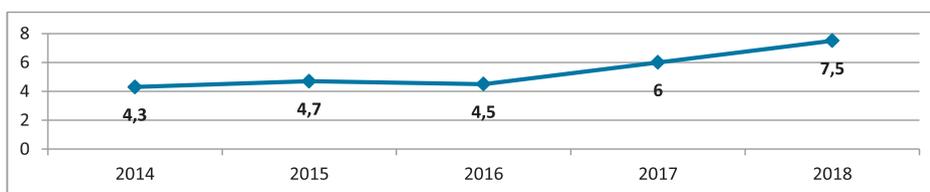
Благодаря участию Казахстана в международных интеграционных процессах и нацеленности на инновационное развитие были созданы предпосылки для роста экономики страны. Несмотря на это, главным фактором роста экономики все же остается интенсивное освоение невозобновляемых минеральных ресурсов.

Транспортная отрасль Республики Казахстан является одной из динамично развивающейся сферой экономики страны. За последние десять лет количество зарегистрированных субъектов транспортно-логистических услуг увеличилось более чем на 65%, и по итогам 2018 года достигло 16580 единиц. Это составляет около 4% от общего количества всех хозяйствующих субъектов в стране. Возрастает роль транспортной отрасли в обеспечении занятости населения Казахстана. В конце 2018 года в данной отрасли трудились 624 718 человек, и его вклад в занятость населения страны составил 7,2% (<https://stat.gov.kz/edition/publication/collection>).

Наиболее важным фактом в развитии предприятий транспортно-логистических услуг Казахстана является его растущий вклад в экономику и доходы страны. Объемы продукции и услуг предприятий транспортно-логистических услуг в годовом выражении с 2009 года выросли на 254,2 %, в 2018 году темп роста составляет 4,6 %, это больше почти на 3 раза по сравнению с 2009 годом. Вклад отрасли транспорт и складирования в ВВП находится в пределах 7%. В целом по стране, по итогам 2018 года, перевезено 4103,8 млн.тонн груза, тогда как по результатам 2009 года объем таких перевозок был почти в два раза меньше и составил 2103,3 млн.тонн. Количество людей, воспользовавшихся услугами казахстанских перевозчиков, составило 23013 млн. человек. Но еще ровно 10 лет назад такой показатель был заметно ниже и достигал только 11806,5 млн. человек. Объемы инвестиции в основной капитал предприятий отрасли транспорт и складирования в годовом выражении с 2009 года выросли на 285 % и в 2018 году составил 1 790 64,4 млн.тенге и уступает только показате-

лям промышленности (12 091 35,4 млн.тенге) (<https://stat.gov.kz/edition/publication/collection>).

Для выявления инновационного потенциала субъектов транспортно-логистической системы в Казахстане проведем анализ уровня их инновационной деятельности за последние годы. Согласно данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан в 2018 году уровень инновационной активности предприятия транспортно-логистических услуг достиг 7,5 %, что выше почти на 2 раза по сравнению с 2014 годом (рисунок1). Несмотря на положительную динамику роста уровня инновационной активности предприятий транспортно-логистических услуг за последние 5 лет, по данному показателю отрасль занимает один из последних мест в экономике республики, опережая лишь строительство. Лидерами по уровню инновационной активности являются сферы образования (59,9%), здравоохранения и социальных услуг (32,7%), обрабатывающей промышленности (15,8%), горнодобывающей промышленности и разработки карьеров(14,9%) и информации и связи (13,9%).

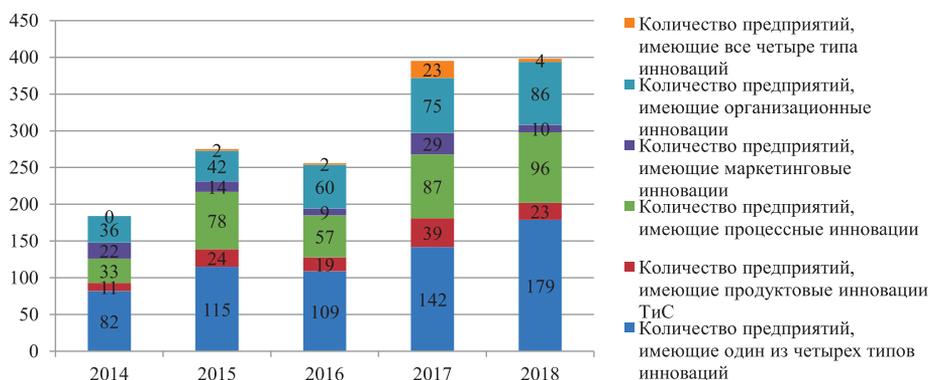
Рисунок 1. Динамика уровня инновационной активности по виду экономической деятельности транспорт и складирования 2014-2018 гг.

Источник: – составлен авторами по данным официального сайта Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК [3].

Число инновационных предприятий транспортно-логистических услуг ежегодно увеличивается и по сравнению с 2014 годом выросло почти на 2,5 раза, прирост инновационных предприятий в 2018 году составил 136 единиц (рисунок 2). По количеству предприятий, имеющих один из четырех типов инноваций, отрасль занимает седьмое место, уступая здравоохранению и социальным услугам (626 ед.), оптовой и розничной торговле; ремонту автомобилей и мотоциклов (629 ед.), обрабатывающей промышленности (683 ед.), строительству (240 ед.), сельскому, лесному и рыбному хозяйству (194 ед.) и профессиональной, научной, и технической деятельности (180 ед.)

Количество предприятий, имеющих все четыре типа инноваций в 2018 году составило 4 единицы (11% от общего количества РК – 37 ед.), самый высокий уровень данного показателя принадлежит 2017 году, предприятий имеющих все четыре типа инноваций было 23 единицы. По данному показателю отрасль занимает четвертое место по республике, уступая предприятиям обрабатывающей промышленности (11 ед.), здравоохране-

ния и социальных услуг (9 ед.), оптовой и розничной торговли; ремонта автомобилей и мотоциклов (6 ед.)[3].

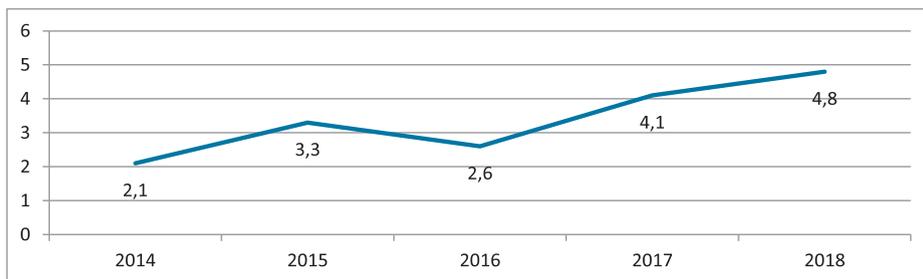

Рисунок 2. Количество предприятий по типам инноваций по виду экономической деятельности транспорт и складирования за 2014-2018 гг., единицы

Источник: – составлен авторами по данным официального сайта Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК [3].

По статистическим данным в 2018 году уровень инновационной активности по продуктовым и процессным инновациям предприятий транспортно-логистических услуг по сравнению с 2014 годом вырос более чем на два раза и составил 4,8% (рисунок 3), что свидетельствует о том, что несмотря на динамичное развитие предприятия транспортно-логистических услуг имеют достаточно низкий потенциал инновационной деятельности.

По уровню инновационной активности предприятий по продуктовым и процессным инновациям в разрезе отраслей предприятия транспортно-логистических услуг занимают одиннадцатое место по РК, опережая только строительство и оптовую и розничную торговлю; ремонт автомобилей и мотоциклов. По количеству предприятий, имеющих продуктовые и процессные инновации в разрезе отраслей, предприятия транспортно-логистических услуг занимают седьмое место (113 ед.) по РК, уступая обрабатывающей промышленности (545 ед.), здравоохранению и социальным услугам (451 ед.), сельскому, лесному и рыбному хозяйству (ед.), оптовой и розничной торговле; ремонту автомобилей и мотоциклов (175 ед.), профессиональной, научной и технической деятельности (131 ед.), информации и связи (114).[3]

Рисунок 3. Уровень инновационной активности по продуктовым и процессным инновациям по виду экономической деятельности транспорт и складирование 2014-2018 гг., в процентах

Источник: – составлен авторами по данным официального сайта Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК [3].

За последние пять лет объем созданной и реализованной инновационной продукции в отрасли увеличился почти что в 100-кратном размере, и в 2018 году составил 51 176,1 млн. тенге. Доля отрасли в создании инновационной продукции в республике составляет 4,3%, а в объеме реализованной инновационной продукции составляет 4,2%. По объему произведенной и реализованной инновационной продукции отрасль занимает третье место по республике, после обрабатывающей (930119,6 млн.тенге), горнодобывающей промышленности и разработки карьеров (104 673,7 млн.тенге). Затраты на осуществление инноваций предприятий транспортно-логистических услуг с 2014 года выросли на 16 % и в 2018 году составили 72022,6 млн.тенге.

В структуре затрат преобладают затраты на продуктовые 81% и процессные инновации 19 %. В 2017 году затраты на маркетинговые и организационные инновации составляли 0,02 % и 3% соответственно. В 2018 году на маркетинговые и организационные инноваций затрат не было. Доля отрасли в затратах на осуществление инноваций в РК составляет 8,3%, из них доля затрат на продуктовые инноваций составляет 23,6% и на процессные инновации 2,3%. По объему затрат на осуществление инноваций отрасль занимает второе место по РК, уступая только обрабатывающей промышленности (612284,4 млн.тенге) [3].

Кроме того, на развитие инновационной деятельности предприятий транспортно-логистических услуг в Казахстане влияют и региональные особенности инноваций. Так в разрезе областей наиболее инновационными являются предприятия города Восточно-Казахстанской (15,5%), Карагандинской области, г. Нур-Султан (14,7), уровень которых выше на 5 % чем средний показатель по республике. Наименее инновационными являются предприятия Туркестанской (6,5), Западно-Казахстанской (5,3%) и Мангистауской (4,0 %) областей [3].

Важным аспектом поддержки инновационного развития и необходимым условием повышения конкурентоспособности секторов экономики страны, в том числе транспортно-логистической системы, является создание специализированных структур и институтов, формирующих инфраструктуру инновационной деятельности. В числе которых, прежде всего, следует отметить АО «QazTechVentures» (бывшее АО «Национальное агентство по технологическому развитию») (2012), АО «Фонд науки» (2016), Банк развития Казахстана (2001), Фонд развития предпринимательства «Даму» (1997), АО "Казахстанский институт развития индустрии", АО «Национальный центр развития транспортной логистики» при АО НК «Казахстан темір жолы» (2011), транспортно-логистическую ассоциацию «KAZLOGISTICS» (2012).

Так же, в стране созданы и успешно действуют национальные и региональные технопарки. Целями данных технопарков являются: создание новых отраслей, способствующих обеспечению будущей конкурентоспособности казахстанской экономики; определения, раскрытия и развития инновационного потенциала, инновационной способности региона и обеспечения потребности экономики региона в инновационных продуктах. К национальным научно-технологическим паркам относятся: парк инновационных технологий «Алатау» (пос. Алатау), международный технопарк IT-стартапов AstanaHub, национальный индустриальный нефтехимический технопарк (г. Атырау), технопарк ядерных технологий «Токамак» (г. Курчатов), технопарк космического мониторинга (Алматы, Астана и Приозерск). К региональным относятся такие технопарки, как: Алматинский технологический парк (Алматы), технопарк «Алгоритм» (Уральск); технопарк «Бизнес-Сити» (Караганда), технопарк «Алтай» (Усть-Каменогорск), которые уже демонстрируют неплохие результаты деятельности. Самые крупные и известные стартап-площадки – алматинский TechGarden и столичный AstanaHub поддерживаются государством. Кроме того, существуют и частные бизнес-инкубаторы, например, MOST или nFactorial.

Выводы

В ходе исследования было установлено, что кроме общесистемных факторов (недостаток финансовых средств, в основном собственных средств; недостаток финансовых средств из внешних источников финансирования; слишком высокие инновационные затраты; нехватка компетентного персонала; недостаточность информации о технологиях и др.) негативное влияние на деятельность предприятий транспорта и логистических услуг оказывают и факторы более частного порядка. Будучи ориентированными в основном на оказание транспортно-складских и потребительских услуг, предприятия транспортно-логистической системы особенно чувствитель-

ны к воздействию такого фактора, как снижение уровня платежеспособности населения. В свою очередь, это влечет за собой недостаточную обеспеченность предприятий собственными оборотными средствами, невозможность приобретения дорогостоящего высокотехнологичного оборудования и привлечения высококвалифицированных кадров, заинтересованных в проведении политики инновационного развития предприятия.

Подводя итоги анализа уровня инновационной деятельности транспортно-логистической системы в Казахстане можно выделить несколько важных аспектов:

- инновационный потенциал предприятий транспортно-логистических услуг значительно ниже по сравнению с предприятиями других отраслей, что свидетельствует о необходимости формирования и реализации целенаправленной инновационной политики в транспортно-логистической системе;

- в контексте межотраслевой структуры уровень инновационной активности предприятий транспортно-логистических услуг по сравнению с промышленностью, сельским хозяйством, информацией и связью, здравоохранением, образованием оставляет желать лучшего, о чем свидетельствуют данные за последние 5 лет, что главным образом влияет на конкурентоспособность и эффективность предприятий данной отрасли в целом;

- неравномерность развития инновационной деятельности предприятий по регионам, которая в свою очередь определяет неравномерность экономического развития и ресурсных возможностей регионов (показатель региона с наиболее высоким уровнем инновационной активности (15,5%) в 4 раза превышает показатель региона с наиболее низким уровнем (4,0%));

- низкий уровень продуктовых и процессных инноваций предприятий транспортно-логистических услуг, которые являются базовыми в инновационной деятельности хозяйствующих субъектов, обеспечивающих главным образом улучшение качества производимой продукции и повышение технического уровня производства;

- несмотря на относительно высокий уровень затрат на осуществление инноваций, объем созданной и реализованной инновационной продукцией предприятиями транспортно-логистических услуг остается низким. В данном случае наблюдается неэффективное использование финансовых ресурсов.

В настоящее время без координирующей роли и финансовой поддержки со стороны государства решить задачу вовлечения предприятий транспортно-логистических услуг в процесс инновационного развития экономики будет непросто. При этом следует шире использовать механизм государственно-частного партнерства, как инструмента эффективного сотрудничества государственных структур с субъектами транспортно-ло-

гистической системы, в процессе реализации инновационных проектов. Для обеспечения ускорения темпов инновационного развития необходимо усиление интеграции науки и бизнеса, стимулирование стратегического партнерства между наукой и производством, обеспечение перелива инвестиций в сферы инноваций. Необходимо также обеспечить повышение экономического потенциала страны и рост благосостояния ее населения, что расширит возможности ресурсного обеспечения процессов инновационного развития экономики.

В результате проведенного анализа установлено определяющее влияние предприятий транспортно-логистических услуг на показатель инновационной активности в Казахстане. При этом уровень инновационного развития предприятий транспортно-логистической системы весьма низок, что негативно сказывается на среднем значении данного показателя по казахстанским предприятиям в целом. В ходе исследования выявлены основные причины низкой инновационной активности субъектов транспортно-логистической системы в Республике Казахстан и сформулированы рекомендации по активизации инновационного развития предприятий транспортно-логистических услуг в стране. Реализация предлагаемых мер является одним из важных предпосылок для достижения Казахстаном стратегической цели по вхождению в число тридцати наиболее развитых стран мира и занятия лидирующих позиций в глобальном экономическом пространстве.

Список литературы

1. Исабеков Б.Н., Мухамбетова Л.К. Инновации и предпринимательство. Учебник. // Астана, 2016
2. Раимбеков Ж.С., Сыздыкбаева Б.У. Транспортно-логистическая система Казахстана: механизмы формирования и развития. Монография. // Алматы, 2019.
3. Официальный сайт Комитета статистики Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/23/statistic/530>
4. Послания Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Стратегия «Казахстан — 2050»: новый политический курс состоявшегося государства» от 14 декабря 2012 года. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050>
5. Указ Президента Республики Казахстан от 4 июня 2013 года №576 «Об утверждении Концепции инновационного развития Республики Казахстан до 2020 года». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000579>
6. Указ Президента Республики Казахстан от 13 января 2014 года № 725 «О Государственной Программе развития и интеграции инфраструктуры транспортной системы Республики Казахстан до 2020 года». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000725>
7. Официальный сайт журнала Бизнес -Мир Казахстан. URL: <http://businessmir.kz/2019/08/28/innovatsionnaya-ekosistema-menee-1-ot-vvp-sostavlyayet-finansirovanie-innovatsij/>
8. Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by/>
9. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://www.gks.ru/>

РОЛЬ КАЗАХСТАНА В ВОЗОБНОВЛЕНИИ ДИАЛОГА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТУРЦИЕЙ

Акерке Райымбекова¹, Жансая Жабина²

¹ Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, Казахстан)

² Библиотека Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы (Нур-Султан, Казахстан)

Аннотация. В данной статье проводится анализ истории взаимоотношения России и Турции, основным этапом развития двухсторонних отношений, выявлены ключевые факторы для сближения позиций двух государств по актуальным проблемам международных отношений. В исследовании была рассмотрена значимость России и Турции для Казахстана, которая стала важным фактором вовлечения Казахстана в процесс урегулирования кризисной ситуации. Целью исследования является рассмотрение политики официального Нур-Султана в деэскалации отношений между Москвой и Анкарой. В статье также проанализирована роль Казахстана, без участия которой невозможна реализация геополитических инициатив России и Турции.

Ключевые слова: *Казахстан, Россия, Турция, конфликт, деэскалация, астанинская площадка, медиация.*

ҚАЗАҚСТАННЫҢ РЕСЕЙ МЕН ТҮРКИЯ АРАСЫНДАҒЫ ДИАЛОГТЫҢ ЖАҢАРУЫНАДАҒЫ РӨЛІ

Акерке Райымбекова, Жансая Жабина

Аңдатпа. Бұл мақалада Ресей мен Түркия арасындағы қатынастардың тарихы, екіжақты қатынастардың дамуының негізгі кезеңдері талданады, халықаралық қатынастардың өзекті мәселелері бойынша екі мемлекеттің ұстанымдарының жақындасуының негізгі факторлары анықталған. Зерттеуде Қазақстанның дағдарысты реттеу процесіне қатысуының маңызды факторы болып табылатын Ресей мен Түркияның Қазақстан үшін маңыздылығы зерттелді. Зерттеудің басты мақсаты - Мәскеу мен Анкара арасындағы қатынастардың деэскалация жағдайындағы ресми Нұр-Сұлтаннның саясатын қарастыру. Мақалада сонымен бірге Ресей мен Түркияның геосаяси бастамаларын жүзеге асыруда Қазақстанның рөлі талданады.

Түйін сөздер: *Қазақстан, Ресей, Түркия, жанжал, деэскалация, Астана келіссөз алаңы, медиация.*

THE ROLE OF KAZAKHSTAN IN RESUMING DIALOGUE BETWEEN RUSSIA AND TURKEY

Akerke Rayimbekova, Zhansaya Zhabina

Abstract. This article analyzes the history of relations between Russia and Turkey, the main stages of the development of bilateral relations, and identifies key factors for the convergence of the positions of the two states on topical issues of international relations. The significance of Russia and Turkey for Kazakhstan which has become a crucial factor in the involvement of Kazakhstani crisis settlement process has been examined in the study. The purpose of the study is to examine the policy of the official Nur-Sultan in de-escalating relations between Moscow and Ankara. The role of Kazakhstan which was impossible without implementing the geopolitical initiatives of Russia and Turkey also has been analyzed in the article.

Keywords: *Kazakhstan, Russia, Turkey, conflict, de-escalation, Astana platform, mediation.*

Introduction

Substantial changes are currently under way in international relations, which are characterized by the emergence of new players in the post-bipolar world, their relations with traditional centers of power. All these processes are in the focus of researchers. The tremendous pace of development of political processes and events occurring in the world, at times are challenging to assess these events from the perspective of the theory of international relations. In our view, the Russian Federation and the Republic of Turkey play a crucial role in the current system of international relations. As is well known, since the beginning of the XXI century, both countries have become leading actors and active players in international politics. The development of close relations between Russia and Turkey has become a topical issue of academic research of contemporary international relations. Russia and Turkey are vitally important partners for Kazakhstan. Kazakhstan has strong established relations with both countries, and to support one side or the other is not in the interest of Kazakhstan. The aggravation of relations and the subsequent unilateral sanctions of Russia had negative consequences for Kazakhstan. The initiative of Kazakhstan was aimed at establishing a dialogue as soon as quickly between Ankara and Moscow. When President N.Nazarbayev initiated the dialogue between Ankara and Moscow, many wondered whether it was Nazarbayev's personal ambitions or whether the conflicting parties asked him to become a mediator. We consider that Nazarbayev's initiative met the national interests of Kazakhstan. We tried to reveal the interest and the role of Kazakhstan in establishing the dialogue between Turkey and Russia in our work. The methodological basis for studying this problem was based on the principles of the school of neorealism. Eurasianism is the fundamental principle of modern Kazakhstan, which is related to the priority tasks of diplomacy to build the dialogue between East and West. We

believe that Kazakhstan will continue to play a crucial role in preventing a new round of escalation of relations between Moscow and Ankara.

The importance of Turkey and Russia for Kazakhstan.

Despite the fact that the XXI century has become the era of new opportunities for the development of Kazakhstan, the probability of such modern threats as terrorism, extremism, cyberterrorism, unfavorable market conditions have not disappeared. In the foreign policy of the Republic of Kazakhstan, Russia and Turkey have priority importance, as they are the main strategic partners of Kazakhstan.

Cooperation of Nur-Sultan with Ankara to maintain a balance with the immediate political and humanitarian influence of Moscow, and growing integration within the Turkic world –with the aim of strengthening the national identity of the Kazakhs. Turkey, on the other hand, considers the Turkic part of Central Asia as a natural zone of its own geopolitical interests, building relations with the countries of the region on the basis of Turkish leadership.[1]

After the collapse of the USSR, Kazakhstan began to attach great importance to relations with the Republic of Turkey, as it was associated with such factors as civilizational community, cultural and language proximity. It is also important that Turkey was the only country in the Turkic world with sovereignty and experience on the world stage. Turkey became one of the first States to recognize the independence of Kazakhstan. The process of establishing diplomatic relations covered the period from 1992 to 1999. One of the first states to formalize diplomatic relations with Kazakhstan in March 1992, was the Republic of Turkey. The official visits and meetings of President Turgut Ozal to Kazakhstan in 1993 and President Nursultan Nazarbayev to the Republic of Turkey in 1994 expanded and strengthened the scope of economic, political, ethnocultural relations. [2] The signing package of important interstate agreements and treaties by Ankara and Nur-Sultan has made it possible for the consistent development of both diplomatic contacts and trade and economic relations, including in the framework of the summit of Turkic-speaking states. Nursultan Nazarbayev in one of his conversations with Turgut Ozal said that Kazakhstan would give up the stereotype of “big brother”. This claim was correctly interpreted in Ankara. [3]

Turkey highly appreciates the positive changes that our country has achieved in the short term after gaining independence, as well as the special place and strengthening independence of Kazakhstan in the international arena. Constructive dialogue between Kazakhstan and Turkey continues at the multilateral level – within the framework of the UN, the organization for economic cooperation, the organization of Islamic cooperation, the OSCE, CICA, the cooperation Council of Turkic-speaking States and other associations.

Turkey was one of the first to establish diplomatic relations with the countries of Central Asia, which largely contributed to the faster penetration of Turkish

representatives in the region. The arrival of Turkey in the region was large-scale and included various directions: cultural, humanitarian, economic and political. Ankara made full use of the potential of the state apparatus, and also actively attracted Turkish business, various socio-cultural, socio-political and religious organizations. Turkish forces in the region was widespread and included different areas: cultural, humanitarian, economic and political. Ankara fully applied the potential of the state apparatus, as well as to actively attract Turkish businesses, various socio-cultural, political and religious organizations.[4]

The Russian Federation is formulated as a strategic partner, ally and the largest economic partner of Kazakhstan. The closeness of the positions of the official Nur-Sultan and Moscow has been repeatedly proved in the framework of the consideration of actual problems of modern international relations. Despite the forecasts regarding changes in the foreign policy of Kazakhstan in the light of the current transit power, the effectiveness of the policy of the First President N.Nazarbayev was shown during the first foreign trip of President K.Tokayev to Moscow on April 3, 2019.

Russia is the main trade, economic and political partner of Kazakhstan, the similarity of the positions of the Kremlin and Akorda is manifested in certain problems of modern international relations, as well as in general principles in world politics. In particular, in the matters of international terrorism, drug trafficking, the problems of Syria, Afghanistan, Venezuela, the positions of the two countries are united, that is confirmed by the results of voting at events held under the auspices of the UN.

The divergences appeared in the framework of an important issue for Russia related to the issue of the status of Crimea [5], we recall that Kazakhstan did not support the position of Russia at that time, it did not lead to the deterioration in relations between the two countries. Kazakhstan has shown solidarity with Russia on the issue related to the infringement of the rights of national minorities in the annexed Crimea.[6]

The problem of the status of Crimea has become the biggest challenge in strengthening of bilateral relations and the multi-vector policy of Kazakhstan as a whole. The issues of Crimea and economic sanctions introduced against Russia had a negative impact on the economy of Kazakhstan. Opening the Turkey market to the Russian at the time of the deterioration of economic relations of Russia between the European Union and the United States after the sanctions helped to maintain the stability of the Russian economy. Given the close ties of the economy of Kazakhstan with its northern neighbour, the presence of stable relations between Russia and Turkey has shown the relevance of this research direction for Kazakhstan.

Russia is putting pressure on Kazakhstan through the Collective Security Treaty Organization (CSTO) and the Eurasian Economic Union (EEU). In 2008, Russia tried to put pressure on Kazakhstan through the Georgian factor.[7]

As is well known, the military events taking place in November 2015 led to a sharp deterioration in relations between the two countries. As a result of the deterioration of relations between the two countries negatively affected the turnover and the trade of Kazakhstan with Turkey.[8] Russia has raised the issue of economic security and diversification of the transport of goods arriving from Turkey to Kazakhstan. An important direction in diplomacy of Kazakhstan was to ensure the economic security of the country by resolving the contradictions between the two major partners of Kazakhstan.

In his speech K. Tokayev noted: “We started gradually, I remember my participation in the preparation of the 1992 Treaty. We have moved on to allied relations between two our countries since that agreement. We are well aware of the alliance and the obligations that follow. In this regard, I am sure that the signed Treaty “on allied relations and partnership” in Yekaterinburg will certainly lay the most important basis for our close cooperation in all spheres” [9], and that dispelled all fears of the Russian authorities regarding the change of the orientation of foreign policy of Kazakhstan.

Russia occupies the leading position in trade and economic, defense, humanitarian and other spheres of Kazakhstan. One of the largest associations as the Eurasian Economic Union is the result of the initiatives of Russia and Kazakhstan. Kazakh-Russian relations are of great strategic importance for the Eurasian Economic Union.

Moscow and Nur-Sultan have similar positions on many international issues, such as the fight against terrorism, drug trafficking, the similarity of positions was manifested in the Syrian and Venezuelan crisis. But the events around Crimea and Ukraine have become a serious test of the strength of Kazakh-Russian ties. The events that began in 2014 affected the interests of not only the partners of Kazakhstan, CIS and Turkey as well.

Officially, the authorities of Kazakhstan did not give a legal assessment on the issue of Crimea, limiting themselves to calls for a peaceful solution to the dispute. Kazakhstan also did not recognize Crimea as the part of Russia, but urged to respect the will of the people of Crimea as a result of the referendum. Kazakhstan also did not support the initiative of Western countries to accuse Russia of violating the rights of ethnic minorities in Crimea. In the official documents of Nur-Sultan on the Crimea there is no wording as annexation or subject of the Russian Federation. The multi-vectoral policy of Kazakhstan on maintaining the balance of power and priorities was then condemned by some experts. The imposed sanctions against Russia and counter-sanctions had a significant impact on the economy of Kazakhstan.

Problem statement

Political mediation is a form of alternative expert-political science dispute resolution and dispute settlement, voluntarily elected by the conflicting elite

communities, based on the solidary desire to reach an agreement, and political objectivity and expediency. [10]

The violation of international law by the leading players on the world stage and the application of double standards (from the Iraqi adventure to the Declaration of independence of Kosovo, intervention in Georgia and interference in the internal affairs of Ukraine) have weakened the moral authority of the world powers as arbitrators or mediators. Although it is too early to write off the influence of world centers of power or economic hegemony, against their background, the modest role of Kazakhstan as a mediator in the conflict of actors such as Turkey and Russia, has opened the new page in the history of mediation.

The expansionary policy of Russia and imposed sanctions would be a good reason to the change of foreign policy guidelines of Kazakhstan. Most experts were inclined to believe that the weakening position of Kremlin on the world stage will lead to the inevitable collapse of Putin's Eurasian strategy, as Kazakhstan and other members of the economic Union in order to prevent the Crimean scenario for them will take a course to distance themselves from Moscow and take the position of the West and Turkey. But this did not happen, Eurasian integration did not slow down, and Kazakhstan on the contrary became the active participant in the settlement of Russian-Turkish relations.

The crisis "Arab spring" in Syria has become a turning point in relations between Moscow and Ankara. Different geopolitical priorities have led to the clash of interests, and the events of November 2015 were the turning point in relations between the two states. After the incident involving the destruction of a Russian aircraft in the sky over Turkey, and the subsequent countermeasures of Moscow against Ankara culminated in the aggravation of Russian-Turkish relations. This was followed by rapprochement, in which Kazakhstan played the significant role, and from that period the process of transformation of Russian-Turkish relations have started.[11]

The mediating role of Kazakhstan in the normalization of relations between Moscow and Ankara can be assessed in different ways, some experts believe that it is only the ambitions of President Nazarbayev, others believe that that initiative to become a mediator came from Erdogan and Putin, but we believe that the reconciliation or normalization of relations between Turkey and Russia, comes from the geopolitical and geo-economic interests of Kazakhstan.

Kazakhstan as a mediator between Moscow and Ankara: geopolitical interests or ambitions?

The choice of Kazakhstan as a conciliator or mediator in the conflict between Moscow and Ankara was not accidental, as we pointed out that Kazakhstan was no less interested in stabilizing relations between Turkey and Russia. But, what is the role of the mediator in modern international relations? How well can they interest the conflicting parties? What can be offered in return? In addition

to the desire to play the historical role of peacemaker, which, in turn, is not enough in the current geopolitical situation. Was the dialogue between Ankara and Moscow possible without the participation of third countries?

Kazakhstan was able to become the mediator based on many factors, some of them have been mentioned above.

Eurasianism is one of the ideological foundations of the multi-vector policy of Kazakhstan which in turn, contributes to the erasure of civilizational differences between the West and the East, in our case, Russia and Turkey.

Kazakhstan has made it clear that it is the bridge between Moscow and Ankara, whose interests are not limited to the Middle East or the Black Sea. The conflict between Russia and Turkey would greatly weaken the positions of the two countries in the Eurasian Space, and first of all in the Central Asian region as well. It is Central Asia, represented by the leader of the region of Kazakhstan, that has enabled Russia and Turkey to turn from competition to partnership. Ankara and Moscow understand that their geopolitical conflict strengthens the position of China and the United States and the number of other players in Central Asia.

Astana has advocated a peaceful settlement in conflict zones in accordance with international law with the adoption of existing international mechanisms. High recognition of the role of Kazakhstan as a regional mediator in the modern world was the chairmanship of our country in the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) and the Organization of Islamic Cooperation (OIC), as well as the support by the world community for the initiatives of the President Nursultan Nazarbayev to convene the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia (CICA). In addition, Kazakhstan is known as the author of effective initiatives at the regional level. You may recall that the Kazakhstani summits on the Iranian nuclear issue could move the negotiation process forward. By the time of the meetings in Almaty and Astana, the difficult dialogue of the six international mediators and Iran has objectively been stalled. In Geneva, Americans and Europeans met with Iranians on their own territory. It may have played a role and expectations of the western public, that demanded a speedy settlement of the nuclear issue on the frightening. In this regard, Tehran could well experience certain pressure. The meetings in Kazakhstan did not attract such increased attention from the international community, that probably allowed the parties to come closer to a compromise. It eventually turned into a nuclear agreement in 2015, which became a major diplomatic breakthrough.

The diplomacy of Kazakhstan was aimed at making it clear to the conflicting parties that the economies of the Central Asian States are mainly export-oriented, that look for alternatives for the transit of hydrocarbons to the world market.

Without the participation of Kazakhstan, it is impossible to implement the geopolitical projects of Ankara and Moscow. The prospects for further development of the Eurasian ideas of the Turkic world and the Eurasian Union are

directly related to Kazakhstan. The concept of geographical space of Eurasia in Ankara and Moscow are very similar.

The partnership between Ankara and Moscow is certainly beneficial for the countries of Central Asia in which Kazakhstan is the undisputed leader. The premise of the thesis can be confirmed by the following facts:

- The Republic of Kazakhstan is the only country that has the common border with such great powers as Russia and China. The main priority is given to the neighbour according to the international practice, thus, Kazakhstan is the dominant state in the policy of such major countries as Russia and China;

- The state with economic opportunities, fully included in the world economic and political processes;

- from the security perspective, the absence of common borders of Kazakhstan with unstable states will increase the investment attractiveness of the country. At the same time, we remind that the problem of Afghanistan is the heath of instability;

- The multi-vector policy pursued by the Head of state Nursultan Nazarbayev during the years of independence contributed to the formation of a positive image of Kazakhstan on the world stage;

- Favorable geographical location of Kazakhstan allows to play an important role in major economic projects, such as the project “One Belt – One Road”;

- Kazakhstan has extensive experience in such authoritative international organizations as the UN security Council, OSCE and OIC, within the SCO and CIS;

- The absence of unresolved territorial disputes with the neighbours of Kazakhstan, the pledge of absence of future border conflicts and diplomatic conflicts;

- The state in which the internal political system of the Republic of Kazakhstan is stable, effectively implemented the policy of preventing conflicts on ethnic or religious grounds. The existence of such an organization in the country, like other countries, where the Congress of the world and traditional religions held, as the state, conducting the intercivilizational, interreligious dialogue in setting international policy.

The Republic of Kazakhstan, which has priority, as mentioned above, had the opportunity to become the key pillar and guarantor of the partnership between Moscow and Ankara.

Kazakhstan mediation in combination with the policy of Russia and Turkey.

Successful mediation role in resolving the Russian-Turkish conflict has played in strengthening the international image of Kazakhstan. Later Kazakhstan also played a significant role in the settlement of the Syrian crisis, but with the participation of the “Middle East Triple”. The choice of Kazakhstan as a

dialogue platform for the protesting forces of the Syrian crisis was not accidental. There were several criteria in choosing the venue for peace talks:

- the dialogue platform should be in a neutral country, the country that does not have a direct or indirect relation to the conflict and does not pursue a certain geopolitical interest;

- the coordinating country, that will become a platform for negotiations, had to be approved by the major states;

- the state, that will be a platform for negotiations, should have experience in holding such events and a status recognized by the international community.

By the end of 2015, several negotiation groups will appear, including Geneva, Riyadh, Cairo-Moscow and Astana groups.

The European countries, the USA and Russia, gave preference to the Geneva group, proposed inviting the democratic opposition and the Syrian Kurds to peace talks in Syria, but this caused dissatisfaction with Ankara officials, so we believe that the talks in Geneva did not produce any significant results.

The members of the Riyadh group were mainly military groups in the southern and central regions of Syria, most of them were recognized as terrorist. Therefore, Damascus was against the candidacy of Riyadh. The Cairo-Moscow group consisted mainly of the representatives of the moderate opposition, the Astana venue originally formed as part of that group, that received wide support from the government of Syria, Russia, Iran, Turkey and the UN.

Why Kazakhstan has become beneficial for the negotiation platform: syrian opposition groups with different goals refused to visit Moscow or Tehran, pro-government forces refused to go to Ankara or Doha, so the Astana venue was beneficial to all the warring parties. In addition, Kazakhstan contributed to the improvement of the humanitarian situation in Syria, that caused sympathy from the Syrian opposition and official authorities.

The following fact, the Republic of Kazakhstan was a non-permanent member of the UN Security Council in 2017-2018. This was undoubtedly an important historical event for Kazakhstan, therefore, one of the most important diplomatic steps was the country acting as a mediator in such a complex conflict and providing its territory as a negotiation platform. In his statement the Minister of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan Beybyt Atamkulov said that there were the greatest achievements in Astana format due to the actions of the real mediation of Kazakhstan. [13]

During the talks in the Astana format, there were many achievements than the negotiations in Geneva or in the Vienna format, including the most importantly, the formation of de-escalation zones in the conflict zone, the emergence of wide opportunities for the return of refugees located in Turkey and in Syria as well.[14]

Another humanitarian aspect of its territory that Kazakhstan presented as the venue is lies in the fact that since the beginning of the Syrian crisis, the

country has the opportunity to return Kazakhstani citizens to the country, who for various reasons were not able to return to the country. With the help of the competent authorities of the country, international organizations, national diplomats conducted the operation, which became the indicator of the protection of citizens of the Republic of Kazakhstan in accordance with international standards.

Negotiations on the format of Astana were harshly criticized by the United States, however, the charges brought against the Republic of Kazakhstan can be connected with the position of Russia. The USA stated that the negotiations in Nur-Sultan are held under the Moscow course, however, there were no other critics in the format of Astana from the point of view of official Washington. It should be borne in mind that the proposal to transfer negotiations to Nur-Sultan to another country is not supported by representatives of the Syrian opposition. [15]

The talks in Astana format complement the Geneva format, the choice of Nur-Sultan is another proof of the recognition of our diplomacy by the international community. The Republic of Kazakhstan has repeatedly demonstrated its media policy in the international arena; in 2010, the Republic of Kazakhstan acted as a mediator in controversial issues, such as resolving conflicts between Armenia and Azerbaijan over Karabakh, in Kyrgyzstan as well.

As a mediator in the settlement of disputes in international relations, as well as the adoption of the official Nur-Sultan to recognize the holding of such reciprocal negotiations is another sign of increased national diplomacy. Nur-Sultan as the coordinating country was supported by Turkey, Iran and Russia. After the events in Syria and Turkey on November 24, 2015, the place of military relations was discussed in the section on the introduction of new ones and the contribution of Kazakhstan to the pace of development brings out of an impasse. In general, 13 rounds of negotiations have been held in Astana format so far. We can say that this influenced the position of a positive image of Kazakhstan on the world stage.

Conclusion

At present, our state is pursuing an effective multi-vector policy, striving to occupy an important and profitable niche of a sincere and influential mediator on the world stage. The parties of any conflict sooner or later need to negotiate with each other. And in this regard, they would need an arbiter to develop normal friendly relations. Kazakhstan could be such an arbiter for the consolidated West on the one hand, as well as for Russia, China and other countries, on the other.

“Orientation to a specific state” means that, while developing relations with a certain state or a certain group of states, Kazakhstan does not break its ties with another state or group of states. In this context, the multi-vector foreign policy is the development of relations both with Russia and with Turkey. This multi-

vector foreign policy strategy is not only developed by Nursultan Nazarbayev, but is also determined by the identity of the Eurasian country.[16]

We can say that, thanks to the Eurasian project by Nursultan Nazarbayev, Turkey in the east began to develop relations with Russia. Nursultan Nazarbayev's diplomacy during the crisis with the downed aircraft on November 24, hastened the normalization of Turkish-Russian relations. The Astana meetings helped to believe in the possibility of political peace in Syria, because the Syrian issue was also a problem in relations between Turkey and Russia. The membership of Kazakhstan in the Turkic Council, the Shanghai Cooperation Organization and the Eurasian Economic Union has led to the fact that these three international organizations converged and focused on cooperation. The importance of Nursultan Nazarbayev's policy should be emphasized here.

Turkish-Kazakh relations are focused on common history and culture, emphasizing national unity and solidarity in Central Asia, this convergence due to the Eurasian project, also contributes to close cooperation with Russia. We can say that the ideas of Eurasianism, which was advocated by Nursultan Nazarbayev, prompted Turkey and Russia, for centuries, which were considered competitors, to achieve a common goal in the cultural and social terms. Again, the Eurasian civilization formed in the region through this convergence contributes to the historical rapprochement with countries in the region of countries such as China and Iran. This rapprochement also led to joint actions in the field of economic and military security.

Thus, Kazakhstan, despite being a young state, was able to open a new page in the history of mediation. The country without economic and political leverage, or military force, thanks to diplomatic efforts was able to play an important role in de-escalating relations between leading players like Russia and Turkey, it also helped to establish political dialogue between the conflicting parties, skillfully varying among political heavyweights like Iran, Russia and Turkey. In general, the efforts of Kazakhstani diplomacy contributed to strengthening the positive international image of Kazakhstan.

Список литературы

1. Adzhar Kurtov "Turtsiya i Tyurkoyazychnyye Gosudarstva Tsentral'noy Azii: Lyubov' po Raschotu?", in Irinoy Kobrinskoy, Shermana Garnetta (eds.) Rossiya i Turtsiya na poroge XXI veka: na puti v Yevropu ili v Yevraziyu?, (Moscow, 1997), p.106.
2. Kasym-Zhomart Tokayev, Pod Styagom Nezavisimosti: Ocherki o Vneshney Politike Kazakhstana, (Almaty: Bilim, 1997), p. 524.
3. Madina Zhubatkhanova, "Iz Istorii Diplomaticheskikh Otnosheniy Kazakhstana i Turtsii" Materials of International Scientific and Practical Conference, dedicated to the 180th anniversary of the great Kazakh scientist, historian, ethnographer, traveler and enlightener Sh. Ualikhanov, Kokshetau, April 17-18, 2015, (Kokshetau, 2015), p. 211.
4. Zhibek Syzdykova, "Geopolitical Interests of Turkey and Russia in Central Asia", Theory and Practice of Social Development, No. 8 (2013).
5. United Nations General Assembly Resolution 68/262, Official Site of the UN (Resolution adopted by the General Assembly on 27 March 2014) retrieved January, 2020, from <https://undocs.org/en/A/RES/68/262>.

6. "Kazakhstan Progolosoval Protiv Proyekta Rezolyutsii po Krymu", Azattyq, (November, 2018), retrieved January, 2020, from <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-resolution-un-human-rights-crimea/29604182.html>.
7. Dulatbek Kydyrbekuly, "Geopolitics of Kazakhstan: problems and prospects", Bulletin National academy of sciences of the Republic of Kazakhstan, No. 2 (2011), pp. 58-62.
8. Gulbanu Mukhamedzhanova, "Kazakhstansko-turetskoye Torgovo-Ekonomicheskoye Sotrudnichestvo", Official Site of the International Science Complex Astana (May, 2018) retrieved December, 2019, from <http://isca.kz/ru/analytics-ru/2723>.
9. "Tokaev vstretilsya s Putinyim v Moskve", Tengrinews (April, 2019) retrieved December, 2019, from https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-vstretilsya-s-putinyim-v-moskve-366428/.
10. Vadim Gayduk, Andrey Luk'yantsev, "Politicheskaya Mediatsiya kak Novaya Politicheskaya Tekhnologiya", Voprosy politologii, Vol. 4, No16 (2014), pp.81-92.
11. Adilbek Yermekbayev et al, "The Russian-Turkish Relations in the Context of Syrian Crisis", Opción, Vol. 35, Especial No.19 (2019), pp. 362-380.
12. Zukhra Ismagambetova, Zapadnaya Filosofiya Kul'tury XX veka, (Almaty: Kazakhskiy natsional'nyy universitet im. al'-Farabi, 2014), p. 108.
13. Baurzhan Mukanov, "What Successes has Kazakhstan Achieved in the International Arena in two years at the UN Security Council?", Informburo, (March, 2019) retrieved December, 2019, from <https://informburo.kz/stati/kakih-uspehov-kazahstan-dobilsyana-mezhdunarodnoy-arene-za-dva-goda-v-sovbeze-oon>.
14. Staffan de Mistura, "Lekar dla Stran", Official Site of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan, (June, 2019) retrieved December, 2019, from <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/staffan-de-mistura-lekar-dla-stran>.
15. Bolat Shaikhinov, "Syrian Opposition Advocates Continued Negotiations in Astana", Sputniknews, (May, 2018) retrieved December, 2019, from <https://ru.sputniknews.kz/politics/20180515/5630455/astana-siry-peregovory-sochi-oppozitsiya.html>.
16. Dinmukhammed Ametbek, "Locating Turkey in Kazakhstan's Eurasian Identity", Ph.D thesis, Middle East Technical University, 2015.

ИССЛЕДОВАНИЯ СИСТЕМНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ЧАСТЬ I)

Тадеуш Бодио¹, Анджей Вежбицки²

¹ Заместитель председателя Комитета политических наук Польской академии наук, Кафедра восточных исследований факультета политических наук и международных исследований Варшавский университет, Польша

² Заведующий кафедрой восточных исследований, Факультет политических наук и международных исследований, Варшавский университет, Польша

Аннотация. В статье представлены цели, задачи, организация и основные этапы реализации международной программы исследований трансформации в странах Центральной Азии. Исследование проводится с 1997 года группой политологов Варшавского университета в сотрудничестве с представителями других польских и зарубежных университетов.

Ключевые слова: Программа исследований, Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, политическая трансформация, политическая традиция, политическая модернизация, этнополитика, бархатные революции, посткоммунизм.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІНДЕГІ ЖҮЙЕЛІК ТРАНСФОРМАЦИЯЛАР- ДЫ ЗЕРТТЕУ (І БӨЛІГІ)

Тадеуш Бодио, Анджей Вежбицки

Аннотация. Мақалада Орталық Азия елдеріндегі трансформацияны зерттеудің халықаралық бағдарламасының мақсаттары, міндеттері, ұйымдастырылуы және іске асырудың негізгі кезендері көрсетілген. Зерттеулерді 1997 жылдан бастап Варшава университетінің саясаттанушылар тобымен басқа серіктес поляк және шетелдік университет өкілдерімен бірлесіп жүргізеді.

Түйін сөздер: Зерттеу бағдарламасы, Орталық Азия, Қазақстан, Кыргызстан, Тәжікстан, Өзбекстан, саяси трансформация, саяси дәстүр, саяси модернизация, этносаясат, барқыт революциялар, посткоммунизм.

RESEARCH ON SYSTEMATIC TRANSFORMATION IN THE COUN- TRIES OF CENTRAL ASIA (PART I)

Tadeusz Bodio, Andrzej Wierzbicki

Abstract. The article presents the goals, tasks, organization and major stages of implementation of the international program of research on transformation in the countries Central Asia. The research has been conducted since 1997 by a team of political scientists from the University of Warsaw in cooperation with representatives of other Polish and foreign universities.

Keywords: *Research program, Central Asia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, political transformation, political tradition, political modernization, ethnopolitics, velvet revolutions, post-communism.*

1. Preliminary remarks

The idea of political science research on political changes in Central Asia was spawned at the Institute of Political Science of the University of Warsaw in the 1990s, in the conditions of growing interest in cooperation with the newly created post-Soviet states and a huge deficit of knowledge about the region in which a significant Polish diaspora lived. In 1997, an intercollegiate research team was established, conducting, together with scientists from Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan, research on changes taking place in the countries of the region.¹ The team was organized on the initiative of Tadeusz Bodio, who was also the head of the international research program. Its core members included: Wojciech Jakubowski, Krzysztof Kozłowski, Andrzej Wierzbicki and Piotr Załęski.

In this study, we would like to present from today's perspective some results of the scientific activity of the team. We also outline a short history of the research, indicate its goals, organization and stages of implementation, referring in the text, among others, to previous publications in which some issues related to its implementation were presented. We treat the statement about the scientific programs implemented in the last two decades as an attempt to synthesize the more important effects of research to date as well as the voice of the political science community expressed in the discussion regarding changes in the countries of Central Asian, which have been building their independent existence for several decades. No less important are the pragmatic values of this research for Poland and other European Union countries, due to their involvement in the processes of democratization of socio-political and economic life in Central Asia and the increase of the region's importance in global geopolitics.

The difficulty in conceptualizing, organizing and implementing the research program consisted, among others, in the fact that it was almost a 'pristine' area of scientific exploration located several thousand kilometres away, and communication with the research centres of the region was extremely difficult. At the time, there was no adequate financial and material infrastructure, no Internet, and political scientists did not show interest in the transformation in Central Asia. At the Institute, and not only there, the chances of implementing the sci-

---

¹ In detail about the genesis of the research: Put' v Aziü. Beseda c profesorom Tadeuszem Bodio (Przemysław Deres), 'Novaâ Polša', 2003, No. 5(42).

entific program were perceived with much scepticism. However, the fascination with the region, the fate of compatriots in five of its countries and the passion for research turned out to be stronger.

2. Objective of the studies

The basic assumptions of the international research project were created in 1998. The aim of the program was to study systemic transformation in the countries of Central Asia, with particular emphasis on historical, political, cultural and scientific links between the countries of this region and Poland. The conceptual assumptions implied that the program should, first of all, compensate for the deficit of knowledge about the history and political contemporariness of Central Asia, secondly, create broadly understood cooperation between Poland and these countries, thirdly, promote Polish science in the region, create a good climate for intensifying scientific contacts and building an institutional base for such cooperation with local research centres, fourthly, the research topics should take into account the didactic needs of scientific centres, but also the expectations of foreign and economic services of our country as well as business people interested in the region.

The program involved several research stages. The first of them were aimed at formulating a diagnosis of systemic transformations in the newly created countries: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan and Turkmenistan.² At each of these stages, the implementation of seven thematic blocks was planned:

1. Historical conditioning of transformation processes in Central Asia (national histories - from ethnogenesis to national identity; first state organisms and the evolution of political systems; political culture and state traditions; Poles in the history of the countries of the region; deportations and the fate of Poles in Stalinist times; Central Asia through the eyes of Poles in the light of diaries and other written testimonies);

2. Theory and practice of political transformation (the path to independence and national revival; models of state modernization; specificity of their transformation; periodization of transformation; implementation of political reforms; political regimes and clan policy mechanisms; issues related to democratization of social life; opportunities and threats to political transformation; internal security concepts);

3. Political system (constitutional and legal systems in the states; political systems and conditions for their development; systems of public authorities; party systems and social movements; political leadership and elites, political opposition; mass media systems; civil rights and liberties: theory and practice);

4. Society (modernization of social structures: the clash of tradition and modernity; tribal and clan structures and their impact on socio-political and eco-

² *As part of the presented program, the research topic 'Political leadership in the countries of Central Asia' was also developed, whose aim was, inter alia introducing models of leadership and profiles of the most important politicians of the region.*

conomic life; demographic processes; living conditions and social protection of the population; nations and national minorities; Polish diaspora and its everyday life; nationality and linguistic policy; religions and religious life; religious policy; socialization and political education; Islam in socio-political life);

5. Culture (cultural specificity of Central Asian nations and its impact on world culture; heritage and civilization challenges; dialogue of cultures and civilizations in the region; identity dilemmas; traditions of political culture; culture and democratization of social life; dynamics of changes in ethnic culture; cultural life after regaining independence);

6. Economy (natural resources and economic potential of the countries of the region; communication routes and transport; models and strategies for economic transformation; stages of building market economy; labour market; banking system; stock market; insurance market; investment policy and market access conditions; commercial policy and foreign trade);

7. Foreign policy (geopolitical and geoeconomic conditions of the international position of the countries of Central Asia; political and economic significance of the development of the trans-Asian transport routes system for the region; foreign policy priorities; political and economic cooperation with international organizations; the condition and prospects for the development of Poland's political and economic relations with the countries of Central Asia; countries of the region in the international security system; cooperation of the countries of Central Asia with the UN, OSCE and other organizations in combating international organized crime).

The next stages were associated with monothematic research of team members, in accordance with the specified specialization, and recapitulation of the results obtained from the analysis of political transformation in five countries of Central Asia.

3. Organization and research method

Implementation of the program, due to the specificity of the countries of Central Asia, required the development of adequate methods and optimal agenda of activities.³ It was assumed that the research will be conducted in close cooperation with representatives of science and public life in the countries of the region. Thanks to this, transformational changes were to be explained 'from the inside', by scholars and practitioners of public life in a given country of the region, and 'from the outside', by Polish authors. It was also assumed that this approach would overcome the then barrier to access to scientific information and allow for better understanding of the changes in the region.

In the process of developing the program, there was much awareness of the dangers of a methodological, conceptual-terminological and interpretative nature resulting from the inevitable collision of the two conventions of making

---

³ *These assumptions are partly presented in the studies already cited.*

science - arising from European and Asian traditions. The more so, as the rare Eurocentric interpretations of the changes taking place in Central Asia had done more harm than good. It was similar like in the case of Asiacentrism, which was clearly revealed in the research of scientists from the countries of the region. Other dangers involved, among others, censorship and self-censorship, potential consequences for researchers from Central Asia for participating in the program, which some of them have faced.

The growing institutional difficulties in cooperation with research centres in Central Asia and attempts to block this cooperation by the authorities of some countries of the region in their initial phase were solved thanks to, among others, the idea to publish, as far as it would be possible, two works, the first of which (usually authored by the president of a given country) would present an official interpretation of transformation policy and problems, and the second one, which would be a work explaining the transformation from the perspective of scientists and activists from various political options. The idea proved effective in research practice. Within the project, two visions of practicing science met: 'Asian' one and 'European' one. Attempts of making a synthesis of these two conventions include collective articles in the published volumes by Polish authors and their Kazakh, Kyrgyz, Uzbek, Tajik, Russian etc. counterparts. In order to guarantee the appropriate presentation of the research results of the program, a special editorial series 'Contemporary Central Asia' was created.⁴

The research covered five countries of unique specificity, with various mutual relations, involved in disputes regarding, among others, history, civilization, culture and borders. As a result, at each stage of the program implementation it was necessary to start again from establishing contacts and seeking a compromise between research tasks and the possibilities of their implementation in specific conditions. A lot of difficulties, especially at the first stages, appeared in the sphere of conceptualization of research and adaptation of some elements of the methodological base to their specificity. It is worth noting that this was the period of creating the concept of research on *post-totalitarian transformation* and verification in Western political science of many paradigms burdened with the stigma of Eurocentrism as well as incorrect diagnoses and forecasts in specific fields. In Central Asia, on the other hand, political science was just being created and developed and was often 'politically engaged' and on a 'leash of power circles' which was preferring creation of a 'new research methodology' taking into account regional civilizational specificity and 'national models of transformation.' As a result, efforts were made to refine the conceptual-terminological grid (using, among others, the advice of the eminent linguist prof. Jerzy Bralczyk) which were also related to the adequate selection of research methods. Initial research directives were also developed and appeared in the published

---

⁴ The 'Contemporary Central Asia' editorial series was inspired by the head of the international research program - Tadeusz Bodio.

works. One of them assumes that the *alphabet* and *grammar* of political science research in the region begins with history and cultural traditions (which was not an easy task considering local historical policies), another preferred the process approach in researching the penetration of local traditions by political modernization, yet another - the integral, transgressive, ethnopolitical approaches etc.

History of individual stages, including the subject, organization and implementation of research, is described in detail in the introduction to each of the five collective monographs. These stories are specific, depending on the country, the level of democratization of life, the links between politics and science, scientific culture, etc.

4. Key research results (1997–2009)

4.1. Scientific projects within the society of the Institute of Political Science of the University of Warsaw⁵

In the years 1997–2000 the first stage of the research program was dedicated to the transformation of Kazakhstan. Two monographs were published as part of it. The first of them, authored by Nursultan Nazarbayev, entitled *At the Verge of the 21st Century* (Warsaw 1997, p. 221, editors of the Polish edition: Tadeusz Bodio, Wojciech Jakubowski), was the first study in Polish literature presenting the official interpretation of the transformation model of Kazakhstan. It is worth noting that President N.A. Nazarbayev participated in the presentation of the book at the University of Warsaw, where he gave a lecture on the possible directions of development of Polish-Kazakh cooperation. This visit resulted in, among others, opening of the Embassy of Kazakhstan in Poland, establishing cooperation between the universities in Warsaw and Almaty and intensification of economic relations. The next publication was a collective monograph edited by Tadeusz Bodio and Adam Wojtaszczyk, entitled *Kazakhstan. History-Society-Politics* (Warsaw 2000, p. 500), which was a kind of compendium of knowledge about the construction of this, full of contrasts, state in the first decade of its independence. Its authors came from 34 research centres, including 20 from Kazakhstan.

In 2000, the next stage of research began regarding the systemic transformation of Uzbekistan. As part of it, Islam Karimow's work was published, entitled *Uzbekistan at the Verge of the 21st Century* (Warsaw, p. 230, edited by Tadeusz Bodio with the scientific cooperation of Adam Wojtaszczyk and Wojciech Jakubowski), which at that time largely compensated for the deficit

⁵ The 'Contemporary Central Asia' project became the basis for the establishment the Department of Eastern Studies of the Institute of Political Science at the Faculty of Journalism and Political Science of the University of Warsaw under direction of prof. Tadeusz Bodio. In 2019, in connection with the reform of the University's structures, the Department of Eastern Studies was established within the Faculty of Political Sciences and International Relations of the University of Warsaw under direction of prof. Andrzej Wierzbicki. The research on the history of Central Asian political institutions is conducted by the Department of Political History.

of knowledge about the policy conducted by the Uzbekistan's elite of power. Its presentation took place on the occasion of the 'Day of Uzbekistan' at the Poznań International Fair with the participation of the President and Prime Minister of Poland and a large delegation of Uzbekistani authorities. The second book, *Uzbekistan. History-Society-Politics* (Warsaw 2001, p. 536, under scientific edition of Tadeusz Bodio) contained the results of research on the transformation of this country conducted by 39 authors, including 16 from leading research centres of Uzbekistan. Its presentation was held in Tashkent with the participation of the highest authorities of Poland and Uzbekistan. The presentation was accompanied by the promotion of Polish transformational achievements and bilateral cooperation in the mass media.

As early as during the publication of the book on the transformation of Uzbekistan, preparations for research on the specifics of the transformation of Tajikistan began. The works were conducted in the years 2001–2002 by 46 scientists, including 21 from Tajikistan's public centres and institutions. On the basis of the research, a collective monograph entitled *Tajikistan. History-Society-Politics* was published (Warsaw 2002, p. 649, under scientific edition of Tadeusz Bodio). The presentation of the book took place in Dushanbe with the participation of, among others, presidents of Poland and Tajikistan, the last of whom was the co-author of the collective monograph.

The next stage of research, carried out in the years 2003–2004, concerned the transformation of Kyrgyzstan. Its implementation, in cooperation with the Kyrgyz National University in Bishkek, proceeded quite efficiently against the background of multiple problems occurring in earlier stages of research. The research was conducted in the seminar and consultation mode with the participation of 60 scientists, including 31 from research centres and institutions of Kyrgyzstan. The results of the research were presented in the book *Kyrgyzstan. History-Society-Politics* (Warsaw, 2004, p. 896, under scientific edition of Tadeusz Bodio). The presentation of the book was held in Belweder, Warsaw with the participation of the President of Kyrgyzstan being at that time on an official visit to Poland.

In the years 2004–2005 a project dedicated to Turkmenistan's political transformation was implemented, carried out with the participation of scientists from foreign centres but without the participation of representatives of Turkmenistan, despite attempts were made in this regard. 37 researchers participated in the project and its results were presented in the work entitled *Turkmenistan. History-Society-Politics*, (Warsaw 2005, p. 835, under scientific edition of Tadeusz Bodio).

The publication of the collective monograph on Turkmenistan meant the finalization of the basic assumptions of the international research program. By 2005, taking into account all stages of the project, over 250 scientists participated in it, including 130 from Central Asia. Among them were academics, profes-

sors, young researchers and representatives of public life. Not all studies created as part of the study have been published.

From the current perspective, it may be stated that these were pioneering studies, and due to the obtained research effects, their scope and participation of representatives of the region – was unique not only on a European scale. The publications published as part of it sketched the ‘portraits’ of the five countries of Central Asia which emerged after the collapse of the USSR. They presented the complex processes of formation of national models of political transformation in the conditions of specific clashes between the oriental tradition and advancing modernization and globalization. They also explained the multiple and specific contexts of political transformation in individual countries - historical, cultural, religious, psychological, economic and international. Among these contexts, attention may be drawn, among others, to the issue of security of newly created states in a conflict-creating environment, clan policy and dramaturgy of the struggle for their political system and economic reforms, in which the trivialization of democracy by the power elites and their attempts to misuse it for the benefit of various forms and shades of authoritarianism, depending on the state, were integrated. Among the publications, also a series of articles describing the situation of the Polish diaspora and the political, economic and cultural relations of Poland with the countries of the region was issued.

Another important achievement of the implemented scientific projects was the cognitive distance to Eurocentrism and Asiacentrism, openness to arguments and the search for paradigms and methodology taking into account the historical, cultural, political, economic and psychological peculiarities of the region. This knowledge enriched the methodological skills as well as broadened the perspectives of research on the theory and practice of post-totalitarian transformation. In conclusion, it may be said that the books on Central Asia in their synthesis constitute a compendium of knowledge about the countries of Central Asia, written by Poles together with Kazakhs, Kyrgyzs, Uzbeks and Tajiks.

The implementation of the main goal of the program allowed to move to the next stage - monothematic research on the most important aspects of political transformation in Central Asia. It was also the period in which the co-author of the research - then a doctoral student (under supervision of prof. Tadeusz Bodio) and now an independent scholar, Piotr Załęski was finalizing his doctoral dissertation. The dissertation was defended with distinction at the University of Warsaw and published under the title *The Political Elites of Power of Kazakhstan* (Warsaw 2006, p. 313) in the editorial series ‘Contemporary Central Asia’. It was a pioneering work, which was distinguished by its original concept and methodology, especially, if the specificity of the subject matter of research is taken into account. Its scientific inference focused around the hypothesis that the specific clashes of tradition with political modernization create a space of multiple conditions and complex relationships that implies the processes of

emerging and functioning of the Kazakh power elite. The author explained the peculiarities of this process, pointing to the genesis and evolution of the ruling elite from the Kazakh khanates through the period of Russian colonization and Sovietisation to proclaiming independence and building the foundations of a modern state. Describing the legal and non-legal mechanisms of recruitment, functioning and circulation of the power elite and pointing to the decisive role of the president in this process, he drafted a complementary picture of the ruling elite of Kazakhstan. Studying the trends of the evolution of the power elite on the 'authoritarianism – democracy' axis and mechanisms of clan policy, he among others correctly asserted that, despite strengthening authoritarianism, the velvet revolution in Kazakhstan forecast by many researchers would not break out in this country and changes at the top of power would be associated with the generational exchange of elites. From today's perspective, this forecast has proved to be accurate.

In the years 2006–2007, research was conducted into the crucial problems of organized crime as well as legal and political order in the countries of Central Asia. The result of the former was the monograph by Sławomir Redo with Tadeusz Bodio's extensive introduction. *Combating organized crime in Central Asia* (Warsaw 1977, p. 313). The work was written by a UN expert on crime prevention and justice, working for many years in the region. In the publication, being at the same time the subject of the habilitation proceedings, the author, distancing himself from the dangers of Eurocentrism and Asiacentrism, pointed, among others, to the historical and cultural background of organized crime, its mechanisms and contemporary contexts in the region. He explained why during the first years of independence of the countries organized crime was of a systemic nature and revealed the impact of conflicts in legal, customary, religious and constitutional systems on criminal behaviours and the low effectiveness of counteracting it by state institutions. He paid a lot of attention to the specificity of crime in each of the five countries, proving, among others, that often what is *criminal* in international perception does not have to be perceived so by local communities because of their mentality, traditions etc. The research included illegal migration, human trafficking, arms and drugs trade, money laundering and corruption. It was based on a rich factual base and statistical data. The latter are surprising, among others, because of their the scale and the dynamics of crime, including the shadow economy and its impact on political and economic transformation. The diagnosis presented in the work was complemented by a critical analysis of assistance programs of the UN and other organizations in the field of preventing organized crime in the region. As especially valuable, may be considered the extensive catalogue of recommendations enabling the implementation of a more effective policy in the fight against organized crime.

The effects of studies conducted by the team regarding the legal and political order of the countries of Central Asia are presented, among others in the mono-

graph by Tadeusz Bodio and Tadeusz Mołdawa *Constitutions of the countries of Central Asia. Traditions and modernity* (Warsaw 2007, p. 607). Its authors focused their research on the processes of building constitutional order in the countries of the region. They point to the political and legal conditions of proclaiming independence, the circumstances of passing the first basic laws and introducing key constitutional reforms. Their analysis led to the conclusion that the basic laws of the countries of Central Asia have the features of *transitional constitutions*, accumulating problems and conflicts and, at the same time, reflecting the tactical compromises of the elites in the struggle for power. They were not so much an indicator of political systems as well as their stability and consolidation, as the indicator of function of these systems, and more precisely, the needs and interests of the power elites who did not have a clear vision of the political system. In each of the countries, the construction of the political and legal order had its own specificity, although there were also similarities which manifested themselves, inter alia, in preferences for the legitimization of various forms of authoritarianism. The monograph also reveals the consequences of entanglement of the political transformation of the region's states into quite frequent conflicts between constitutional, customary and religious law. An important value of the book is the fact that it contains all legal acts related to independence and state sovereignty as well as the constitutions of the region's states translated into Polish. Many specific legal norms important from a political perspective were commented therein. It was a publication with diagnostic and prognostic qualities, pioneering in our part of Europe, and had a significant impact on the development of further research on transformation of the legal and political system of the countries of Central Asia.

Research on the legal and political order in Central Asia was continued in the following years. It focused on constitutional reforms in the period 2007-2009. It is worth noting that this was a period of dynamically changing legal and political reality of in the region's countries. At that time, works were also started on preparing a publication in English, which would present complementary results of research on the legal and political system in the countries of Central Asia at the international forum. Their result materialized in the monograph edited by Tadeusz Bodio and Tadeusz Mołdawa entitled *Constitutional Reforms in the countries of Central Asia* (Warsaw 2009, p. 330).

In parallel, the research project entitled 'Integration and security of the Central Asia region' was conducted. It was attended by 36 researchers, vast majority of them being young scientists from research centres of Kazakhstan and Kyrgyzstan. The research results were published in the monothematic volume of *Studia Polityczne* under the scientific editorship of Tadeusz Bodio, Andrzej Wierzbicki and Piotr Załęski, under the title *Problems of transformation, integration and security the countries of Central Asia* (Warsaw 2008, vol. 12, p. 422, published in Polish, English and Russian). The basis of the program assumptions was the

thesis that the Central Asian states are entering the phase of a ‘transformational solstice’ which will result in the redefinition of existing priorities of political system transformation. In the optics of the researchers, this solstice was a natural consequence of the end of the era of ‘old’ post-communist elites and the increasingly noticeable generational change. In politics, science, culture, business and other spheres, generations were emerging in that time which were not burdened with the Soviet past. Their mentality, aspirations and expectations were definitely different from those of the ‘political breakthrough’ generation. The process of ‘dissolution’ of generational mentality in countries attached to tradition is most evident in the circles of young intelligentsia, some of whom decided to pursue a scientific career. The paper attempts to present views mainly of this part of the intelligentsia of Kazakhstan and Kyrgyzstan regarding fundamental issues related to further transformation, security and integration of the region.

In the years 2007–2008, a group of researchers from the Department of Eastern Studies of the Institute of Political Science of the University of Warsaw also implemented the research grant *Ethnopolitical determinants of the functioning of power elites in post-Soviet Central Asia* (directed by Tadeusz Bodio, co-authored by: Andrzej Wierzbicki and Piotr Załęski). It was awarded in the competition proceedings by the Ministry of Science and Higher Education. The result of the research, including a study visit to Central Asia, comprised another two monographs published in the ‘Contemporary Central Asia’ series.

The first book, entitled *Ethnopolitics in Central Asia. Between the ethnic and civic community* (Warsaw 2008, p. 489) was written by Andrzej Wierzbicki and constituted the basis for habilitation proceedings. The originality of this study was based, among others, on the comparative analysis of ethnopolitics in the countries of the region (excluding Tajikistan). This analysis was preceded by considerations on ethnopolitics and its methodological base, which had a significant impact on the popularization of field of research in Polish political science. The book verified the hypothesis that ethnopolitics in the Turkish-speaking countries of Central Asia is dominated by the nation-forming process, which is given its dynamics by the process of building national statehood. Author, among others, argued that in the first period of independence there were strong ethnocentric tendencies connected with regaining by the Turkish-speaking titular nations the sense of responsibility for the state. Ethnocentrism led to the ethnization of the state system through ethnocracy, preservation of clan and tribal structures in authorities as well as through language policy. This constituted a significant barrier to national consolidation, alienating power from the titular population and marginalizing politically the non-titular population. The research also showed that in the Turkish-speaking countries of the region there are two models of ethnopolitics. First of them, characteristic of Kazakhstan and Kyrgyzstan, was distinguished by high status of Russian as the official language, activity of the president as the most important actor in the system of

inter-ethnic relations, creation of civic nation projects and institutionalization of inter-ethnic dialogue. The adoption of this ethnopolitical model was implied by: 1) high percentage of non-titular population, including Slavic population; 2) traditional openness and tolerance of nomads to other ethnic communities; 3) earlier, in comparison to other titular Turkish nations (Uzbeks, Turkmen), settlement of immigrant population in the region due to its similar climate and nature conditions to their previous place of residence; 4) higher level of democratization, and in the case of Kazakhstan, also a high rate of economic growth. In the ethnopolitics of Kazakhstan and Kyrgyzstan, there existed a significant dissonance between the declarative (facade) and the real ethnopolitics. The top-down ideas of nation formation and civic patriotism were accompanied by grassroots 'creeping ethnic nationalism'. Different models were implemented in Uzbekistan and Turkmenistan. They were distinguished by strong authoritarianism, lack of regulations defining the legal status of Russian language present in the region and a higher level of ethnocracy. A smaller percentage of the non-titular population lived in both countries. The research reasoning contained in the publication led to the conclusion that ethnopolitical processes in the region oscillated between the following paradigms: a) of indigenous people; b) Asian ethno-symbolism - the nation as an ethnic community; c) modernist - the nation as a civic community. Importantly, the publication indicates the development trends of these processes in subsequent years.

The second monograph was entitled *Power Elites in Central Asia. Tradition-Modernization-Ethnopolitics* (Warsaw, 2008, p. 308) and was authored by Tadeusz Bodio and Piotr Załęski. The research contained in the book was based on the assumption that tradition, modernization and ethnopolitics mark a kind of 'problem triangle' around which processes taking place within the power elites of the Central Asian states focus. The analysis of these processes showed that the mechanisms of the emergence and functioning of power elites are formed in the conditions of a specific clash of tradition and modernization. The nature of these collisions was significantly implied by the multi-ethnic specificity of the region and tribalism. The latter factors so successfully intervened in socio-political transformations that in the confrontation between tradition and political modernization, the former won. Being aware of the power of tradition and the needs of modernization and globalization, the elites tried to influence this process, balancing between extremes so as to stay in power and prevent crises resulting in conflicts (ethnic, regional, religious, etc.). At the same time, their 'modernizing immersion in the past' consisted mainly in selective separation from the cultural heritage of those components which legitimized and strengthened their rule and provided 'material' for building 'national models of transformation' in multinational countries. Within these models, the ideas of 'modernization-democratization' were increasingly openly denied in favour of 'open and multi-sectoral modernization' with preferences for authoritarianism.

In the studies on the transformation of Central Asia, much attention was paid to the issues of 'velvet revolutions' in the post-Soviet space. At the seminars on this subject, during the events in Kyrgyzstan in 2005 referred to as the 'tulip revolution', discussions were held whether they were a national uprising, a pure coup d'état or an export revolution? In-depth studies in this field were conducted, among others, by Krzysztof Kozłowski. They resulted in the doctoral dissertation written under the supervision of prof. Tadeusz Bodio and defended with distinction in 2008. It was published under the title *The Tulip Revolution in Kyrgyzstan. Genesis-course-results* (Warsaw 2009, p. 281). The research inference contained in the work focused on the hypothesis that the 'tulip revolution' was a manifestation of civil disobedience in a traditionally non-civil society. Verification of the hypothesis was a significant challenge, if one considers the contemporary state of research on velvet revolutions and their theoretical and methodological background. The revolution itself, as the Author correctly pointed out, was full of paradoxes. It took place in the most democratic country of Central Asia; as a result, the most democratic president in the region was removed from office; and, in turn, the overthrown president helped the opposition to legally seize power; the opposition, surprised by the dynamics of developments, turned out to be unprepared to take responsibility for the fate of the state. A detailed analysis of the genesis, course and consequences of the tulip revolution led to the conclusion that attempts at a radical political change, democratization of the social system following the Western model and double standards in political life resulted in the outbreak of traditionalism and the renaissance of clan divisions. As a result, cumulative contradictions and conflicts found their way into the described developments in Kyrgyzstan. According to the author, the essence of these events boiled down to the clans disobeying legal authorities in connection with the violation of the traditional balance of power by the leader of the state and departure from the ethos-transactional style of exercising power. It was a 'revolution' which escaped classification in European tradition, more like an illusion of a democratic revolution, behind the facade of which lied tribalism and the logic of clan politics, which seems to be confirmed by the subsequent years of tension and struggle for power in Kyrgyzstan.

It should be emphasized that a significant part of monothematic research on political transformation in Central Asia was published by scientists of the Institute of Political Science of the University of Warsaw also outside the editorial series 'Contemporary Central Asia'. It addressed, among others, the issues of: the theory and methodology of political transformation, the consequences of collisions of tradition and political modernization, tribalism, socio-political divisions, political leadership and elites, velvet revolutions, the nature of post-totalitarian paradoxes and democratization of socio-political life as well as the discourse on the history and modernity of the countries of the region.

In the catalogue of publications dealing with the indicated threads, it is worth to note a study dedicated to clan systems as specific policy mechanisms.⁶ It made one of the first attempts to present tribalism and clan policy mechanisms in the countries of the region, which gave impetus to research on these phenomena in Poland. In turn, in the article written during the events of March 2005 in Kyrgyzstan⁷ the assumption was verified that there was a 'coup of clans' fighting for power. Interesting conclusions may also be made based on the research on the interpretation of the velvet revolutions in the Middle East.

In the countries of Central Asia, ideas of democracy have often been treated instrumentally to solve swollen problems constituting the result of clashes between tradition and political modernization as well as conflicts in clan and religious systems connected with power. In the given context, among others, the study entitled *Paradoxes of post-totalitarian policy (based on the example of Central Asia)* may be noticed, published in the collective monograph edited by M. Karwat, *Paradoxes of politics* (Warsaw 2007). It indicates that political paradoxes in their dialectics of 'essence' and 'appearances' are a special kind of reflection, using contrast and sometimes also symbolism. They are based on logical reasoning, but also refer to rationalization, stereotypes and political prejudices. They are often a product of falsification of history and appear in the form of metaphors that stimulate political imagination. Therefore, they constitute a good instrument that allows us to understand the drama of transformation, but also to reveal the 'alleged truths' of political rhetoric, asymmetry and even antinomy between the 'play of words' and the realities of social life in Central Asia. The author identifies and analyzes these paradoxes.

* * *

The results of research on the transformation of the countries of Central Asia were also related to the process of teaching students in the form of lectures, seminars and discussions. From 2001, the lecture 'Central Asia. History-society-politics' has been held. In 2003, optional classes on psychological and political aspects of international organized crime were introduced into the Institute's of Political Sciences curriculum, and in 2005, an optional lecture was introduced into the studies' plans, regarding, among others, ethnopolitical conditions for the transformation of the countries of Central Asia. Finally, in 2012, to much extent a new field of studies was launched based on the conducted research - Eurasian studies. Many of the master's theses written within these studies concerned Central Asia.

---

⁶ See: T. Bodio, *Clan systems as a policy mechanism (on the example of Central Asian countries)*, in: B. Kaczmarek (ed.), *Metaphores of policy 3*, Warszawa, 2005.

⁷ Zob. T. Bodio, 'Kyrgyzstan: a national uprising or a clan coup?', *Spoleczeństwo i Polityka. Pismo edukacyjne*, 2005, No. 1 (2).

РЕЦЕНЗИЯ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: 2019 – 2020 ГГ. (ЧАСТЬ II)

Мурат Лаумулин

Главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК,
доктор политических наук, профессор

Настоящий обзор представляет последние издания, посвященные Центральной Азии. Охват проблем, как обычно, достаточно широк. Это работы, посвященные внешней политике Казахстана в контексте евразийского проекта, влиянию и месту Китая в современной ЦА, проекту «Один пояс, один путь», китайской национальной политике в СУАР, сравнению политике КНР и ЕС в регионе, афганской проблеме, отдельным республикам региона, а также исследования теоретического характера (определение понятия «Центральная Азия»). Здесь к тому же представлены работы по экологии региона, а также исследования по недавней истории Центральной Азии, посвященные вопросам ирригации региона, культурного наследия и его интерпретации в постсоветский период.

Anceschi Luca. Analysing Kazakhstan's Foreign Policy. Regime neo-Eurasianism in the Nazarbaev

era. – London, New York: Routledge, 2020. – 196 p.

Лука Анчески (Университет Глазго), известный своими работами по внешней политике государств Центральной Азии¹ и международному положению региона, посвятил свою новую работу «Анализ внешней политики Казахстана. Режим неоевразийства в назарбаевскую эру» доктрине евразийства как внешнеполитической концепции. Л.Анчески исследует то, как идеология неоевразийства отражается на внешней политике Казахстана и повлиял ли на нее украинский кризис. Книга состоит из пяти глав.

Первая посвящена казахстанской внешней политике в период

¹ В частности, он автор аналогичных работ по Туркменистану: *Anceschi Luca. Turkmenistan's Foreign Policy: Positive Neutrality and the Consolidation of the Turkmen Regime. – London, New York: Routledge, 2009. – 240 p.* *Anceschi L. Turkmenistan's Foreign Policy. Positive Neutrality and the Consolidation of the Turkmen Regime. – London, New York: Routledge, 2015. – XV+240 pp.*

1991-1993. Автор называет ее «до-евразийская эра». Вторая глава «От идеи до инициативы?» освещает неоевразийские дискуссии в РК. Третья глава посвящена формированию неоевразийства и краху попыток создать центральноазиатский регионализм. Четвертый раздел охватывает значительный период с 1994 по 2010 гг., который автор именуется периодом «постсоветской реинтеграции». И наконец, последняя глава «Евразия без евразийства» рассматривает внешнюю политику республики в контексте создания и функционирования ЕАЭС.

По мнению эксперта, неоднократно посещавшего Казахстан для изучения неоевразийства, события вокруг Украины в 2014-15 гг. показали, что Казахстан сделал резкий поворот в сторону России. Л.Анчески отмечает, что неоевразийство, по крайней мере, в том, каким образом оно понимается правительством Казахстана, представляет собой внешнеполитическую тенденцию, которая привела постсоветский Казахстан в средоточие множества инициатив многосторонней интеграции, развившейся внутри и вокруг Евразии. Оно часто используется в качестве синонима «многовекторности», чтобы указать, что внешняя политика не связана с конкретной державой или узко ориентирована на данные двусторонние отношения, но якобы имеет более широкий охват, который связан с географическим положением Казахстана между Европой и Азией.

Автор отмечает, что правительство в Астане использует язык ярко выраженной пропаганды, пред-

ставлявшей Казахстан в качестве моста между Европой и Азией или рисовавшей картину Астаны как центра Евразии — и евразийства. Риторика, окружающая суть казахстанского неоевразийства, по его мнению, часто неясна, поэтому нет никакой уверенности в том, что казахстанская внешняя политика по-настоящему является евразийской или она реагирует на более прагматические интересы, сформулированные руководством страны.

Л.Анчески предполагает, что события в Крыму увеличили опасения того сегмента населения, который более критично настроен к таким инициативам, как ЕАЭС, но не думает, что правительство Казахстана будет тщательно пересматривать свой неоевразийский курс. Функционалистская интеграция в рамках ЕАЭС (таможни, банки, в конечном счете, валюты) может привести к большей политической интеграции, но это не произойдет в краткосрочной перспективе. Кроме того, в настоящее время интерпретация того, что означает ЕАЭС, неразрывно связана с настоящим руководством: процессы смены элиты могут существенно поменять это значение, процесс политической интеграции.

Исследователь считает очень интересным, что внешняя политика является широко обсуждаемым вопросом в Казахстане. Это свидетельствует о зрелости, достигнутой некоторыми сегментами населения. Евразийский экономический союз (ЕЭС) является следующей стадией реализации Таможенного союза между Беларусью, Казахстаном и Россией. Договор о создании ЕАЭС

стороны были намерены подписать в мае 2014 года, и он заработал с 2015 года. Существует более стандартная критика, которая затронула и правительство: это соответствие идеи ЕАЭС с понимаемыми В.Путиным неоимперскими целями. Нужно отметить, подчеркивает автор, что казахстанское неоевразийство родилось как попытка оттолкнуться от новой российской интеграции на постсоветском пространстве. Однако, этот первоначальный импульс уже утрачен. Относительно широкая часть населения взяла на вооружение это внутреннее противоречие и потребовала пересмотра внешней политики правительства. Автор заключает, что не знает, произойдет ли это в конечном итоге, но эта дискуссия о месте Казахстана в Евразии, которая неизбежно связана с вопросами национальной идентичности, останется в эпицентре политических дебатов на довольно долгое время.

Китайская проблематика

Garlick Jeremy. The Impact of China's Belt and Road Initiative from Asia to Europe. – London, New York: Routledge, 2019. – 250 p.

Работа Дж.Гарлика «Влияние инициативы Китая “Один пояс и один путь” из Азии в Европу» (Институт международных исследований в Праге) посвящена грандиозному проекту ОПОП, без которого не обходится ни одно современное исследование, посвященное политике КНР в Центральной Азии и в целом Евразии. Исследование представляет собой анализ на ма-

кро- и микроуровне инициативы ОПОП, целью которого является создание под эгидой Китая взаимноинтегрированной Евразии через реализацию данного и единственного мегапроекта.

В качестве заслуги автора называется его новаторский подход к синкретическому изучению истинных мотивов и целей китайской политики на евразийском направлении. Это наглядно демонстрируется планом его монографии, которая разбита ученым на семь глав. В первой главе проект рассматривается в контексте всей системы международных отношений КНР. Вторая глава посвящена теоретическому обоснованию китайских претензий на глобальном, международном и континентальном уровне. Всего автор рассматривает три концепции: 1) теорию парадигмы социального эволюционизма Тан Шипина (проф. Фуданского ун-та); 2) теорию неограмшистской гегемонии; 3) теорию наступательного меркантилизма (активно-агрессивной торговой политики). Данные теории могут стать, как по отдельности, так и сообща объяснением появления проекта ОПОП.

В третьей главе Дж.Гарлик изучает совокупное воздействие всех теорий и концепций, которое он называет «комплексным эклектизмом». Четвертая глава продолжает изучение на теоретическом уровне менее значимых концепций. В пятой главе проект ОПОП рассматривается на более практическом уровне с точки зрения его мирового значения (60 стран Азии и Европы), структуры, роли финансовых и экономических институтов, а также

значения региональных форумов и личной роли лидера КНР Си Цзиньпина в продвижении его собственной инициативы по формированию ОПОП. Шестая глава рассматривает эффект и влияние ОПОП на региональном уровне, включая Центральную Азию. Регионы мира, которые по замыслу Пекина должны охватить ОПОП, включают в себя также страны ЦВЕ, ЮВА, Южной Азии и Ближнего Востока. То есть, глобальный масштаб проекта становится очевидным, хотя степень активности и вовлеченности в него различных стран и регионов не представляется столь бесспорной.

Дело в том, что многие из них уже давно являются частями других крупных международных проектов – АСЕАН, ЕАЭС и Евросоюз, а также входят в более мелкие интеграционные союзы и ЗСТ в Южной Азии и на Ближнем Востоке, и интегрированы в транспортные системы этих объединений. В седьмой главе автор фактически оставляет без ответа вопрос о будущем проекта ОПОП, признавая тем самым его геополитическую и геоэкономическую уязвимость.

Dadabaev Timur. Transcontinental Silk Road Strategies. Comparing China, Japan and South Korea in Uzbekistan. – London: Routledge, 2019. - 172 p.

Данную тему продолжил Т. Дадабаев (директор Специальной программы изучения Японии и Евразии в Высшей школе социальных и гуманитарных наук, Университет Цукуба, Япония) в книге «Континентальные стратегии Китая, Япо-

нии и Южной Кореи на Шелковом пути на примере Узбекистана». Основная цель данной книги – стимулировать дебаты между учеными и политиками о различных форматах взаимодействия и сотрудничества в Евразии. Таким образом, в поисках ответов на эти вопросы, автор пытается достичь следующих целей.

Во-первых, исследование анализирует влияние различных концепций и инициатив, предпринятых Китаем, Японией и Южной Кореей (Евразийская Дипломатия/ Дипломатия Шелковый путь Японии 1997 года, Шанхайский процесс со стороны Китая, корпоративное наступление Кореи, так называемый Шелковый путь (Инициатива «Пояс и Путь» и другие), на перспективы регионализма и регионального сотрудничества в Центральной Азии в концептуальной и теоретической сфере. Во-вторых, главная цель состоит в том, чтобы выйти за рамки простого эмпирического рассмотрения фактов, чтобы выявить последствия предложенных инициатив для более широкого теоретического обсуждения специфических форм сотрудничества в Центральной Азии, основанных на нексеусе отношений, найденных в этом регионе.

Автор отмечает, что стартовые позиции Китая, Японии и Южной Кореи в центрально-азиатском регионе были несколько схожи. С другой стороны, в настоящее время, Китай вырос во вторую по величине мировую экономику: таким образом, он приспосабливается к необходимости иметь дело с меньшими соседями, такими как Узбекистан. Япония и Корея также на-

ходятся в процессе адаптации их поведения к условиям, в которых их экономическая сила по сравнению с Китаем заметно уменьшилась, в то время как они все еще видят необходимость расширения своего присутствия в ЦА в поисках новых позиций и возможностей, которые влекут за собой такие позиции. Япония находится в поисках нового места и роли в этом дружественном для Японии регионе, где есть ожидание большего японского присутствия, о чем свидетельствуют различные опросы. В случае Кореи, страна инвестировала значительные средства через свое корпоративное проникновение в ЦА и, таким образом, заинтересована в расширении своего экономического присутствия. Кроме того, обе страны участвуют в инициативах по созданию региона, таких как “ЦА плюс Япония” и форум “Корея плюс ЦА”. Несмотря на то, что данные проекты не противопоставлены китайским схемам ШОС и “Пояс и Путь”, они представляют собой попытки Японии и Кореи представить альтернативу государствам ЦА.

Центральная Азия, отмечает исследователь, зачастую рассматривается в ракурсе отношений России и Китая, а также возможной конкуренции между ними. В последнее время часть Центральной Азии рассматривается в международных отношениях как регион амбиций Китая и инициатив нового Шелкового пути, что также меняет фокус исследований и больше уделяет внимание инициативе Китая, а не целям стран Центральной Азии. Регион Центральной Азии остается маргинальной частью Азии в силу

своих ограниченных преимуществ и географических условий.

Автор приходит к мысли, что после того, как неэффективность СНГ стала очевидной, государства, участвующие в таких схемах, начали уделять больше внимания практическим результатам данных схем сотрудничества. Китайские схемы были в значительной степени ответом на проблемы, существующие в отношениях между государствами-членами.

Еще одно отличие структуры ШОС и последующих схем от предыдущих форматов сотрудничества состоит в том, что проекты двустороннего сотрудничества часто разрабатываются или иногда просто интерпретируются как продукт, произведенный многосторонней структурой. Тем не менее, когда транспортные сети и постоянно растущая экономическая мощь Китая начали демонстрировать признаки более крупного проникновения китайских корпораций на рынки Центральной Азии и, казалось, были выгоднее Китаю, чем партнерам из ЦА, китайские проекты стали представлять проблему для государств-участников. Япония и Южная Корея демонстрируют тенденцию по-разному концептуализировать свое видение участия в процессах в ЦА, таким образом, оспаривая китайские и российские региональные конструкции.

Автор уверен, что Китай, Япония и Южная Корея рассматривали Центральную Азию как новый, и возможно, последний азиатский рубеж в их внешней политике за последние несколько десятилетий после распада СССР. Для этих

стран Центральной Азия представляла собой территорию, где они ранее не были активными. Кроме того, внешние политики данных государств в этом регионе, по крайней мере, первоначально, не имели каких-либо конкретных задач и конечных целей, а скорее были сосредоточены на решении проблем и вопросов, оставшихся в наследство от советского прошлого ЦА.

Китай изначально рассматривал с настороженностью ЦА как регион, представивший перед ним новые проблемы после распада Советского Союза. Увеличившееся число независимых действующих государств означало, что вместо унитарного советского государства, Китаю теперь придется иметь дело с несколькими суверенными республиками в решении его территориальных споров. Кроме того, тот факт, что эти государства были мусульманскими и в значительной степени тюркскими, представил еще одну проблему – предотвращение оказания помощи этими государствами тем, кого в Китае расценивали как сепаратистов и исламских террористов в Синьцзяне. Таким образом, Китай относился к региону, как к территории, полной проблем, а не возможностей.

Правительство Японии также нашло задачу интеграции данного региона во внешнюю политику Токио проблематичной по нескольким причинам. Японская стратегия привлечения данных государств столкнулась с рядом проблем, включая географическую отдаленность от региона, ограниченное проникновение корпораций в ЦА и отсутствие четко определенной страте-

гии. Южная Корея так же далека от стран Центральной Азии и не имеет транспортной инфраструктуры в и из рынков ЦА. Кроме того, инфраструктура, связывающая Сеул с Евразийским регионом, зависит от улучшения его связей с Северной Кореей.

Исследователь считает, что Шелковый путь и другие проекты являются социальными конструкциями внешних политик различных стран, которые были сформулированы ими вследствие ответной реакции на меняющуюся внешнюю и внутреннюю конъюнктуру. В конечном итоге автор считает, что относительно недавно ставшая популярной китайская риторика Шелкового пути не является определенной доктриной внешней политики (с заранее определенными конечными целями и задачами), а скорее является стратегией взаимодействия (поведения), которую легче понять и принять целевой аудитории в лице стран-участниц. Эта риторика позитивно воспринимается из-за напоминания об исторических торговых путях и создаваемого имиджа важности всех, даже самых маленьких государств-участников.

Одним из самых интересных моментов касательно китайской стратегии Шелкового Пути (и ее российской альтернативы) является то, что она сочетает в себе как деколонизирующий, так и неокolonизирующий (в плане возможного экономического доминирования) потенциал в отношении стран Центральной Азии. В то же самое время, Япония и Корея подчеркивают только деколонизирующий потенциал

своего вовлечения в регион, таким образом, используя отсутствие неколонизирующих характеристик в их форматах сотрудничества как сравнительное преимущество.

В заключении, автор хотел бы заострить внимание на том, что успех или провал вовлечения и взаимодействия в большей степени зависит от способностей стран Центральной Азии принять предлагаемые форматы сотрудничества и использовать их себе на благо. Надежда на то, что Россия, Китай и другие страны будут заботиться об интересах центрально-азиатских стран в лучшем случае наивна и нуждается в критическом переосмыслении.

Cornell Svante E., Swanström Niklas. Compatible Interests? The EU and China's Belt and Road Initiative. – Stockholm: SIEPS, 2020. – 81 p.

Исследование Сванте Корнелла (дир-р Института Центральной Азии и Кавказа, Вашингтон) и Никласа Сванстрёма (дир-р Института политики безопасности и развития) «ЕС и инициатива Китая “Один пояс, один путь”» посвящено всестороннему изучению последствий реализации проекта ОПОП для Европейского союза. Многоаспектный анализ включает в себя изучение транспортных, финансовых и стратегических вопросов, связанных с данным китайским проектом. Из семи разделов работы нас интересует третий, посвященный прохождению коммуникаций и строительству объектов в Евразии и Центральной Азии.

Авторы отмечают, что исследуют проект ОПОП исключительно под углом зрения европейских интересов. Они пытаются понять структуру, механизм и истинные цели и задачи этого проекта. Также эксперты делают попытку сравнить интересы ЕС и КНР и их совместимость в рамках ОПОП. В этом смысле у них возникают справедливые сомнения в эффективности проекта в Евразии, в первую очередь для Центральной Азии и Афганистана. В целом ОПОП отвечает европейским интересам, т.к. ослабляет доминирование России в Евразии и формирует доступные (геополитические) ресурсы для Евросоюза, который сам не может по тем или иным причинам использовать их напрямую.

С формальной точки зрения целью ОПОП является создание прямого экономического коридора из Китая в Европу. В этой связи ключевую роль играет пункт Хоргос на казахстанско-китайской границе, который авторы называют уникальным «сухопутным портом» и высоко оценивают его значение для реализации ОПОП. Инструментом процесса проникновения является массированное участие Китая в реабилитации и реставрации существующих, а также в строительстве новых железнодорожных и автомобильных путей. Как и Запад, но только по своим причинам, Китай рассматривает Центральную Азию не как изолированный регион, а как часть - совместно с Афганистаном и Пакистаном – своих «западных ворот» и многообещающий экономический коридор.

Поэтому, приходят к выводу ав-

торы, истинной целью китайского проекта ОПОП является проникновение через ЦА и выход торгово-экономической мощи КНР к побережью Арабского моря, Ирану и на Ближний Восток, и только с этого плацдарма – в Европу. В этой связи Пекин уделяет важное внимание государствам Центральной Азии, Афганистану и Пакистану как ключевому связующему звену. Но именно на этом поле коллективный Запад способен оказывать стратегическое давление на ход и реализацию этого геополитического проекта КНР, используя свое присутствие, включая военно-стратегическое, в этих регионах. Следствием развития процессов в этом направлении станет новое издание «Большой игры» через ускоренное размежевание взаимоисключающих интересов Китая и России – с одной стороны, ЕС и США – с другой.

Grose T. Negotiating Inseparability in China: the Xinjiang Class and the Dynamics of Uyghur Identity. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 2020 (2019). – X+160 p.

Книга Тимоти Гросе (Ин-т технологии им. Р.Хульман, США) со сложным для перевода и понимания названием «Переговоры о неотделимости: Синьцзянский класс и динамика уйгурской идентичности» сразу же вызвала к себе интерес в виду того внимания, которое в последние годы привлекает СУАР и проводимая центральным правительством политика в этом регионе. Под термином «Синьцзянский класс» понимается программа для учащихся старших классов и сту-

дентов из СУАР, преимущественно этнических уйгуров. Они проходят обучение в восточных населенных ханьцами провинциях КНР. Автор в своей работе ставит политическую задачу раскрыть стратегические цели по подготовке лояльных и пропитанных китайской культурой представителей уйгурской молодежи. Окончательной задачей Пекина является, по мнению автора, разрушить границы внесударственной уйгурской идентичности, базирующейся на этнической и религиозной идентичности. Но при этом он отмечает, что насаждение ценностей имперского Китая и светской компартии не означает этнической ассимиляции. Т.Гросе в ходе анализа выясняет, что, несмотря на давление властей, большинство окончивших программу сталкивается с выбором остаться внутри своей общины, чтобы служить КНР, КПК и центральной власти на местах, или использовать ее как стартовую площадку для вхождения в глобальное транснациональное исламское сообщество. Те, кто остаются в стране в качестве полулояльных Китаю граждан неизбежно сталкиваются с разочарованием, внутренней фрустрацией и психологическим дискомфортом. Исследователь делает вывод, что программа «Синьцзянский класс» направлена на формирование будущей когорты уйгурской элиты, которая будет благодарна КПК и будет поддерживать идею единства нации (“*minzu unity*”).

Lee J.L. Afghanistan: A History from 1260 to the Present. – London: Reaktion Books, 2019. - 784 p.

Исследование Джонатана Ли (Британский институт персидских исследований) «История Афганистана с 1260 г. до наших дней» охватывает значительный хронологический период в истории этой страны. Автор исходит из того, что Афганистан на протяжении нескольких столетий играл важную стратегическую роль, которая была обусловлена расположением между Индией, Внутренней Азией, Китаем и Персией. Данный фактор постоянно провоцировал внешние вторжения как мирного, так и военного характера. В результате сформировался современный Афганистан, разделенный изнутри по этническому признаку, что вызывало в свою очередь политическую нестабильность. Таким образом, книга Дж.Ли рассказывает нам историю о том, как небольшая племенная конфедерация превратилась в современное государство-нацию. Однако, основная идея данного исследования представляет собой более чем спорный тезис.

Автор пытается, и далеко не первым в историографии, искать истоки затяжного сорокалетнего конфликта в историческом контексте страны. Исследователь настойчиво проводит линию, что начиная с правления династии Дуррани в 1747 г., которая представляла собой клиента сафавидской Персии и Могольской Индии, каждый правитель мог удержаться у власти только при сохранении баланса сил между племенными, этническими, региональными и религиозными группами, и так вплоть до столкновения исламской и коммунистической (и

внутри последней) фракций уже в современную эпоху. Следует отметить богатейшую источниковую базу монографии, которая включает в себя документы на фарси, документы британского форейн офиса и МИД Индии, а также архивы ЦРУ и сообщения Викиликс. На их основе автор неопровержимо доказывает, что за растиражированным лозунгом «войны с террором» стояла банальное военное вторжение с целью оккупации и контроля над этим важным стратегическим районом Евразии. И с данным выводом трудно поспорить.

Внутреннее развитие стран ЦА

Dagiev Dagikhudo, Faucher Carole (eds. by). Identity, History and Trans-Nationality in Central Asia. The Mountain Communities of Pamir. – London, New York: Routledge, 2019. – XVI+300 pp.

Исследование «Идентичность, история и транснациональность в Центральной Азии», увидевшее свет в 2018-19 гг. под ред. Д.Дагиева (Институт исмаилитских исследований, Лондон) и К.Фоше (Университет Монреаля) посвящено феномену этно-региональной группы исмаилитов, живущих на территории современного Таджикистана в памирском Бадахшане, а также в Афганистане, Китае и Пакистане. Памирцы или бадахшанцы в популярном дискурсе образуют небольшую группу иранских народов, населяющих горный регион Памира и Гиндукуша, являющегося историческим регионом Бадахшана.

Данная книга является итогом конференции, которая была проведена в Астане в 2014 году. В ней представлены различные аргументы, обсуждающие процессы идентификации и идентичности памирцев. Книга состоит из трех частей: 1) первая часть посвящена географии региона и недавней истории памирских общин; 2) во втором разделе критически исследуется богатое философское, религиозное и культурное наследие памирцев через произведения известных исторических деятелей; 3) в третьем разделе рассматриваются вопросы, касающиеся современного распространения традиций, миростроительства, внутренних связей, а также того, что означает быть таджиком/памирцем для нового поколения региона.

Согласно исследованиям авторов, памирскость – это эволюционирующая концепция и ей еще предстоит дальнейшее развитие. Пока она развивается без того, чтобы деградировать в сторону сепаратистских движений, у нее есть шансы остаться в рамках национальных дебатов для памирских таджиков и таджикского государства. В настоящее время «памирцы» относятся к определенной группе людей, которые говорят на разных языках коренных народов ГБАО и в более широком Памирском регионе. Они имеют тесные языковые, культурные и религиозные связи с народом провинции Бадахшан Афганистана, с сарыколийцами и ваханцами в Таджикском автономном округе Ташкурган в провинции Синьцзян в Китае, а также с говорящими на языке вахи в Афганистане и в Верх-

ней Хунзе, Годжалский район, северных горных районах Пакистана.

Для авторов важно отметить, что Памир населяют и другие группы, в том числе киргизы, которые живут в восточной части ГБАО Таджикистана. Персидский язык был общим языком для всех народов, говорящих на иранских языках в Центральной Азии, но когда этот язык был переименован в таджикский, официальный процесс чего завершился в 1936 году, тогда он стал исключительно применим к одной группе ираноязычных народов Центральной Азии – тем, кто говорил на таджикском (персидском). Как следствие, считают авторы, другие группы ираноязычных народов в Центральной Азии, такие как памирские таджики (говорящие на памирских языках), начали считаться «другими». То есть, главным выводом коллективного исследования является тезис о том, что памирцы являются неотъемлемой частью таджикского народа, и их выделение в отдельную этническую группу носит искусственный характер и является следствием большевистской национальной политики 1930-х гг.

Marlene Laruelle (ed.) *New Voices from Central Asia. Vol. 3. Societal Transformations.* – Washington, DC: George Washington University, 2020. – 244 p.

Третий том коллективного издания «Новые голоса из Центральной Азии» под ред. М.Ларюэль вновь объединяет новое поколение молодых исследователей и экспертов по различным областям социальных

наук.² Книга состоит из четырех частей. Первая часть «Рост общественного активизма» рассматривает вопрос под различными углами зрения: городской активизм (Киргизстан), вклад в рост социально-политической активности учившейся на западе молодежи (Казахстан), взаимосвязь масс-медиа и политики и вклад казахстанской молодежи, укрепление казахского языка в политической повестке молодежи. Во второй части, как и в предыдущих изданиях, возвращается тема неравномерного регионального развития систем образования в РК и КР. Применительно к Казахстану в качестве отдельной проблемы рассматривается положение молодежи на юге Казахстана, которая в основном не может получить полноценное образование и профессиональную подготовку и работы (т.н. принцип *not in employment, education, or training* - NEET).

Третья часть включает в себя гендерную проблематику и роль культуры и языка на примере РУ, РТ, КР и даже Туркменистана (который обычно отсутствует в подобного рода исследованиях). В отношении этой республики авторами используется термин «банальный национализм» и его влияние на торговую культуру, фольклорные промыслы и коворкчество. Заключительная часть «Сталкиваясь с глобализ-

² См.: Laruelle M. (ed.) *New Voices from Central Asia: Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities. Vol. 1. - Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. - 175 p.* Laruelle M. (ed.) *New Voices from Central Asia: Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities. Vol. 2. - Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018. - IV+195 p.*

мом» показывает глобальное влияние технологической революции на различные стороны общественной жизни и госуправления в республиках региона и Азербайджане. Таким образом, третье издание, как и первые два, является достаточно объемлющим по охвату и глубине изученных проблем, что, несомненно, есть заслуга его многоопытного редактора М.Ларюэль.

Laruelle M. (ed.). *New Voices from Uzbekistan 2019.* Institute for European, Russian and Eurasian Studies. The George Washington University. – Washington, DC: George Washington University, 2019. – 102 p.

Аналогичную работу «Новые голоса из Узбекистана» годом ранее М.Ларюэль подготовила о развитии РУ. Молодые узбекские исследователи попытались осветить широкий круг вопросов, стоящих перед пост-каримовским Узбекистаном. В поле зрения экспертов попали такие сюжеты как социальные инновации в системе госуправления, первые признаки обратной миграции в республику в сфере «утечки мозгов», развитие туризма, интернационализация системы образования и появление частных школ. В коллективном труде рассматриваются также проблемы соотношения секуляризма и ислама в контексте ношения хиджаба, появление в узбекских масс-медиа новых лидеров как выразителей определенных тенденций в общественном мнении, постепенный слом барьеров перед женским предпринимательством и его место в экономическом развитии, инте-

грация национальных меньшинств и их вклад в человеческий капитал в Узбекистане (на примере среднеазиатских цыган (люли)). Появление данного издания позволяет сделать несколько выводов: в республике действительно происходят важные социально-экономические и политические изменения; на авансцену выходит молодое поколение исследователей, свободных от идеологического давления и стереотипов предшествующей эпохи; страна все более – в политическом, экономическом и интеллектуальном смысле открывается внешнему миру.

Экология

Peterson Maya K. Pipe Dreams: Water and Empire in Central Asia's Aral Sea Basin. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019 . – 416 p.

Ряд работ, увидевших свет в последнее время, посвящены аральской проблеме. Это, в частности, работа Майи Петерсон (Калифорнийский ун-т, Санту-Круз) «Мечты о трубе: вода и империя в бассейне Аральского моря». Здесь изложена долгая история крупных инженерных проектов, связанных с орошением Средней Азии и Аральского бассейна, начиная с конца XIX столетия, в т.ч. за счет переброски по гидропроводам вод северных рек России. Автор считает это время эпохой наивных надежд на всеисцеляющее действие науки, универсального знания и инженерных чудес; веры в то, что путем грандиозных научно-технических работ можно преобразовать обширные регионы планеты

из пустынь в продуктивные аграрные земли. М.Петерсон сравнивает в этом смысле агрополитику царского и советского управления в Средней Азии и не находит особых различий между ними. Исследование М.Петерсон представляет собой ценность не только в экологической и экономической оценке российской политики в регионе, но и в признании ее далеко идущих социальных последствий, а также как части великого модернизационного проекта, навсегда изменившего лицо региона.

Xenarios S. (a.o. eds.) The Aral Sea Basin. – London: Taylor and Francis, 2019. – 228 p.

Коллективное исследование ряда авторов во главе с С.Сенариоса «Бассейн Аральского моря» посвящено изучению водных ресурсов и управления в бассейнах рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Авторы считают данную проблему крайне важной, поскольку в регионе этих бассейнов проживает 70 млн. чел. Книга изучает современное состояние, тенденции в развитии и будущее значительной части ЦА. Значительное место уделяется международно-правовой области (трансграничные реки) и экологии (опустынивание) и экономическим проблемам, в т.ч. вызванным агрополитикой местных режимов. Авторы сравнивают роль и значение региональных и международных структур, в т.ч. участников программ ООН по Устойчивому развитию.

Следует отметить серию изданий, предпринятую немецким

издательством Шпрингер и посвященную многочисленным аспектам аральской проблемы. Исследования были подготовлены в основном учеными из стран СНГ из числа географов, экономистов и экологов, более глубоко знающих проблему на практическом уровне.³

Abrahams-Kavuchenko S. Enlightenment and the Gasping City: Mongolian Buddhism at a Time of Enviromental Disarray. – Ithaka, London: Cornell University Press, 2019. – 243 p.

Саскиа Абрамс-Кавученко (Нью-Йоркский университет в Шанхае, Ин-т М.Планка) посвятила свое несколько необычное исследование экологическим проблемам современной Монголии в сочетании с положением буддизма в условиях разрушения окружающей среды. Автор выдвигает тезис о том, что

³ Zavialov P.O. *Physical Oceanography of the Dying Aral Sea.* – Berlin: Springer, 2005. – 178 p.; Zonn Igor S., Glantz M., Kostianoy A., Kosarev A. *The Aral Sea Encyclopedia.* – Berlin: Springer, 2008. – 298 p.; Breckle S.W., Wucherer W., Ogar N. *Aralkum - a Man-Made Desert.* – Berlin: Springer, 2011. – 509 p.; Letolle Rene. *Aral.* – Berlin: Springer, 2012. – 358 p.; Kostianoy A., Kosarev A. *The Aral Sea Environment.* – Berlin: Springer, 2012. – 332 p.; Micklin Ph., Aladin A.V., Plotnikov I. (eds.) *Destruction of the Aral Sea.* – Berlin: Springer, 2013. – 600 p.; Micklin Ph., Aladin N.V., Plotnikov I. *The Aral Sea.* – Berlin: Springer, 2016. – 453 p.

массовые выбросы загрязняющих веществ в атмосферу мегаполиса, которым фактически стал современный Улан-Батор, становятся стеной между физическим и нематериальным мирами. Исследовательница показывает, как буддизм пытается на уровне своих идей и практики решать вопросы очистки, регенерации и охраны экологии. В целом, считает автор, данная проблема сфокусировала на себе целый комплекс сложнейших вопросов: буддистский церемониал на открытом воздухе, нарастание урбанизма, массовое загрязнение атмосферы, экономическая неразбериха в условиях пост-социалистической экономики, вспышки национализма, в т.ч. религиозного, и влияние глобальных климатических изменений. Книга С.Абрамс-Кавученко представляет собой интерес для нас в Центральной Азии в следующем ракурсе: возможно ли аналогичное влияние ислама на проблемы экологии и весь сопутствующий комплекс социальных процессов в общественной жизни. Особенно возможность актуальность такого тренда будет нарастать по мере реиндустриализации региона и строительства новой промышленной инфраструктуры, что станет неизбежным в ближнесрочную перспективу.

